

ВЕСТНИК МГЛУ

*СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 5 (120) / 2022*

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, Е. А. Булат, А. Н. Гордей, Е. А. Гапанович,
Е. Г. Задворная, Т. В. Поплавская,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Кунцевич С. Е., Клочко А. С.</i> Нарушение нормы как средство создания художественной образности	7
<i>Курбаленко Н. В., Пометько А. В.</i> Эмотивные каузативы немецкого и белорусского языков	16
<i>Ксендзова Е. В., Буренкова А. М.</i> Перевод разговорной и просторечной лексики в художественном тексте (на материале романа Мариам Петросян «Дом, в котором...»	24
<i>Мяховский А. А.</i> Научная и языковая классификация животных: сходства и различия (на материале современного английского языка)	31
<i>Радион Е. Н.</i> Тематика семейной коммуникации как объект лингвистического анализа	44
<i>Ревуцкая Е. А.</i> К проблеме формирования поэтического концепта (на примере концепта «Таллин» в «Двух стихотворениях» Давида Самойлова)	50
<i>Рогова Ю. В.</i> Модели семантической деривации в русском и итальянском языках (на материале деструктивных глаголов)	57
<i>Романовская А. А.</i> Первичная и вторичная аксиологичность античного символа как языкового знака	65
<i>Рудько Т. В.</i> Особенности выражения приблизительного количества в современных русском, белорусском, английском языках	72
<i>Садовская Е. Ю.</i> Виды и модели оценочных суждений в межпоколенческом дискурсе	81
<i>Свистун Т. И., Лонская Д. Д.</i> Лингвопрагматические характеристики слоганов организаций (на материале русского и английского языков)	87

Романское и германское языкознание

<i>Зиневич Н. В., Кравцов Д. О.</i> Вербализация категории субъектности в англоязычном медийном дискурсе: межжанровый аспект	93
<i>Зуевская Е. В., Чигирь А. В.</i> Особенности функционирования маркеров эвиденциальности в немецкоязычных СМИ	101
<i>Лапунова О. В.</i> Ссылка на неперсонифицированный источник как введение точки зрения Другого во французском газетном дискурсе	108
<i>Манько Н. И.</i> Специфика функционирования причастного оборота в простом предложении (на материале французского языка)	115
<i>Овсейчик Ю. В.</i> Полифункциональность французских лексем <i>puis</i> ‘потом’/ <i>ensuite</i> ‘затем’	121
<i>Савко Д. Д., Каранетова Е. Г.</i> Речевые стратегии и тактики в инаугурационной речи Дональда Трампа и аспекты ее перевода.....	134

Исследования славянских языков

<i>Чайка Н. У.</i> Кантэкстуальная варыятыўнасць сінтаксічнай дэрывацыі ў беларускай мове.....	142
--	-----

Литературоведение

<i>Боричевская Т. Г.</i> Экспериментальны характар эвалюцыі еўрапейскай драмы.....	150
<i>Рогачевская М. С.</i> «Влюбленные женщины» в Лондоне (исследование лондонской богемы в романе Д. Г. Лоуренса).....	159
<i>Чернецов А. Д.</i> Хронотоп в концепции М. М. Бахтина: актуализация и реструктуризация	169

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Kountsevitch S., Klochko A.</i> Deviation from the Norm as a Means of Creating Linguistic Imagery	7
<i>Kourbalenko N., Pametska A.</i> Emotive Causatives in German and Belarusian	16
<i>Ksiandzova A., Burenkova A.</i> Translation of Colloquial and Vernacular Words in a Literary Text (Based on the Novel <i>The Gray House</i> by Mariam Petrosyan and its Translation into English)	24
<i>Miakhouski A.</i> Classification of Animals in Scientific Taxonomy and in Natural Language: Differences and Similarities (Based on the Data of Present-day English)	31
<i>Radion E.</i> Themes of Family Communication as an Object of Linguistic Analysis	44
<i>Revutskaya A.</i> Defining the Origin of the Poetic Concept (a Case Study of David Samoylov's <i>Two Poems</i>)	50
<i>Rogova Y.</i> The Models of Semantic Derivation in Russian and Italian (Based on Destructive Verbs)	57
<i>Romanovskaya A.</i> Primary and Secondary Axiological Value of the Ancient Symbol as a Language Sign	65
<i>Rudzko T.</i> Specifics of Expressing an Approximate Quantity in Modern Russian, Belarusian and English	72
<i>Sadovskaya J.</i> Kinds and Models of Evaluation Judgments in Intergenerational Discourse	81
<i>Svistun T., Lonskaya D.</i> Linguopragmatic Characteristics of Slogans of Organisations (Based on the Material of the Russian and English Languages)	87

Romance and Germanic Linguistics

<i>Zinevich N., Krautsou D.</i> Verbalization of Subjectivity as a Category in English Media Discourse: a Cross-Genre Approach	93
<i>Zuevskaya E., Chyhir A.</i> Features of the Functioning of Evidential Markers in German-Language Mass Media.....	101
<i>Lapunova O.</i> Reference to a Non-Personalized Source as Introducing the Other's Viewpoint in French Newspaper Discourse.....	108
<i>Manko N.</i> Participle Phrase Functioning Specificity in a Simple Sentence (Based on the French language)	115
<i>Auseichyk Y.</i> Polyfunctionality of French Lexemes <i>puis</i> 'then'/ <i>ensuite</i> 'then'	121
<i>Savko D., Karapetova Y.</i> Speech Strategies and Tactics in Donald Trump's Inauguration Speech and its Translation Specificity.....	134

Slavonic Languages

<i>Chaika N.</i> Contextual Variation of Syntactic Derivation in the Belarusian Language	142
---	-----

Studies in Literary

<i>Barycheuskaya T.</i> Experimental Character of the European Drama Evolution.....	150
<i>Ragachewskaya M.</i> <i>Women in Love</i> and in London	159
(a Study of London Bohemia in D. H. Lawrence's Novel)	
<i>Chernetsov A.</i> Chronotope in the Concept of M. M. Bakhtin: Actualization and Restructuring	169

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.111'38'42

Кунцевич Светлана Евгеньевна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры стилистики
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Svetlala Kountsevitch
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of English Stylistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
kountsevitchh@gmail.com

Клочко Анна Сергеевна
студентка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anna Klochko
Student
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
ann.vinnil.klochko@gmail.com

НАРУШЕНИЕ НОРМЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАЗНОСТИ

DEVIATION FROM THE NORM AS A MEANS OF CREATING LINGUISTIC IMAGERY

В статье рассматриваются теоретические аспекты понятия отклонения от литературной нормы с целью адекватной интерпретации практического использования стилистического потенциала преднамеренного нарушения нормы в рассказах Говарда Филлипса Лафкрафта.

Ключевые слова: художественная литература / словесное творчество; литературные нормы; нарушения нормы; образ; способы создания словесной образности; стилистические приемы; троп; фигура; функция.

The article touches upon the theoretical aspects of deviation from the literary norm and aims at illustrating the practical usage of its stylistic potentiality in the stories by Howard Phillips Lovecraft.

Key words: fiction / verbal art; literary norms; deviations from the norm; image; means of creating verbal imagery; stylistic devices; trope; figure; function.

В лингвистических дискуссиях традиционно представление о том, что язык, будучи знаковой системой, подчиняется ряду норм как исторически обусловленной совокупности общеупотребительных языковых средств. Норма регламентирует правила их отбора и использования, которые вольно или невольно признаются социумом наиболее пригодными в конкретный исторический период своего развития. Целью настоящей статьи является попытка показать, что нарушение нормы, способствуя повышению вырази-

тельности высказывания, выступает в роли особой черты художественного текста, позволяющей мастеру слова передавать сообщаемую информацию более комплексно и сложно.

В литературном языке наблюдаются более или менее определенные модели выражения мысли, которые отличаются выбором языковых средств. Согласно классическому определению В. В. Виноградова, «Стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [1, с. 73]. Исходя из сказанного, можно утверждать, что каждый стиль (функциональный в частности) имеет свои особенности нормативного употребления языковых единиц.

Литературные нормы принято дифференцировать на *лексические, морфологические, синтаксические и орфоэпические*, а также нормы *логического ударения* [2]. Заметим, что при обсуждении стилистической нормы и стилистических ошибок исследователи подобного единодушия не проявляют. Наиболее существенными признаками нормы считаются ее *стабильность, вариативность и сменяемость* [2]. Стабильность нормы позволяет осуществлять передачу культурных и языковых традиций из поколения в поколение. Вариативность нормы указывает на сосуществование в языковой культуре разных норм, например, литературной и просторечной, письменной и устной. Сменяемость нормы связана с непрерывным процессом развития языка, кроме того, социально-культурные изменения в обществе непременно находят отражение в речи, а затем закрепляются в литературной норме.

Национальный литературный язык, регулируемый нормой и обеспечивающий успешное осуществление коммуникации внутри социума, является основой художественного стиля. Как средство общения, художественная речь опирается на систему образных форм, выражаемую языковыми и экстралингвистическими средствами.

Автору художественного текста необходимо не только уметь соблюдать норму, но и преднамеренно нарушать ее в пределах допустимого в рамках того или иного стилистического приема в частности. Отклонения от нормы выполняют функции: *повышения изобразительности, выразительности, экспрессивности* художественного произведения, *передачи информации имплицитного характера, создания портрета и поддержки образа персонажа, расстановки акцентов и индивидуализации авторского стиля*. При этом немаловажную роль играет уровень развития эстетического чувства писателя.

Исходя из постулата о том, что художник мыслит образами, а искусство призвано отражать действительность в форме чувственных образов, мы

разделяем тезис специалистов по эстетике, теории литературы и стилистике художественной речи о том, что первоосновой словесного творчества является *образ*. Подобные воззрения подчеркивают специфику художественного мышления, воплощенную в отдельном произведении. Образ представляет общее через единичное, абстрактное через конкретное, отвлеченное через чувственно-наглядное. Лингвисты занимаются изучением данного комплексного феномена уже долгое время, однако исследовательский интерес к образам и образности [3], способам их создания и их композиционному потенциалу не ослабевает.

Научную базу трактовки понятия *художественный стиль* заложили В. В. Виноградов, М. Н. Кожина, К. А. Долинина, И. Р. Гальперин, О. А. Крылова, Н. Г. Блохина. Вслед за авторитетными исследователями под художественным стилем мы понимаем особый функциональный стиль, реализующийся в произведениях художественной литературы, который обслуживает креативную сферу человеческой деятельности – сферу словесного творчества. У каждого значительного писателя, поэта, драматурга отмечается свое собственное, оригинальное видение мира: для представления одного и того же явления разные авторы используют различные языковые средства, специально отобранные и переосмысленные.

Художественной литературе, как и другим видам искусства, присуще конкретно-образное представление жизни, ее восприятие посредством чувств. На первый план здесь выходят эмоциональность и экспрессивность изображения. Многие слова в художественной речи выступают как конкретно-чувственные представления. Синтаксический строй художественной речи отражает поток образно-эмоциональных авторских впечатлений, на что указывает большое разнообразие риторических структур. Каждый автор подчиняет языковые средства выполнению своих идейно-эстетических задач. В художественной речи возможны и отклонения от нормы, обусловленные стремлением автора к выделению какой-то мысли, идеи, черты, важной для смысла произведения, что может выражаться в нарушении фонетических, лексических, морфологических и других норм.

Особенностью художественного стиля, его важнейшим признаком является *словесная образность*, что достигается использованием большого количества оригинальных *тропов* и поддерживающих их стилистических фигур. Напомним вкратце, что *тропы* – это слова и выражения, употребляемые в переносном значении для усиления образности языка и достижения выразительности речи. Основными видами тропов считаются: метафора (и олицетворение как ее ярчайшая форма), метонимия (и ее наиболее выразительная разновидность синекдоха), эпитет, гипербола, литота, сравнение, перифраз, аллегория (иносказание), ирония, сарказм. *Стилистические фигуры* – это особые синтаксические обороты, выходящие за рамки необходимых структурных норм для создания художественной выразительности и оказания более сильного воздействия на адресата. К главным стилистическим фигурам относят: риторическое обращение,

риторический вопрос, повтор (анафора, эпифора, рамка), антитезу, оксюморон, градацию, умолчание, многосоюзие (полисиндетон), бессоюзие (асиндетон), параллелизм, хиазм (обратный параллелизм), инверсию.

С точки зрения речевой организации текстов художественный стиль оказывается противопоставленным всем остальным функциональным стилям, поскольку выполнение эстетической функции, задачи создания словесного образа позволяют писателю использовать средства не только рафинированного литературного языка, но и общенародного (диалектизмы, жаргонизмы, просторечие). Следует подчеркнуть, что применение *внелитературных* элементов языка в художественных произведениях должно отвечать требованиям *целесообразности, умеренности, эстетической ценности*. Свободное обращение писателей к языковым средствам различной стилистической окраски и различной функционально-стилевой соотнесенности может создать впечатление «разностильности» художественной речи. Однако это впечатление поверхностно, поскольку привлечение стилистически окрашенных средств, а также элементов других стилей подчинено в художественной речи выполнению эстетической функции. Они используются с целью создания художественных образов, реализации идейно-художественного замысла писателя.

Для выполнения практической части исследования нами были отобраны произведения популярного ныне американского писателя Говарда Лавкрафта, создателя специфического жанра ужасов. Он известен умением передавать неповторимую атмосферу мифологической таинственности и обреченности, стремлением сделать творческий вымысел реальным и осязаемым. Большая часть произведений, послуживших источником примеров, помещена в сборник рассказов о Ктулху (“The Complete Cthulhu Mythos Tales”). Практический материал исследования составили аутентичные контексты с отмечаемыми в них языковыми неправильностями, отобранными из названного сборника рассказов [4]. В проанализированную выборку вошли яркие фрагменты, включающие один или более стилистический прием из числа тех, которым в своих рассказах отдает предпочтение писатель.

Анализ практического материала показал, каким образом нарушение нормы на лексическом, синтаксическом, морфологическом и фонографическом уровнях в том или ином контексте влияет на восприятие, понимание и интерпретацию информации читателем, а также как все это соотносится с индивидуальным стилем и мировоззрением американского писателя. Для нас его биография послужила необходимым контекстом, позволяющим более глубоко понять произведения, написанные в жанре лавкрафтовских ужасов.

С раннего детства будущий писатель увлекался чтением, а с шести лет уже сочинял рассказы и стихи. Вдохновением служила как прочитанная литература, так и мрачные захватывающие истории, рассказанные дедушкой. С детского возраста Г. Лавкрафт страдал от кошмаров и сонного паралича, при котором сознание просыпается, но мышцы расслаблены до такой степени, что бывает невозможно пошевелиться. В такие моменты у человека

появляются галлюцинации, он испытывает страх, тревогу, дезориентацию. Не случайно в рассказах Г. Лавкрафта события часто происходят во сне и в ночное время, а персонажи вынуждены наблюдать за тревожащими их событиями, будучи не в силах что-либо предпринять.

Отличительной чертой *жанра лавкрафтовских ужасов* (жанра черной фантастики как ответвления фэнтези), из которого мы почерпнули контексты, выступает обреченность персонажей и их мира, в котором ужасное является обыденным. Часто главный герой попадает в сверхъестественные, пугающие обстоятельства, где лично от него ничего не зависит.

Над персонажами рассказов Г. Лавкрафта всегда есть нечто, имеющее над ними безграничную власть; сама атмосфера и происходящее будто важнее их самих. Именно внешние обстоятельства навязывают читателю определенный способ мышления и мировоззрения, сквозь призму которых происходит восприятие происходящего. Повествование, как правило, ведется от первого лица, при этом главный герой является лишь наблюдателем и невольным участником событий. Создается впечатление, что определяющим в рассказах является мир Г. Лавкрафта, а персонаж в этот мир чаще всего просто заключен, обреченно пытаясь его исследовать или как-то выжить в нем.

Сначала обратим внимание на примеры стилистических приемов, являющихся в исследуемом материале результатом нарушения нормы на **лексическом уровне**. В рассказе “The Call of Cthulhu” находим впечатляющий по своей художественной выразительности контекст, достигающийся за счет нарушения лексической и частично морфологической нормы: *we live on a placid island of ignorance in the midst of black seas of infinity* ‘мы живем на безмятежном островке счастливого неведения посреди черных вод бесконечности’ (здесь и далее предлагается найденный нами профессиональный перевод), где особого внимания заслуживают **м е т а ф о р ы**. Посредством идентификации окружающего мира с *black seas of infinity* Г. Лавкрафт трактует его как бесконечность, которая уподобляется черным морям. Обратим внимание на то, что море не одно, а их множество (*seas*), а также на его черный цвет, который ассоциируется с темнотой и боязнью того, что в ней сокрыто. Упоминание морей дает намек на наличие в пространстве более одной тайны, причем сколько их точно, не известно. Человек может существовать только на эфемерном островке безопасности (*a placid island of ignorance in the midst*), который безмятежен. Однако данная метафора наводит на мысль о том, что в черных морях бесконечности скрывается нечто устрашающее, и лучше не пытаться это постичь. Подобным образом наше подсознание перерабатывает информацию имплицитного характера. Между тем процесс ее декодирования протекает мгновенно, в результате чего читатель в состоянии прочувствовать напряженную атмосферу повествования и нужным образом настраивается на восприятие новой информации, исходя из заданной рассказчиком картины мира. По нашему мнению, такая метафора показательна, поскольку отражает индивидуальный

стиль Г. Лавкрафта, для которого характерно помещение главного героя в позицию наблюдателя и невольного участника событий, захлестывающих его, как черные воды бесконечности, лишая блаженной неосведомленности.

Сочетание слов *Inky marsh* из рассказа “Dagon” буквально означает ‘чернильное болото’, где прилагательное *inky* является метафорическим эпитетом. Читатель понимает, что болото не может быть из чернил, однако ясно, что оно специфического черного цвета. ‘Чернильное’ звучит гораздо эмоциональнее, нежели просто ‘черное’, и тем самым сильнее пробуждает воображение: этот черный цвет, возможно, имеет едва заметный отлив синего, напоминая устрашающее небо перед сильной грозой. Функция упомянутого лексического стилистического приема заключается в создании яркого визуального образа с целью усиления экспрессивности высказывания.

Slimy expanse of hellish black mire из рассказа “Dagon” ‘слизистая гладь отвратительно черной трясины’ можно было бы перевести как ‘слизистая гладь адской черной трясины’. Предлагаемый нами вариант кажется более близким к оригиналу и более экспрессивным. Использованная метафора показывает, что трясина настолько отвратительна, будто возникла из ада. Тем не менее по Библейским канонам трясина не считается специфическим атрибутом ада, значит, она не может быть адской, однако именно такое определение ей приписывается автором. Функция метафоры состоит здесь в значительном повышении экспрессивности высказывания, она ярко отражает стиль автора, демонстрируя его склонность к мрачным и сильным параллелям подобного рода.

В рассказе “The Nameless City” и его профессиональном переводе читаем: *That place too old for Egypt and Meroë to remember* ‘из всех живущих на земле удостоился созерцать я один’. Однако предложим и свой вариант толкования отмечаемой здесь метонимии: ‘место, слишком старое, чтобы Египет или Мероэ хранили о нем память’. Прием построен на отношении *жители – населенный пункт*, однако ясно, что Египет и Мероэ не являются одушевленными существами, посему памятью не обладают. Вместе с тем эти древние населенные пункты существуют так долго, что могут служить ориентирами давности появления чего-либо. Их упоминание имплицитно преувеличивает, однако гиперболы здесь нет. Дело в том, что писатель ничего не приукрашивает, метонимия эффективно способствует реализации стремления лаконичного выражения непростой мысли автора.

Нарушение грамматической нормы на **морфологическом уровне** отражается в особенностях формообразования. Ярким примером является *транспозиция*, в результате действия механизма которой та или иная грамматическая форма образуется и используется неправильно, несвойственным ей способом. Показателен следующий пример из рассказа “Dagon”: *And I began to despair in my solitude upon the heaving vastnesses of unbroken blue* ‘осознавая свое полное одиночество посреди вздымающейся синей громады нескончаемого океана’. *Vastnesses* ‘необъятность’ – это абстрактное имя существительное, употребленное во множественном числе, демонстрирует

использование морфологического стилистического приема транспозиции, базирующегося на переносе существительного из одного лексико-семантического разряда в другой, так как, согласно грамматической норме, нельзя употребить данное слово (одновременно определяющее и небо, и океан) в форме множественного числа. Идя на такое нарушение, автор усиливает ощущение потерянности от нахождения в давящей своей бесконечностью безукоризненно однотонной среде. Так как над героем, а вместе с ним и над читателем (повествование ведется от первого лица) нечто ‘вздывается’, то становится очевидным, что описываемая ситуация сопряжена с чувством необъяснимой тревоги. Именно такой представляется нам интерпретация заложенной в анализируемом примере информации имплицитного характера.

На **синтаксическом уровне** источником стилистических приемов выступают преднамеренные нарушения порядка слов в предложении. К данной группе у Г. Лавкрафта относятся разнообразные стилистические фигуры. Во фрагменте из рассказа “The Temple” – *As the dead man was thrown over board there occurred two incidents which created much disturbance amongst the crew* ‘Когда тело отправляли за борт, произошло два инцидента, серьезно взбудораживших команду’ – автор использует обратный порядок слов, что можно рассмотреть с двух сторон. С одной стороны, процитированная фраза записана в дневнике немца, поэтому логично предположить, что такая инверсия подчеркивает факт национальной принадлежности, способствуя созданию образа героя. Посредством, казалось бы, незначительных деталей достигается более точное представление о персонаже. С этой точки зрения функция инверсии заключается в отражении особенностей и поддержании рисуемого автором образа персонажа. С другой стороны, обратный порядок слов в данном примере помогает правильно расставить акценты. Мы имеем дело с ритмическим оформлением, иначе говоря с **фонографическим уровнем** высказывания. *There occurred two incidents* представляет собой отдельную интонационную группу. Для сравнения возьмем синтагму: *two incidents occurred*. В первом случае существительное *incidents* находится в конце синтагмы и выделяется интонационно с помощью ядерного тона; во втором случае такого логического ударения нет. Однако в данном контексте ядерный тон необходим для того, чтобы посредством этого тона обратить внимание читателя на наличие инцидентов и более заметной паузы перед следующей синтагмой, что делает констатируемый факт более значительным и готовит читателя к получению новой информации серьезного содержания. При таком рассмотрении использования обратного порядка слов его функцию определим как расставление акцентов, выделение наиболее важного в сообщении, регулирование темпа восприятия и декодирования информации.

Нарушения нормы на фонографическом уровне художественного текста прослеживаются у Г. Лавкрафта в таких стилистических приемах и средствах, как аллитерация, звукоподражание, рифма, ритм, расстановка знаков препинания, типографика. Из рассказа “The Call of Cthulhu” был отобран

следующий пример: *The two sounds most frequently repeated are those rendered by the letters “Cthulhu” and “R’lyeh”* ‘Два наиболее часто повторяющихся созвучия можно было передать как «Ктулху» и «Р’льех»’. Слов, приведенных в кавычках, не существует ни в английском, ни в русском языках, однако, похоже, что они гипотетически присутствуют в некоем древнем языке. В силу незнания никому неизвестного языка персонажи пишут и произносят эти слова так, как умеют, в попытке максимально передать примерное звучание, транскрибируя его, что достигается звукоподражанием – созданием звукового образа, который *графически* поддерживается *курсивом*.

Аналогичный пример звукописи находим в рассказе “The Call of Cthulhu”: *Ph’nglu imglw’nafh Cthulhu R’lyehwgah’ naglfhtagn*. – In his house at R’lyeh dead Cthulhu waits dreaming. ‘Пх’нглуимглев’нафх Ктулху Р’льехвах’наглфхтагн’. – ‘В своем доме в Р’льехе мертвый Ктулху ждет и видит сны’. Здесь вниманию читателя предлагается целая фраза на неизвестном языке, как-то услышанная героями рассказа, звучание которой они попытались передать доступными им средствами, что привело к созданию звукового образа этого странного языка.

Написание слова *aëroplane* ‘аэроплан’ в рассказе “The Temple” есть альтернативный вариант орфографии слов *aeroplane*, *airplane*, вышедший из-под пера персонажа, являющегося немцем по национальности (судя по выделенному нами умлауту, который видит читатель). Нужно также учесть, что это слово было записано в период Первой мировой войны. Подобные детали, связанные с передачей особенностей восприятия данного слова персонажем, делают самого героя более «живым» и проработанным.

В рассказе “The Shadow over Innsmouth” наше внимание привлеч такой фрагмент: *Wonder it keeps running at all. I s’pose it’s cheap enough, but I never see more’n two or three people in it – nobody but those Innsmouth folks* ‘Удивляюсь, что он вообще до сих пор ходит. Проезд в нем довольно дешевый, хотя мне редко доводилось видеть в салоне больше двух-трех пассажиров, да и те исключительно парни из самого Иннсмаута’. В приведенном контексте наблюдается использование графонов при передаче речи персонажа. Автор данного высказывания описан следующим образом: *the stout, shrewd-faced agent, whose speech shewed him to be no local man* ‘коренастый и весьма смекалистый кассир, который, судя по его речи, не был уроженцем тех мест’. Посредством рассматриваемого стилистического приема, выполняющего функцию отражения отличительной черты героя с целью создания, поддержания либо выражения его идентичности, Г. Лавкрафт рисует осязаемый образ персонажа.

Подводя итоги вышеизложенному, подчеркнем, что понятие образности, которое характеризуется субъективностью и оригинальностью, интерпретируется нами как способность языковых единиц ассоциироваться в сознании читателя с конкретными образами, вызывать зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные и гастрономические представления о них. Неправильности в художественных текстах могут выполнять целый ряд стилистических

функций, важнейшими из которых в практическом материале исследования оказались: нарушение предсказуемости и повышение экспрессивности, передача имплицитных сообщений, выражение авторской индивидуальности, что было проиллюстрировано выше конкретными примерами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов, В. В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики / В. В. Виноградов // *Вопр. языкознания.* – М. : РАН, 1955. – № 1. – С. 60–87.
2. *Голикова, Т. А.* Лекция 2. Языковая норма, ее роль в становлении и развитии литературного языка / Т. А. Голикова // *Лингвистика онлайн [Электронный ресурс].* – Режим доступа : http://linguistics-online.narod.ru/index/lekcija_2_jazykovaja_norma_ee_rol_v_stanovlenii_i_razvitii_literaturnogo_jazyka/0-493. – Дата доступа : 18.11.2021.
3. *Борисова, Е. Б.* О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике / Е. Б. Борисова // *Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение.* – 2009. – № 35 (173). – С. 20–26.
4. *Lovecraft, H. P.* *The Complete Fiction* / H. P. Lovecraft ; with an Introduction by S. T. Joshi. – New York, NY : Barnes & Noble, Inc., 2011. – 1120 p.

Поступила в редакцию 28.09.2022

Курбаленко Наталия Валериевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики
немецкого языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Natallia Kourbalenko

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of the Theory and Practice of German
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
natalliakurbalenko2@gmail.com

Пометько Алина Викторовна

выпускница факультета немецкого языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Alina Pametska

Graduate of the Faculty of German
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
alinkapometko@gmail.com

ЭМОТИВНЫЕ КАУЗАТИВЫ НЕМЕЦКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

EMOTIVE CAUSATIVES IN GERMAN AND BELARUSIAN

В статье рассматриваются сходства и различия между немецким и белорусским языками при выражении каузации эмоциональных состояний. Выявлено, что как в немецком, так и в белорусском языках такой тип каузации выражается при помощи лексических и синтаксических эмотивных каузативов, образующих, соответственно, трех- и четырехкомпонентные каузативные конструкции. Описаны некоторые особенности перевода немецкоязычных эмотивных каузативов на белорусский язык: четырехкомпонентные конструкции зачастую переводятся при помощи трехкомпонентных; вместо передачи каузации эмоционального состояния и использования с этой целью каузативных конструкций в переводе может сразу называться результат воздействия субъекта на объект с помощью возвратных глаголов, предикативных наречий, имен существительных и некоторых иных способов.

Ключевые слова: *каузация; каузативная конструкция; каузация эмоциональных состояний; эмотивный каузатив; лексический каузатив; синтаксический каузатив.*

The article deals with the similarities and differences between the German and Belarusian languages in the linguistic expression of causation of emotional states. It is revealed that in these two languages this type of causation is expressed with the help of lexical and syntactic emotive causatives which form three- and four-component causative constructions, respectively. Some peculiarities of the translation of emotive causatives from German into Belarusian are described: four-component constructions are often translated with the help of three-component ones; instead of transmitting the causation of the emotional state and using causative constructions for this purpose, the result of the subject's influence on the object can be expressed with the help of reflexive verbs, predicative adverbs, nouns and some other ways.

Key words: *causation; causative construction; causation of emotional states; emotive causative; lexical causative; syntactic causative.*

В человеке все движимо эмоциями, эмоции составляют мотивационную основу его деятельности и, следовательно, не могут не отражаться в языке. Кроме того, как отмечает В. И. Шаховский, эмоции обобщены национальным опытом конкретного народа и отражаются в языковой картине мира данного народа [1, с. 5].

С понятием *эмоция* тесно связаны такие понятия, как *эмоциональность* и *эмотивность*. В. И. Шаховский считает эмотивность исключительно языковой категорией, которая служит для выражения эмоциональности с помощью разнообразных языковых средств. С лингвистической точки зрения можно говорить об эмотивности как о «свойстве языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека через особые единицы речи – эмотивы» [Там же].

Класс так называемых *эмотивных каузативов*, т.е. глаголов, выражающих каузацию эмоциональных состояний, обладает своей спецификой и входит в фонд эмотивных лексических средств языка. Множество дефиниций и споров, что же представляют собой каузативные глаголы, а также огромное количество попыток их классификации показывают, насколько хорошо эта тема уже изучена. В то же время они подтверждают актуальность проведения исследований подобного рода.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении особенностей выражения каузации эмоциональных состояний в немецком и белорусском языках.

Сопоставительный аспект изучения эмотивных каузативов в немецком и белорусском языках, не становившихся ранее объектом сравнительно-типологических исследований, определяет новизну данной работы.

Материалом исследования послужили примеры эмотивных каузативов, извлеченные методом сплошной выборки из немецкоязычных художественных произведений Стефана Цвейга «*Brennendes Geheimnis*» [2], Генриха Гессе «*Steppenwolf*» [3], Генриха Бёлля «*Ansichten eines Clowns*» [4] и их переводов на белорусский язык [5; 6; 7].

Отметим, что каузация и каузируемое эмоциональное состояние могут быть выражены в языках синтетически (при помощи одной лексемы) и аналитически (расчлененно, когда первая часть структуры называет каузативный компонент, а вторая – эмотивный).

Синтетический, или лексический, каузатив (типа русск. *радовать*) образует трехкомпонентную каузативную конструкцию (КК), состоящую из субъекта каузации, объекта каузации и самого каузативного глагола, совмещающего в себе значения каузативности и эмотивности.

Аналитический, или синтаксический, каузатив (типа русск. *вызвать* что-то, напр. *радость*) организует четырехкомпонентную КК, включающую в свой состав субъект каузации, объект каузации, глагол со значением каузации, и результат каузации, называющий некое эмоциональное состояние.

В немецкоязычных произведениях нашей выборки обнаружено 85 эмотивных каузативов, представленных одной лексемой и образующих, соответственно, трехкомпонентные КК, что составляет 52,8 % от общего количества отобранных немецкоязычных единиц. Примерами таких глаголов являются *amüsieren* ‘веселить, развлекать’, *ärgern* ‘сердить, раздражать’, *aufregen* ‘волновать, возбуждать’, *bedrücken* ‘огорчать, печалить’, *begeistern*

‘воодушевлять, восхищать’, *beruhigen* ‘успокаивать, умирять’, *beunruhigen* ‘беспокоить, тревожить’, *empören* ‘возмущать’, *enttäuschen* ‘разочаровывать’, *entzücken* ‘восхищать, приводить в восторг’, *erregen* ‘возбуждать, волновать’, *erschrecken* ‘пугать’, *erstaunen* ‘удивлять, изумлять’, *fürchten* ‘страшить’, *interessieren* ‘интересовать’, *reizen* ‘раздражать, возбуждать’, *schrecken* ‘ужасать, пугать’, *überraschen* ‘поражать, удивлять’, *verwirren* ‘смущать’, *verwundern* ‘удивлять, изумлять’ и др. При этом наибольшей частотностью в анализируемом материале отличаются глаголы *ärgern*, *beruhigen*, *beunruhigen*, *erregen*, *erschrecken*, *interessieren*, *reizen*, *überraschen*, *verwirren*.

Остальные 76 немецкоязычных примеров (47,2 % от общего количества) представляют собой четырехкомпонентные КК. В качестве связок в таких конструкциях используются глаголы с каузативными значениями ‘вызывать’, ‘возбуждать’, ‘внушать’, ‘приводить’, ‘доводить’, ‘побуждать’, ‘заставлять испытывать’ и т.п.: *auslösen*, *bringen*, *einfließen*, *erregen*, *erwecken*, *lassen*, *machen*, *(ver)setzen*, *zwingen* и др. Самыми употребительными в нашей выборке являются глаголы-связки *bringen*, *erregen*, *machen* и *versetzen*.

Отметим, что глагол *erregen*, в зависимости от значения (ср. 1. *heftige Gefühle in jmdm. erwecken* ‘вызвать в ком-то сильные чувства’, *jmdn.; sich aufregen* ‘волновать(ся)’; 2. *etw. hervorrufen* ‘вызвать что-то’ [8]), может организовывать как трех-, так и четырехкомпонентную КК.

Анализ переводов показывает, что белорусский язык располагает схожими с немецким языком средствами передачи каузации эмоциональных состояний. Так, в белорусском языке также используются трех- и четырехкомпонентные КК. Трехкомпонентные КК в нашей выборке образуют такие белорусские глаголы, как *абразіць*, *бянтэжыць*, *здзіўляць*, *забаўляць*, *зачароўваць*, *злаваць*, *сароміць*, *засмуціць*, *палохаць*, *радаваць*, *раздражняць*, *расчароўваць*, *супакойваць*, *суцешаць*, *трывожыць*, *турбаваць*, *узрушаць*, *уразіць*, *хваляваць*, *цікавіць* и др. Четырехкомпонентные КК образуют глаголы *абуджаць*, *ахопліваць*, *выклікаць*, *вызываць*, *давадзіць*, *прывадзіць*, *прымушаць* и некоторые другие.

При переводе немецких трехкомпонентных КК используются, как правило, эквивалентные им трехкомпонентные КК белорусского языка, организуемые соответствующими лексическими каузативами:

Diese Verwunderung reizte die schon Aufgeregte noch mehr [2] – Але яго здзіўленне яшчэ болей узлавала яе [5];

Wie kannst du deine Mutter so erschrecken [2] – Як ты асмеліўся так напалохаць маму? [5];

Er hatte mich nun eingefangen und interessiert, und ich blieb eine kleine Weile bei ihm... [3] – Так ён залучыў мяне да сябе і зацікавіў, і я затрымаўся ў яго на некалькі хвілін... [6].

Однако при переводе четырехкомпонентных КК немецкого языка используются как четырех-, так и трехкомпонентные КК белорусского языка, ср.:

1) ... *diese Tatsache flößt mir Angst ein* [4] – ... і гэта акалічнасць выклікае ў мяне страх [7]; ... *dem [Kostert] es tatsächlich gelang, mich in*

Erstaunen zu versetzen... [4] – ... Костерту, напрыклад, і сапраўды ўдалося **выклікаць** у мяне здзіўленне ... [7]; *Wenn mir eine Sache keinen Spaß mehr macht, höre ich damit auf* [4] – Калі якая-небудзь праца перастае **дастаўляць** мне задавальненне, я стаўлю на ёй крыж... [7];

2) *Das Wort Frauensache flößt mir Schrecken ein* [4] – «Жаночыя справы» **палохаюць** мяне [7]; ... *und nicht einmal die Tatsache, daß er jetzt Wahlreden für die CDU hielt, konnte mich in Erstaunen versetzen* [4] – Нават той факт, што ён цяпер агітаваў за ХДС, не мог мяне **здзівіць** [7]; *Mir muß eine Sache Spaß machen, sonst werde ich krank* [4] – Усё, што я раблю, павінна **радаваць** мяне самога, інакш я захворваю [7].

Четырэхкомпонентныя КК прадставяюць сабой глагольна-инфинитивныя або глагольна-именныя структуры, пры гэтым як у нямецкамоўных вытворчых, так і ў іх пераводах на беларускую мову пераважаюць глагольна-именныя КК.

Результат каузатыва ў глагольна-именных КК выражаецца пры дапамозе імяна існага (з дапамогай або без), што ўзалежана ад асаблівасцей кіравання тым або іншым каузатывным глаголам.

У нямецкамоўнай выбарцы шырокае распаўсюджванне атрымліваюць такія глагольна-именныя КК з імем прылагальным (49,3 % ад агульнага ліку глагольна-именных КК), нягледзячы на тое, што такім чынам фарміруецца вынік каузатыва прысутнічае толькі глагол *machen*, здольнаму ў каузатывным ужыванні кіраваць і імем існага.

Пры пераказе нямецкіх КК з глаголам *machen* і імем прылагальным ужываюцца тры- або чатырэхкомпонентныя КК беларускамоўнай мовы з адпаведнымі значэннямі:

1) *Nur daß seine Mutter nicht ins Zimmer trat, machte ihn wirr* [2] – Яго **бянтэжыла** толькі тое, што мама чамусьці не ішла ў пакой [5]; *Es machte mich froh und auch unglücklich, wie selbstverständlich für sie ihr Körper war* [4] – Яна была сама натуральнасць, і гэта **цешыла** мяне і ў той жа час **засмучала** [7];

2) *Die Vorstellung, daß Züpfner Marie beim Ankleiden zuschauen könnte, machte mich ganz elend* [4] – Думка пра тое, што Цупфнер можа бесперашкодна глядзець на Марыю, калі яна апранаецца, **выклікала** ў мяне **глыбокую роспач** [7]; *Die Erinnerung machte ihn wieder zornig* [2] – Успамін аб тым, што было, зноў **абудзіў** у ім **гнеў** [5]; *Dieses Schweigen, dieses obstinate kalte Schweigen mit dem Zittern von Hohn auf den Lippen machte sie rasend* [2] – Гэтае маўчанне са здэкліваю ўсмешкаю на вуснах **прыводзіла** яе ў **шаленства** [5].

Глагольна-инфинитивныя КК у нашай нямецкамоўнай выбарцы арганізуюць глагол *lassen*. Яго эквівалентам у беларускамоўнай мове з'яўляецца КК з глаголам *прымусіць*:

Eine unruhige, von schwülen Träumen gefährdete Nacht ließ es ihn bald bereuen [2] – Неспакойны, цяжкі сон гэтай ноччу вельмі хутка **прымусіў** яго **пашкадаваць** аб упушчаным моманце [5].

Однако данный вариант выражения каузации эмоциональных состояний встречается в анализируемых произведениях и их переводах очень редко.

Поскольку выбор соответствия переводимой единице обусловлен не только эрудицией и лингвистическими способностями автора перевода, но и системой языка, на который осуществляется перевод, сопоставление анализируемых произведений позволяет утверждать, что синтаксические эмотивные каузативы не получают такого широкого распространения в белорусском языке, как в немецком. В нашей выборке их доля составляет 33 % от общего числа белорусскоязычных КК. В белорусском языке более частотны лексические эмотивные каузативы.

Необходимо отметить, что не все КК немецкого языка в нашей выборке переводились на белорусский язык при помощи эмотивных каузативов. В 30 примерах вместо передачи каузации эмоционального состояния сразу называется результат воздействия субъекта на объект.

Самым распространенным способом выражения эмоционального состояния в переводе являются возвратные глаголы и предикативные наречия:

1) *Er hatte sie alle verschreckt* [2] – Яны ўжо **напалохаюцца** [5]; . ... *aber bei Katholiken überrascht mich nichts mehr* [4] – ... **затое каталікам я даўно перастаў dziвіцца** [7];

2) *Und die Vorstellung, daß er zu ihren Dauergästen gehören wird, machte mir Angst* [4] – Мне стала **страшна** пры адной думкі, што Блотхерт стане хадзіць да яе ў гасці напросту [7]; *Es hätte mich interessiert, Ihre Meinung, Ihren Widerspruch, Ihr Urteil zu hören* [3] – Мне было б **цікава** пачуць вашу думку, **вашы** прэрэчанні, **вашы** меркаванні [6].

При передаче эмоциональных состояний переводчики прибегают также к использованию имен существительных, прилагательных и наречий:

1) ... *daß Marie nur noch mit mir spielte, weil sie mir eine Freude machen, mich beruhigen, meiner „Künstlerseele“ Entspannung verschaffen wollte* [4] – ... што Марыя гуляе са мной толькі дзеля **майго задавальнення і заспакаення**, гуляе, каб даць разрадку маёй «творчай» натуры [7];... *daß ... der Ausspruch eines Dienstboten oder Trambahnschaffners, ihn begeistern konnte* [3] – Ён ... мог прыйсці ў **захваленне** ад якога-небудзь слугі альбо, скажам, **трамвайнага кандуктара** [6];

2) *Es regnete seit dem frühen Morgen, in keinem Kino liefern Film, der mich interessiert hätte* [4] – У гэты дзень з самай раніцы ліў дождж і ва ўсіх кіно ішлі **нецікавыя** фільмы [7]; *Das amüsierte den Baron* [2] – Гэта **здалося барону забаўным** [5];

3) *Aber – der jähe Gedanke erschreckte ihn – würde das genügen?* [2] – «Але ці хопіць гэтых грошай?» – **рантам спалохана** спытаў ён сябе [5].

Предназначение эмотивного каузатива заключается в выражении воздействия на эмоциональное состояние каузируемого объекта с его последующим изменением. Эмотивные каузативы могут выражать огромный спектр эмоций и эмоциональных состояний. При анализе языкового материала мы опираемся на классификацию эмоций К. Изарда, выделяющего

десять фундаментальных эмоций: интерес-возбуждение, радость, удивление, горе-страдание, гнев-ярость, отвращение-омерзение, презрение-пренебрежение, страх-ужас, стыд-застенчивость, вина-раскаяние [9].

Как показывает наш языковой материал, в художественных текстах преобладают эмотивные каузативы, передающие негативные эмоции:

1) беспокойство, тревога, страх, ужас: *Mich beunruhigte nur die Tatsache, daß wir in Hotels wohnen würden* [4] – Мяне **турбавала** толькі тое, што нам трэба будзе жыць у гасцініцах [7]; *Sie fürchtete diese schneidenden Augen* [2] – Цёмныя Эдгаравы вочы, якія гарэлі неспакойным агнём, моцна **трывожылі** іх [5]; *Aus einer schwarzen Gassenschlucht dicht vor mir gespien erschreckte mich ein Mensch...* [3] – Вынырнуўшы з чорнай пашчы завулка, мяне **спалохаў** нейкі праходжы... [6];

2) злосьць, гнев, ярость: ... *dieses Bild ärgerte mich und war mir scheußlich zuwider...* [3] – ... гэтая карцінка **разлавала** мяне, здалася мне мярзоцінай... [6]; *Die Extravaganz empörte sie* [2] – Гэты недарэчны ўчынак **абурыв** яе [5]; *Es gab nur eine Möglichkeit, ihn in wilden Zorn zu versetzen: wenn jemand ihn hänselte oder hätschelte unserer reichen Eltern wegen...* [4] – У **дзікую лютасць** яго магло **прывесці** толькі адно: калі хто-небудзь з знаёмых дражніў нас нашымі багатымі бацькамі [7]; *Die Gedanken machen ihn wild* [2] – Гэтая думка **прыводзіць** яго ў **шаленства** [5];

3) застенчивость, стыд: *In der Stimme war etwas, das ihn verwirrte...* [2] – У Эдгаравым голасе было нешта, што яго **засароміла**... [5]; ... *beide Anreden setzten uns in Verlegenheit...* [4] – І тое, і другое **бянтэжыла** нас... [7].

Однако позитивные эмоции также находят свое выражение:

1) интерес: *Er hatte mich nun eingefangen und interessiert...* [3] – Так ён залучыў мяне да сябе і **зацікавіў**... [6]; *Die Vertrautheit mit dem Gedanken, daß jener Notausgang beständig offen stehe, gab ihm Kraft, machte ihn neugierig* [3] – Інтымнае знаёмства з думкай, што запасны выхад заўсёд адчынены, давала яму сілу, **надзяляла** яго **цікаўнасцю** [6];

2) радость: ... *die [Leute] sozusagen dem Staat eine kleine Freude machen wollten* [4] – Яны хочуць **даставіць** маленькае **задавальненне** дзяржаве [7];

3) удивление: „*Das wundert mich*“, *sagte der Baron lächelnd* [2] – Гэта мяне **здзіўляе**, — сказаў барон, усміхаючыся... [5]; *Und eines Abends überraschte er mich noch mehr* [3] – А аднойчы ўвечары ён **здзівіў** мяне яшчэ больш [6]; ... *und das erstaunt Sie?* [4] – І гэта вас **здзіўляе**? [7];

4) восхищение: *Der Baron ... entzückte sie durch die frischen, fast ungezogenen Bewegungen* [2] – ... рэзкія, амаль развязныя жэсты [барона] **зачароўвалі** яе юнацкаю **непасрэднасцю** [5].

Хотелось бы отметить, что некоторые лингвисты рассматривают эмотивные каузативы как глаголы интерперсональной семантики (см., напр. [10, с. 100–102], [11, с. 31]), что подразумевает использование в качестве каузатора исключительно одушевленных имен существительных.

Однако наше исследование показывает, что в качестве каузатора, или субъекта каузации, могут выступать как одушевленные, так и неодуше-

ленные имена существительные. При этом в нашем языковом материале преобладают неодушевленные имена существительные, обозначающие абстрактные понятия, события, действия других людей:

1) абстрактные понятия: *Alles Exotische und für sie Unerreichbare erregte diese Frau* [2] – Ён наўмысна выбраў такую бяспечную тэму; акрамя таго, ён здагадваўся, што гэтую жанчыну павінна хваляваць **недасягальная для яе экзотыка** [5];

2) события: *Das Klingeln des Telefons schreckte mich* [4] – **Тэлефонны званок напалохаў мяне** [7];

3) действия: *Ihr Schmatzen macht mir die Sache irgendwie peinlich* [4] – **Ваша чмаканне дзейнічае мне чамусьці на нервы** [7].

Субъект каузации может быть выражен не только именем существительным в именительном падеже, но и придаточным предложением: *Daß ein so unterrichteter und kluger Mensch wie Harry sich für einen „Steppenwolf“ halten kann, daß er das reiche und komplizierte Gebilde seines Lebens in einer so schlichten, so brutalen, so primitiven Formel glaubt unterbringen zu können, darf uns nicht in Verwunderung setzen* [3] – **Хай нас не здзіўляе, што такі разумны і абазнаны чалавек, як Гары, лічыць сябе «стэпавым ваўком» і зводзіць багаты і складаны лад свайго жыцця да такой простаі, брутальнай і прымітыўнай формулы** [6].

Что касается объекта каузации, то он всегда выражен одушевленным именем существительным либо замещающим его личным местоимением, так как эмоции или эмоциональные состояния могут испытывать только одушевленные объекты. Морфологический же способ выражения каузируемого объекта зависит от эмотивного каузатива (винительный падеж, дательный падеж, предложное управление).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Немецкий и белорусский языки, не являясь близкородственными, располагают тем не менее схожими средствами выражения каузации эмоциональных состояний. Как в немецком, так и белорусском языках с этой целью используются лексические и синтаксические эмотивные каузативы, организующие трех- и четырехкомпонентные (глагольно-именные и глагольно-инфинитивные) КК соответственно. При этом среди четырехкомпонентных КК преобладает глагольно-именная конструкция с именем существительным (с предлогом или без предлога). В немецком языке результат каузации может выражаться не только при помощи имени существительного, но и при помощи имени прилагательного (при глаголе *tachen*).

При переводе с одного языка на другой зачастую вместо синтаксических эмотивных каузативов немецкого языка используются белорусские лексические эмотивные каузативы. Этот факт позволяет заключить, что в белорусском языке лексические эмотивные каузативы получили большее распространение, чем в немецком языке. В немецком языке группа синтаксических эмотивных каузативов представлена бóльшим количеством лексем, а трех-

и четырехкомпонентные КК употребительны равным образом. Вероятно, это объясняется тем, что в немецком языке более сильно проявляется тенденция к аналитизму, чем в белорусском языке.

При наименовании субъекта каузации преобладают неодушевленные имена существительные с абстрактной и событийной семантикой. Это свидетельствует в пользу того, что в качестве каузатора эмоциональных состояний выступает не только человек.

Каузируемый объект, выражаемый одушевленным именем существительным, может испытывать при этом огромный спектр эмоций: интерес, возбуждение, радость, удивление, беспокойство, тревогу, страх, ужас, злость, гнев, ярость, а также застенчивость и разочарование. Однако чаще всего речь идет о негативных эмоциях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
2. Zweig, S. Brennendes Geheimnis [Электронный ресурс] / S. Zweig. – Режим доступа : <https://www.gutenberg.org/files/24173/24173-h/24173-h.htm>. – Дата доступа : 02.04.2021.
3. Hesse, H. Der Steppenwolf [Электронный ресурс] / H. Hesse. – Режим доступа : <https://www.kostenlosonlinelesen.net/kostenlose-der-steppenwolf-1>. – Дата доступа : 05.12.2021.
4. Böll, H. Ansichten eines Clowns [Электронный ресурс] / H. Böll. – Режим доступа : https://royallib.com/book/ll_einrich/Ansichten_eines_Clowns.html. – Дата доступа : 20.04.2021.
5. Цвэйг, Ш. Пякучая таямніца [Электронный ресурс] / Ш. Цвэйг. – Режим доступа : <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/religiovedenie/story/61206-shtefan-cvejg-ryakuchaya-tayamn-ca.html>. – Дата доступа : 24.02.2022.
6. Гесе, Г. Стэпавы воўк [Электронный ресурс] / Г. Гесе. – Режим доступа : https://knihi.com/Hierman_Hiese/Stepavy_vouk.html. – Дата доступа : 25.03.2022.
7. Бёль Г. Вачамі блазна / Г. Бёль. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 366 с.
8. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.dwds.de>. – Дата доступа : 02.04.2021.
9. Изард К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. – СПб. : Питер, 2012. – 464 с.
10. Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход / С. В. Шустова. – Изд-е. 2-е, испр., дополн. – Пермь : Пермский гос. ун-т, Прикамский соц. ин-т, 2010. – 248 с.
11. Сюткина Н. П. Функционирование эмотивных каузативов в категориальном семантическом комплексе / Н. П. Сюткина. – Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2020. – 176 с.

Поступила в редакцию 29.09.2022

Ксендзова Елена Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Alena Ksiandzova

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the
Department of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
alena_ksiandzova@tut.by

Буренкова Анна Михайловна

выпускник переводческого факультета
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anna Burenkova

graduate of Faculty of Translation
and Interpreting
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
annaburenkova14@gmail.com

ПЕРЕВОД РАЗГОВОРНОЙ И ПРОСТОРЕЧНОЙ ЛЕКСИКИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на материале романа Мариам Петросян «Дом, в котором...»
и его перевода на английский язык)

TRANSLATION OF COLLOQUIAL AND VERNACULAR WORDS
IN A LITERARY TEXT
(based on the novel *The Gray House* by Mariam Petrosyan
and its translation into English)

В статье рассматриваются проблемы художественного перевода разговорных и просторечных единиц, использованных в романе Мариам Петросян «Дом, в котором...». Проанализированы приемы и способы передачи стилистически маркированных слов и выражений при переводе на английский язык: замена нейтральной лексикой, подбор относительных эквивалентов, описательный перевод, прием смыслового развития, компенсация. Отмечены случаи отсутствия перевода на английский язык стилистически маркированных слов, использованных в оригинальном тексте.

К л ю ч е в ы е с л о в а: художественный перевод; эквивалентность; разговорная лексика; просторечная лексика; стилистически нейтральные слова.

The article deals with the problems of literary translation of colloquial and vernacular words used in Mariam Petrosyan's novel *The Gray House*. The techniques and methods of rendering stylistically marked words and expressions when translating into English are analyzed: replacement with neutral vocabulary, selection of relative equivalents, descriptive translation, the device of meaning extension, compensation. Cases of lack of translation into English of stylistically marked words used in the original text are presented in the article.

К e y w o r d s: literary translation; equivalence; colloquial words; vernacular words; stylistically neutral words.

Как справедливо отмечает специалист в области теории перевода В. В. Сдобников, «если научные, документальные и прочие нехудожественные тексты опираются на систему логического мышления, на логическое отражение мира, то тексты художественные апеллируют к образному мыш-

лению, к способности человека познавать мир образно» [1, с. 239]. Для создания точного и живописного образа писатели не скупаются на средства выразительности. Тропы и фигуры, стилистически маркированная лексика, фразеология, словообразование, синтаксис спаиваются в единый и уникальный авторский стиль и служат основной цели любого художественного текста – оказать эмоциональное воздействие на читателя. Через художественные тексты адресат познает действительность, считывая культурный код, заложенный автором, распознавая реалии и отсылки. Люди, принадлежащие одной культуре, обладают необходимыми фоновыми знаниями, чтобы понять текст оригинала, однако у читателей перевода такие знания могут отсутствовать ввиду различия культур, а также исторического и социального контекста. Как следствие, переводчик вносит определенные изменения в текст, чтобы адаптировать его для реципиента перевода и сохранить прагматический потенциал текста. В результате в разных переводах сохраняются разные элементы содержания оригинала. Изменения при переводе могут быть обусловлены множеством причин, но они должны обеспечивать максимально достижимую эквивалентность оригинала и перевода. Для достижения смысловой эквивалентности в процессе перевода переводчик может пренебречь формальной эквивалентностью. Я. И. Рецкер считает, что, «поскольку критерием адекватности может быть лишь соответствие частице действительности, описанной в оригинале, равноценность средств определяется если не тождеством, то максимальным приближением полученного результата к воздействию оригинала» [2, с. 12]. В случае художественных произведений переводческая деятельность сильно осложнена, так как художественные тексты напоминают многократные коды внутри других кодов, создающие уникальное образное творение, принадлежащее определенной культуре и эпохе.

Современная художественная литература в довольно больших объемах насыщена разговорной лексикой, жаргонизмами, диалектизмами, просторечиями, заимствованиями и т.д. В художественных произведениях такие элементы используются в особой, эстетической, функции, в них реализуется прагматический потенциал текста. Следовательно, их и возложенные на них функции необходимо сохранять в переводе.

В данной работе мы проанализировали перевод разговорной и просторечной лексики на примере одного из наиболее заметных и обсуждаемых романов современной русскоязычной литературы – романа «Дом, в котором...» армянской писательницы Мариам Петросян, изданного в 2009 г. [3] и почти сразу получившего статус «культового».

Автор неоднократно упоминала, что не считает себя профессиональным писателем. Текст она создавала для себя и не думала, что он будет опубликован. Возможно, именно это и делает роман «другим». Больше 20 лет, примерно с конца 80-х гг. XX в., М. Петросян провела бок о бок с героями, приходила к ним, наблюдала за ними и внимала им. Она не была ограничена ни временем, ни объемом, ни ожиданиями читателей [4].

В романе нет координат, время там течет иначе, у героев отсутствуют имена, есть только прозвища, которые не позволяют сузить контекст книги. «Мир “Дома, в котором...” абсолютно вненационален», а также «внетерриториален» и «вневременен» [5]. Дом словно вытеснили за пределы привычного «обитаемого» мира, и он повис в неопределенном «где-то и когда-то».

Уникальные стиль и атмосфера романа формируются, в частности, благодаря активному использованию разговорной и просторечной лексики. Ее распределение в романе представлено неравномерно, оно зависит от повествователя и от времени действия. Например, главы, где рассказчиком выступает герой по кличке Шакал Табаки, пестрят просторечными словами, в то время как в интермедиях, отсылающих сюжет к событиям семилетней давности, их количество ощутимо меньше.

В ходе исследования оригинального текста нами было выявлено 148 разговорных и 106 просторечных единиц, которые в тексте перевода на английский язык, выполненного Ю. Мачкасовым [6], передаются различными способами. Для толкования слов оригинального текста и перевода использовались словари русского и английского языков [7; 8; 9; 10; 11]. Отметим, что одну из основных проблем анализа художественного перевода текстов составляют отличия в системе стилистических помет в словарях разных языков, что отражает различия слов разных языков на семантическом, коннотативном, стилистическом уровнях. Переводчик выбирает то или иное слово, преимущественно полагаясь на собственную интуицию, а не опираясь на строгое соответствие стилистических маркеров в словарных статьях двух языков. Поэтому для комплексного анализа эквивалентности перевода важно учитывать и компенсаторные приемы и способы, которые позволяют сохранить стилистическую маркированность текста в целом, а не только отдельно взятой лексемы или сочетания слов.

Как известно, при переводе наиболее предпочтительным является способ подбора полных эквивалентов. Это способствует максимальному сохранению смысла, коннотаций и стилистических характеристик единиц текста. Так, 22 % разговорных и 33 % просторечных слов и выражений, использованных в оригинале романа «Дом, в котором...», были переданы в переводном тексте путем подбора эквивалентов из числа разговорной или табуированной лексики английского языка, что можно наблюдать на примерах: *Пока он в отключке – And then he's like out cold; Качая башкой – shaking his betoweled noggin; Уймись, Табаки – Tabaqui, pipe down; Этот уродец в перьях плюнул на мои седины – feathered bastard disrespect my advanced age.* Универсальное слово *черт*, весьма употребительное в бытовом общении и выражающее сильное неудовольствие, и его производные передаются следующим образом: *Ну и черт с вами – To hell with you; Чертовы Логи – «Damn Logs; Кой черт там заперся? – Who the heck would need to lock himself in?; Убирайтесь к чертям – Go to hell.* Слова *дерьмо* и *ублюдок* даются с пометами «бранное» и «презрительное» и переводятся

словами *shit* и *bastard*, которым в свою очередь соответствуют пометы «offensive», «taboo», «slang». В обоих случаях регистр слов крайне неформальный, что позволяет сделать вывод об адекватности эквивалентов.

При этом следует отметить, что в ряде случаев при переводе используются лексические единицы, характерные для американской версии английского языка. *Шуты гороховые* передано словом *assclowns*, которое дается с пометой «American English». Фамильярное *братушка* переведено американским *pardner*; *накостник* передается словом *dirthead*, а *всех их измордуем* – *clean their clocks*, которые также идут с пометой «American».

В большинстве случаев одним из основных способов передачи разговорной и просторечной лексики романа стала ее замена стилистически нейтральными языковыми средствами. 55 % всех случаев непосредственного употребления разговорной лексики и 43 % просторечий не были переданы в переводе романа на английский язык. В качестве иллюстраций можно привести следующие примеры использования глагольной разговорной и просторечной лексики: *Черный удавился* – *Black hanging there*, *Я его сперла* – *I stole it*, *Прозевал ужин* – *missed dinner*, *Я его сам прикончу* – *I'm going to kill him personally*, ср. также перевод разговорных глаголов *навидаться* ‘увидеть вдоволь’, *натыкаться* ‘неожиданно обнаружить’, *торчат* ‘находиться где-то, неодобрительное’, *коробить* ‘внушать отвращение’, *слоняться* ‘ходить без дела’, которые переведены при помощи немаркированных лексем *see, meet, sit, annoy* и *move* соответственно. Как следствие, подобные слова потеряли коннотативные элементы значения.

Замена стилистически маркированных единиц нейтральными наблюдается и при переводе субстантивной и адъективной лексики. Так, разговорное слово *пустышка* используется для обозначения чего-то бессодержательного и выражает пренебрежительное отношение говорящего к предмету. В переводе *слова-пустышки* передаются сочетанием *empty words*, где слово *empty* является стилистически нейтральным. В словах с суффиксами субъективной оценки *рыбина, мальчуган, подленький, личико, быстренько* происходит нивелирование оценочности, поскольку они передаются нейтральными *fish, boy, distrustful, face, quickly*. Для англоязычного читателя остается неизвестной манера действия, отношение говорящего и информация о герое, которые читатель оригинала получает, идентифицируя особенности значения подобных слов. В таких случаях они либо утрачиваются совсем, либо передаются с помощью других единиц.

Если говорить о просторечиях, то, в частности, слово *помереть* и его формы встречаются несколько раз на протяжении текста и в каждом случае передаются нейтральными *to die* или *dead*, их формами: *А вы говорили, помер!* – *Who said he was dead?*; *помирает* – *dying*; *Не помереть со скуки* – *from dying of boredom*; *А когда померла* – *And when she died*. Вальжное «*Я сейчас отчаливаю*» употребляет в речи директор приюта Акулы, однако тот же английский персонаж весьма нейтрально сообщает: «*I'm leaving soon*».

«Дрыхнувшие» обитатели дома (*Nanette дрыхнет* и *У нас все дрыхнут в спальнях мешках*) просто спят (*Nanette is sleeping* и *Everyone sleeps with his head in a sleeping bag*), а их морды превращаются в лица (дал ему по морде – *broke his face*; прикручивать к морде – *to duct-tape to my face*).

Одну из групп героев книги называют *дохляки*. В случае с этим словом акцент сделан на здоровье персонажей. *Не для всяких дохляков, по Могильникам шастающих*, где Могильник – больничное крыло Дома, которое все герои не любят и старательно избегают. Слова *Ладно, я дохлый, [...] а вы все здоровяки* подтверждают, почему персонажи носят именно такую кличку. В переводе *дохлякам* соответствует слово *sissies*. Русское слово характеризуется как «просторечное пренебрежительное», английское – как «informal», «disapproving». Хотя соответствие подходит стилистически, слово *sissy* используется, когда речь идет о мальчишке, которого не любят другие мальчишки, потому что предполагается, что он заинтересован в традиционно женских увлечениях и не соответствует устоявшемуся образу мужчины. Таким образом, заложенный смысл теряется, что не позволяет назвать соответствие удачным.

При переводе романа также применялся описательный перевод, однако значительно реже – около 7 % для просторечий и 9 % для разговорной лексики. В основном он использовался для перевода фразеологических единиц. С помощью описательного перевода передавались некоторые слова, специфические в плане семантики или словообразования. Те смыслы и оттенки смыслов, которые можно отразить словообразовательными аффиксами в русском языке, невозможно перевести аффиксами английского языка. В связи с этим переводчик вынужден был прибегнуть к описательному переводу, чтобы донести до англоязычного читателя максимально возможный объем информации, содержащийся в одном слове, например: *оскотинивается – turns into a complete bastard*; *хрумкая в платок – making crunching noises into her handkerchief*; *сигарета-трехдневка – once-every-three-days cigarette*. Чаще всего в описательных конструкциях использовалась нейтральная лексика, однако иногда переводчик использовал и стилистически маркированные единицы. Так слово *bastard* в вышеуказанном примере относится к категории табуированных слов, что даже несколько снижает общий регистр фразы, так как русское слово *оскотиниваться* принадлежит к разряду разговорной лексики.

Кроме того, в ряде случаев автор перевода романа на английский язык использовал прием *смыслового развития*. Данный прием подразумевает замену исходного слова единицей языка перевода, при этом значение одной логически выводится из значения другой. Целостное преобразование рассматривается как разновидность смыслового развития и подразумевает отсутствие общих семантических компонентов при сохранении одинакового содержания. Специфика разговорной речи предполагает частое использование такого рода изменений при переводе, например: *Туда-сюда – I've decided to practice driving*, *Черт знает что – outrageous*. Около 10 % разго-

ворных и просторечных единиц вошли в конструкции, переведенные таким образом. Практически во всех случаях перевода в качестве соответствий использовались стилистически нейтральные слова и выражения.

Вышеописанные способы оказались самыми распространенными в переводе романа «Дом, в котором...». Среди других способов можно также отметить *компенсацию*, когда утраченные элементы смысла передаются в любом другом месте в переводе. В некоторых случаях компенсация применялась к словам, стоящим рядом в предложении. При переводе просторечных и разговорных единиц регулярно производилась замена на нейтральные варианты, но переводчик компенсировал это, используя сниженную английскую лексику для передачи нейтральных русских слов. Например, *пьяный в дым* передается как *he's totally plastered*. Просторечному *в дым* соответствует нейтральное *totally*, а нейтральному *пьяный* – сниженное *plastered*. В примере *застрял пообщаться – I lingered, shooting the breeze with Shuffle* наблюдается схожая ситуация. Разговорному глаголу *застрял* соответствует нейтральный *lingered*, нейтральный *пообщаться* переведен неформальным выражением *shooting the breeze*.

В единичных случаях перевод просторечных и разговорных слов отсутствовал (примерно 3 %), например: *Какой это к черту лист – That's no leaf; скачут хохлатые тени плясунов – jumping, mulleted shadows*.

Таким образом, анализ оригинального и переводного текстов романа М. Петросян «Дом, в котором...» показал, что большинство разговорных и просторечных слов русского языка при переводе на английский язык не сохранили свои характеристики, хотя основной задачей переводчика является достижение максимальной эквивалентности, в том числе и стилистической. При переводе просторечной и разговорной лексики использовались традиционные приемы: замена нейтральной лексикой, подбор относительных эквивалентов, описательный перевод. На основе проанализированного материала можно сделать вывод о том, что добиться полного соответствия двух текстов на разных языках во многих случаях невозможно, что в первую очередь связано с семантическим, коннотативным и стилистическим различием между разговорной и просторечной лексикой русского языка и сниженной лексикой английского языка. Как следствие, для передачи большинства маркированных слов автор перевода использовал частичные эквиваленты или комплексные преобразования высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сдобников, В. В. Теория перевода : учебник для переводческих факультетов и факультетов иностранных языков / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – Н. Новгород : Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2001. – 306 с.
2. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер ; доп. и коммент. Д. И. Ермоловича. – 3-е изд., стереотип. – М. : Р. Валент, 2007. – 244 с.

3. *Петросян, М.* Дом, в котором... / М. Петросян. – М. : Livebook, 2015. – 960 с.
4. «Новых книг от меня ждать не стоит...» Интервью с Мариам Петросян [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://lit.wikireading.ru/53294>. – Дата доступа : 20.09.2022.
5. *Лебёдушкина, О.* Петросян, которую «не ждали». «Дом, в котором...» как «итоговый текст» десятилетия [Электронный ресурс] / О. Лебёдушкина // Дружба народов. – 2010. – № 8. – Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/druzhba/2010/8/petrosyan-kotoruyu-ne-zhdali.html>. – Дата доступа : 20.09.2022.
6. Mariam Petrosyan, The Gray House translated by Yuri Machkasov [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://nemaloknig.net/read-350990/?page=1#booktxt>. – Дата доступа : 20.09.2022.
7. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dictionary.cambridge.org/ru/>. – Дата доступа : 20.09.2022.
8. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.ldoceonline.com/>. – Дата доступа : 20.09.2022.
9. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>. – Дата доступа : 20.09.2022.
10. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Режим доступа : <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=24894>. – Дата доступа : 20.09.2022.
11. *Ушаков, Д. Н.* Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] Д. Н. Ушаков. – Режим доступа : <https://ushakovdictionary.ru/>. – Дата доступа : 20.09.2022.

Поступила в редакцию 03.10.2022

Мяховский Антон Александрович
аспирант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anton Miakhouski
PhD Student of the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
myahovskij@mail.ru

**НАУЧНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЖИВОТНЫХ:
СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ**
(на материале современного английского языка)

**CLASSIFICATION OF ANIMALS IN SCIENTIFIC TAXONOMY
AND IN NATURAL LANGUAGE: DIFFERENCES AND SIMILARITIES**
(based on the data of present-day English)

В данной статье предпринята попытка раскрыть сходства и различия между языковой и научной классификацией на материале научной зоосистематики и классификации животных в современном английском языке. Сравнение выявило общие черты: иерархическая организация как результат общих когнитивных механизмов выделения общего и частного, тождественные номинативные стратегии, а также различия: количественные (языковая классификация уступает научной по объему и полноте описания биологического разнообразия животных) и качественные (классы языковой классификации содержат прагматическую информацию, не столь типичную для научной классификации).

Ключевые слова: *классификация; таксономия; фолк-таксономия; номенклатура; категория; организующий принцип; соответствие.*

The article attempts to identify similarities and differences between the scientific zoosystematic classification and the classification of animals in present-day English. The comparison has revealed such similarities between them as a hierarchical organization resulting from the common cognitive mechanisms of abstraction and specification, as well as identical naming strategies. Quantitative (the linguistic classification doesn't provide such a full and extensive description of biological diversity as scientific taxonomy) and qualitative differences between the classifications (the classes of the linguistic classification contain pragmatic information, which is not relevant for a scientific taxonomy) have been identified.

Key words: *classification; taxonomy; folk-taxonomy; nomenclature; category; organizing principle; correspondence.*

Окружающая человека среда неоднородна и состоит из множества простых и сложных, пересекающихся и непересекающихся, конечных и неконечных форм, все многообразие которых кажется невозможным описать в рамках единой системы [1, р. vii]. Однако с момента своего появления человек был «классифицирующим животным» [2, р. 1210], так как был вынужден выделять, упорядочивать и систематизировать знания о мире ради выживания.

Способности к классификации благоприятствовало возникновение языка, что подчеркивает Б. Берлин: «Выживание человека зависит от его способности распознавать сходства и различия между объектами и явлениями в материальном физическом мире и **лингвистически закреплять** [выделено нами. – А. М.] знания об этих сходствах и различиях» [2, р. 1210]. Информация о мире закреплялась в языке стихийно в результате того, что в языковой общине возникала необходимость передачи практических знаний следующему поколению. Так появились первые наивные классификации, называемые *прототаксономиями*, или *фолк-таксономиями*.

Со временем пришло осознание необходимости в целенаправленной и осмысленной организации и систематизации знаний, которые «отражают не потребности человека, но прежде всего и главным образом структуру окружающего мира» [3, с. 30], что и положило начало развитию *протосистематики* и в дальнейшем *таксономии* – научной классификации в ее современном виде [4]. Несмотря на общие истоки языковой и научной классификаций, на сегодняшний день многие ученые полагают, что в их основе лежат разные организующие принципы.

Наше исследование опирается на **гипотезу** о том, что как сходства, так и различия между классификацией животных в языке и научной классификацией связаны с лежащими в их основе принципами, одни из которых ввиду общности онтологического происхождения должны совпадать – они отражают общекогнитивные механизмы, присущие классификации мира человеком, а другие должны быть специфичными для определенного типа классификации, поскольку языковая и научная классификации отличаются целеполаганием. Однако, прежде чем переходить к проверке гипотезы, важно рассмотреть черты, характерные для языковой и научной классификаций, которые раскрываются в лежащих в их основе принципах.

Благодаря когнитивной лингвистике и, в частности, теории категоризации выявлены многие характеристики языковой классификации. Категория языка отличается от научного таксона нечеткостью границ (*fuzzy categories*) и градуальным устройством (*gradual structure*), которые в дальнейшем послужили основанием для разработки **теории прототипов** (*prototype theory*) [5].

Согласно данной теории, в каждой категории есть удачные представители, составляющие прототипическое ядро, а также менее удачные представители, которые тяготеют к периферии категории¹ [6; 7]. Более того, границы языковых категорий нечеткие как с точки зрения статики (системы языка), так и динамики (речевого контекста):

---

¹ По мере развития теории прототипов стала преобладать точка зрения, что прототип не обязательно выражен конкретным реально существующим представителем; в центре прототипа находится идеал – абстрактное представление, совокупность, состоящая из наиболее значимых категориальных признаков [8; 9].

1) с точки зрения статики прототипическая теория хорошо отражает внутреннее устройство категорий с нечеткими границами; разные носители имеют разное представление о том, где нужно прокладывать межкатегориальные границы¹: *robin is a bird (+)*, *ostrich is a bird (+/-)*, *bat is a bird (?)* [10];

2) с точки зрения динамики:

- в зависимости от ситуации границы уже существующих категорий могут модифицироваться и переосмысливаться [11, p. 93–95]: *A dog has four legs* ‘у собаки четыре ноги’ (из категории исключены животные, потерявшие одну и более конечностей), *We get lots of birds in the garden* ‘у нас много птиц в саду’ (если человек проживает в Манчестере, вряд ли подразумеваются нехарактерные для данной местности птицы, такие как страусы или орлы);

- создаются ситуативные, контекстозависимые *ad hoc* категории, которые изначально не представлены в статической модели категоризации человека, а возникают спонтанно [11, p. 96; 12, p. 211]: *things to sell at a garage sale* ‘вещи, которые можно продать на гаражной распродаже’, *dogs and other pets* ‘собаки и другие питомцы’.

Несмотря на нечеткость межкатегориальных границ в языке, структурация категорий протекает в соответствии с определенными правилами и принципами. Особенно широко известны принципы, приведенные в работах Дж. Лакоффа, которые он рассмотрел на примере языка дьирбал [13, с. 12–24; 14, p. 92–104]:

- **принцип центральности** – наиболее важные члены категории образуют ее центр: в языке дьирбал есть удачные – центральные представители категорий I «мужчина и все живое», II «женщина, огонь и вода», III «растительная пища», IV «прочие неодушевленные предметы»;

- **принцип идеальной модели** – в каждой культуре есть свои идеальные модели мира, например, мифы, поверья, которые также могут задавать определенные связи внутри категории: носители дьирбал верят, что луна – муж солнца, поэтому луна относится к категории I, а солнце к категории II, также у них есть поверье, что птицы – души умерших женщин, поэтому они входят в категорию II;

- **принцип цепочечной связи** – центральные члены категории связываются с менее центральными членами посредством цепочечной связи: поскольку рыба живая, приспособления для ловли рыбы также входят в категорию I; так как вода гасит огонь, то она входит в категорию II; аналогично «солнечный ожог» и «огненный червь» ассоциируются у носителей языка дьирбал с огнем, а значит, относятся к категории II;

- **принцип сферы опыта** – в каждой культуре существуют специфические для нее сферы опыта, которые определяют, какие связи возникают между членами категории: в языке дьирбал плодоносящие деревья относятся

---

¹ Примеры сопровождаются условными символами, указывающими на степени соответствия категории прототипу: (+) – хороший образец, (+/-) – не лучший образец, (?) – плохой образец категории, который вызывает сомнения по поводу его включения.

к категории III, а остальные деревья – к категории IV; спички для разведения и трубки для раздувания огня входят в категорию II, но сигареты, воспринимаемые как листья растений для курения, входят в категорию III;

- **принцип специфичности знания** – при категоризации специфичное знание получает преимущество над общим знанием: необычные представители категории выносятся за ее пределы – так, все змеи входят в категорию I, но полозы и водяные питоны – в категорию II; опасные предметы маркируются отнесением к другой категории – например, птицы относятся к категории II, но опасные птицы, такие как ястребы, входят в категорию I.

Приведенные Дж. Лакоффом принципы отражают устройство языковых категорий. Их хорошо дополняют фолк-таксономические принципы, которые отражают связи, возникающие между категориями, когда они выступают в качестве классов в составе иерархически организованной классификации [11; 15; 16]:

- **принцип примарности** – в языке салиентные категории, обладающие большой значимостью для человека, обычно имеют примарные (однословные) названия, и, напротив, для названий тех категорий, которые обладают для человека меньшей значимостью, характерны более длинные названия: вторичные, или биномиальные (двухсловные) и фразовые (многословные). Биноминальные названия являются производными от универбов и имеют вид «родовое название + видовой признак»: *oak* ‘дуб’ → *white oak* ‘белый дуб’, *maple* ‘клен’ → *sugar maple* ‘сахарный клен’ [17];

- **принцип мотивированности** – степень прозрачности мотивации названия и степень значимости категории для определенной культуры или социума коррелируют между собой: высок шанс того, что за категорией, которая имеет малую культурную и социальную значимость, закрепится немотивированное название (*unanalyzable, semantically opaque*), так же, как и вероятность того, что важная для социума категория получит название с прозрачной мотивацией (*analyzable, semantically transparent*);

- **принцип терминальности** – между названием и его лексической формой (универб, биномиал, фраза) существует взаимосвязь: как правило, те категории, которые неконечные в классификации, обозначаются универбами, а те категории, на которых завершается развертывание структуры классификации, обозначаются биномиалами, и, наконец, длинные и протяженные названия практически всегда замыкают структуру классификации.

Перечисленные принципы свидетельствуют об антропоцентрическом характере языковой категоризации и классификации. Для антропоцентричной языковой картины мира характерна фиксация лишь той информации, которая представляет пользу и/или интерес для человека, при этом специфическое знание, имеющее практическую утилитарную важность для человека, находится в приоритете и может нарушать общую логику и структуру классификации. Положение класса в общей структуре классификации и специфика его названия также коррелируют со степенью важности, которую человек придает классу.

Ранее отмечалось, что основное различие между научной и языковой классификациями заключается в разном целеполагании. В то время как в разработке языковых классификаций преследуемая цель состоит в создании таких классификаций, которые обеспечивали бы успешное выживание людей в окружающей среде, научная классификация стремится к разработке объективного описания живых организмов, исходя из их генезиса (зарождения) и филогенеза (эволюционного развития) [18, с. 549; 19, р. 520]. Следовательно, научная классификация должна быть строгой, организованной и логичной.

Все многообразие принципов, организующих современные биологические научные классификации, можно свести к трем категориям: **общим, номенклатурным и таксономическим** [13; 18]. К общим относятся общелогические принципы, которые требуют четкости, точности и однозначности научного описания, в результате чего логические принципы организации научной классификации приближают научные таксоны к классическим категориям, которые качественно отличаются своим внутренним устройством от языковых категорий, межкатегориальные границы которых не столь четкие.

Логический аппарат научной классификации восходит к понятию родо-видовой схемы, предложенной еще Аристотелем и позже переосмысленной Порфирием [20]. Она подразумевает наличие двух составляющих – логического рода и логического вида, при сопоставлении которых выводятся как признаки, являющиеся общими для логического рода и вида (*genus*), так и отличительные дистинктивные признаки, которые позволяют отличить вид от рода (*differentia*).

В биологической классификации родо-видовая схема нацелена на разграничение таксономических (существенных, классифицирующих), лежащих в основе родо-видовой схемы, и нетаксономических (характерных и случайных) признаков, которые находятся за ее пределами [18; 21]. Так, к таксономическим признакам относятся анатомо-морфологические, генетические, популяционные, репродуктивные, биохимические характеристики биологического организма, а к числу нетаксономических – приобретенные признаки, не входящие в генотип¹. Важным следствием логичности научной классификации является тот факт, что таксономические признаки в ней имеют равную значимость: «для научной лингвокогнитивной категоризации существенные признаки, как правило, одинаково значимы для всех членов категорий научного сознания» [22, с. 247].

Тот факт, что родо-видовая схема позволяет отделить общее (родовое) от частного (видового), хорошо сочетается с ранненаучными номенклатурными принципами К. Линнея: его классификацию можно назвать

---

¹ По этой причине в «Международном кодексе зоологической номенклатуры» («International Code of Zoological Nomenclature») исключают из таксономического описания любые тератологические – с врожденными аномалиями – и гибридные образцы организмов, а также условные названия таксонов [21, р. 3].

двойной, потому что каждый живой организм имел два имени: общее, обыкновенное, тривиальное имя, которое лексически выражалось одним словом (*common name, trivial name – nomen triviale*), и научное, истинное имя, состоящее из двух слов (*true scientific name – differentia specifica*) [23, p. 78–79]. Примечательно, что при выборе общих тривиальных названий К. Линней во многом опирался на языковую традицию и привычные названия животных, которые были «на слуху».

Как следствие, общие имена таксонов у К. Линнея не отражают связи между обозначаемым и родственными таксонами, а лишь дают имя таксону (*simply designatory name*). Истинные имена, напротив, содержат такие дистинктивные характеристики, которые присущи называемому таксону и позволяют отличить его от других таксонов, – такие названия не только называют таксон, но и отражают его внутреннюю сущность (*both designatory and self-defining name*) [23, p. 78–79].

На после-линнеевском этапе развития научной классификации утвердилась «преимущественная трактовка названий как неких “меток”, по возможности лишенных семантической нагрузки и выполняющих техническую функцию десигнации таксономических объектов» [3, с. 108]. Истинные линнеевские названия были забыты, а обыденные названия, которые восходят к наивной классификации, наоборот, были признаны обязательными [4]. Из этого следует, что даже когда номенклатура К. Линнея устарела, ученые еще долго продолжали использовать ту ее часть, в которую вошли наивные названия, потому что она была для них удобным мнемоническим средством для запоминания различных групп организмов [24]. Даже в современных биологических кодексах все еще можно различить изначальные линнеевские номенклатурные принципы. То, что они сохранили свою актуальность, становится очевидным при рассмотрении «Международного кодекса зоологической номенклатуры», который требует следовать строгой процедуре номинации [21]:

- 1) обоснование необходимости выделения и номинации таксона;
- 2) сопровождение публикациями и документами, которые могут повлиять на роль таксона в номенклатуре;
- 3) следование принятым номенклатурным правилам и процедурам:
  - а) есть общеноменклатурные правила, например: название любого таксона рангом выше вида должно быть универбальным, т.е. однословным, должно быть написано латиницей, по протяженности не может превышать 26 символов и т.д.;
  - б) есть правила номинации таксонов определенного ранга:
    - семейство должно обозначаться существительным в именительном падеже множественного числа, также название семейства должно быть образовано от названия уже известного рода, входящего в его состав;
    - род обозначается существительным в именительном падеже, единственном числе;

- видовое название должно состоять из двух слов; то из них, которое исполняет роль определения, может быть выражено прилагательным, причастием или существительным в родительном падеже.

Понятие родо-видовой схемы также позволило научной классификации развить таксономические – иерархические – принципы организации. Так, еще в античности Аристотель смог составить классификацию на ограниченной выборке известных ему животных, которая насчитывала три уровня: 1) величайшие роды (животные с кровью) и великие роды (животные без крови); 2) роды как виды видов (имеют подклассы) и простые роды (являются конечными классами); 3) единичные виды (под ними подразумевались отдельные особи) [25, с. 11–12]. Однако с увеличением объема знаний о мире научная классификация значительно усложнилась и одной лишь родо-видовой схемы стало недостаточно для описания всего биоразнообразия, известного человечеству. Как следствие, на практике «таксономическое полотно» можно делить не одним, а множеством разных способов, и изначальная идеальная родо-видовая схема Аристотеля включает одно или более промежуточных звеньев родовидов [3, с. 36].

Возникла необходимость в новых дополнительных методах и способах систематизации биологической действительности, в результате чего были разработаны таксономические принципы. Таким образом, на сегодняшний день преобладает мнение о том, что таксономические принципы универсальны, но сами таксоны условны [4]. К числу основных таксономических принципов относятся [26, с.73–80]:

- **принцип ранжирования**, согласно которому классификация должна иметь строгую и фиксированную ранговую структуру со строгим соподчинением рангов и закреплением за ними фиксированных номинаций;
- **принцип дискретности**, который запрещает принадлежность даже отдельных представителей таксона одновременно к двум таксонам более высокого ранга;
- **принцип истинности**, согласно которому таксон и его имя являются истинными, если соответствуют содержательным или формальным условиям классификационной деятельности;
- **принцип определенности**, в соответствии с которым таксон должен быть однозначно и опознаваемо выделен в окружающем мире, чтобы оправдать его включение в классификацию;
- **принцип ранговости номенклатуры** – связывает номенклатуру (способы образования названий таксонов) с таксономией (их положением в иерархии); подразумевает, что имя таксона не условно и должно отражать его положение в иерархии.

Итак, вначале построение научной классификации опирается на общие принципы, в основе которых лежит понятие родо-видовой схемы, с ее помощью таксономические признаки отделяются от нетаксономических

и выделяются потенциальные таксоны. Затем проверяется, удовлетворяют ли выделенные группы организмов всем необходимым номенклатурным и таксономическим принципам.

Очевидно, что принципы в языковой и научной классификации обнаруживают ряд сходств и различий. К с х о д с т в а м следует отнести наличие ранговой организации (число рангов различно, но в основе лежат общие когнитивные механизмы выделения общего и частного), тождественные стратегии номинации (склонность к универбации классов выше родового ранга и биноминализации видовых названий), следование критерию истинности (характерно для научной классификации, прослеживается в языке в стремлении к выбору мотивированных названий для значимых групп организмов), относительность межкатегориальных границ (границы языковых категорий и научные таксоны относительны). К р а з л и ч и я м относятся: строгое внутреннее устройство категорий в научной классификации (таксономические принципы подразумевают строгую организацию классификации) и относительно подвижные границы между языковыми категориями (устроены градуально, есть более и менее удачные представители категории), объективность таксономического описания в научной классификации (все таксономические признаки имеют для ученого одинаковую значимость) и избирательность языковой классификации (специальное знание всегда преобладает над общим).

Рассмотрев характерные для языковой и научной классификации черты, раскрывающиеся в лежащих в их основе принципах, перейдем к цели исследования – установить сходства и различия между научной и языковой классификацией на материале зоологической таксономии и названий животных в современном английском языке. В качестве материала научной классификации мы использовали данные из электронного ресурса Integrated Taxonomic Information System (ITIS) ‘Интегрированная таксономическая информационная система (ИТИС)’ [27], созданного коллективными усилиями специалистов из США, Канады и Мексики и представляющего собой наиболее полную базу актуальных таксономических данных. Для получения как можно более полного описания классификации животных в английском языке мы воспользовались лексической базой WordNet, которая вобрала в себя широкий спектр источников: от традиционных и электронных словарей до данных психолингвистических экспериментов [28].

При сопоставлении мы опирались на исследования, которые показали, что между научным таксоном (классом таксономии) и классом в языковой классификации можно обнаружить одну из трех степеней соответствия [15; 16]: 1) полное совпадение (*one-to-one correspondence/equidifferentiation*) – языковой и научный биологический класс полностью совпадают по структуре; 2) недостаточная дифференциация (*underdifferentiation*) – языковой класс имеет менее развернутую структуру, чем соответствующий ему научный; 3) чрезмерная дифференциация (*overdifferentiation*) – класс в языке имеет более сложную структуру, чем соответствующий ему научный класс.

В первую очередь внимание привлекает огромное количественное различие между числом классов, которые насчитывают научная (516194) и языковая классификации (3944): общая сумма всех классов в составе классификации, полученной на лексическом материале базы WordNet, уступает количеству классов в составе научной классификации, извлеченной из материала ITIS, в 131 раз. Это свидетельствует о значительно более простом устройстве классификации животных в языке по сравнению с научной классификацией.

При сопоставлении классов научной таксономии и языковой классификации выяснилось, что 47,44 % классов в базе WordNet соответствуют структуре классификации, приведенной в ITIS. Соответствие научного и языкового класса не может быть полным по ряду причин, однако мы опирались в первую очередь на структуру и наполнение класса: если языковой класс содержит те же основные подклассы, что и научный таксон, или входит в те же классы, что и таксон в научной классификации, мы считаем их тождественными. Так, например, класс *edentate* ‘неполнозубые’ содержит ключевые классы, такие как *armadillo* ‘броненосец’, *sloth* ‘ленивец’, *anteater* ‘муравьед’, которых достаточно, чтобы утверждать, что *edentate* занимает аналогичную позицию в научной таксономии и в лексической классификации. Полный список соответствий между классификацией животных на материале лексической базы WordNet и научной биологической информационной системы ITIS приведен в таблице.

Соответствия между классификацией животных согласно ITIS и WordNet

Названия Классов	Классификация				
	ITIS	WordNet	Названия классов	ITIS	WordNet
Царство	1	1	подотряд	307	3
подцарство	2	0	инфраотряд	92	2
инфрацарство	2	0	секция	10	0
надотдел	4	0	подсекция	3	0
Отдел	33	10	надсемейство	548	0
подотдел	21	9	семейство	5139	328
инфраотдел	2	2	подсемейство	2335	83
надкласс	4	1	триба	1469	11
Класс	98	15	подтриба	168	3
подкласс	57	5	Род	44787	406
инфракласс	12	3	подрод	2689	12
надотряд	43	3	Вид	350345	821
Отряд	494	25	Подвид	48198	15

Согласно полученным данным, в языке вовсе не представлены такие научные таксоны, как подцарства, инфрацарства, надотделы, секции, подсекции и надсемейства. Кроме того, в научной и языковой классификации наблюдается общая тенденция к выделению большего числа примарных, чем вторичных таксонов, названия которых содержат приставки *над-*, *инфра-* и *под-*, однако в языке эта корреляция выражена более явно. Например, в научной классификации подсемейств в 2,2 раза меньше, чем семейств; подродов в 16,7 раза меньше, чем родов; подвидов в 7,3 раза меньше, чем видов, а в языковой классификации подсемейств в 4 раза меньше, чем семейств; подродов в 33,8 раза меньше, чем родов; подвидов в 55 раз меньше, чем видов. Должно быть, классы, названия которых не содержат приставок, обладают большей психологической выделенностью: более простое название обладает большей значимостью для носителя языка [15; 16; 29].

Из всех приведенных таксонов в лексической системе в количественном плане особенно выделяются классы, которые соответствуют таксонам семейств, родов и видов. Они составляют большинство среди классов, соответствующих научной таксономии, и представляют значительную долю от общего числа классов в языковой классификации животных в английском языке: семейства насчитывают 19,71 % от числа классов, соответствующих таксономии, и 8,32 % от общего числа классов в классификации, роды – 24,39 % и 10,29 %, а виды – 49,26 % и 20,82 % соответственно.

Данная тенденция кажется закономерной, если учитывать, что таксоны семейств, родов и видов – первые таксоны, которые стали использоваться людьми: «Вероятно, род является древнейшей из классификационных категорий, выделенных человеком» [30, р. 720]. Роды изначально появились как «основные монотипичные виды, к которым могли присоединяться другие виды» [31, р. 598]. Позже всего люди научились различать семейства: «семейства были знакомы людям, но в ограниченной мере» [30, р. 724], «обычно семейства распознаются исконными сообществами, но редко получают номинацию» [32, р. 51]. Можно заключить, что исторически сложившиеся закономерности классификации нашли отражение в современном английском языке.

Далее выяснилось, что 30,32 % классов животных в лексической базе WordNet в отличие от соответствующих им научных биологических классов имеют более простую структуру. Под более простой структурой следует понимать очевидные несоответствия между научной и лексической классификацией, такие как нарушение целостности таксона за счет включения в его состав инородных групп организмов, а также объединения разнородных групп в условные таксоны, не соответствующие современной научной классификации. Например, структура лексического класса *salmon* ‘форель’ подразумевает включение неродственных таксонов: в научной таксономии *salmon* соответствуют роды «*Oncorhynchus*» ‘тихоокеанский лосось’, «*Salmo*» ‘настоящий лосось’, «*Salvelinus*» ‘голец’ и «*Thymallus*» ‘хариус’, из которых «*Salmo*» и «*Salvelinus*» являются родственными,

а «Thymallus» – нет. Все представители языкового класса *worm* ‘червь’, несмотря на внешнее анатомическое сходство, неродственные и относятся к разным таксонам в современной научной классификации: *sagitta* ‘сагитты’ входят в класс «Clitellata», *ribbon worm* ‘ленточные черви’ – «Nemertea» *nematode* ‘нематоды’ – в суперотдел «Ecdysozoa» [27].

Также оказалось, что 22,24 % классов животных в базе WordNet выделяются на основаниях, которые не учитываются в научной классификации. Как правило, это такие характеристики животного, которые имеют для человека прагматическое значение. Согласно WordNet, к числу таких характеристик относятся: возраст (*nestling* ‘птенец’, *eaglet* ‘молодой орел’), пол (*mare* ‘кобыла’, *stallion* ‘жеребец’), хозяйственная функция (*milk cattle* ‘молочный’, *pack horse* ‘вьючная лошадь’), вред, который способно причинить животное (*venomous lizard* ‘аризонский ядозуб’, *death adder* ‘смертельная змея’) [28].

Таким образом, полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что научная и языковая классификации должны обнаруживать как сходства, так и различия. К сходствам можно отнести тот факт, что в научной таксономии и в лексической базе WordNet для классификации животных характерна иерархическая ранговая организация, а также то, что многие классы в языковой классификации выступают как прямые соответствия научных таксонов (47,44 %). Кроме того, сопоставление данных WordNet и ITIS обнаружило различия между научной и языковой классификациями. Во-первых, научная классификация стремится к как можно более полному описанию многообразия животных, а языковая классификация весьма избирательна: прежде всего, языковая классификация численно намного уступает научной, кроме того, научные таксоны в разной мере представлены в языке, например, таксоны семейств, родов и видов встречаются значительно чаще, чем таксоны, названия которых содержат приставки *над-*, *под-* и *инфра-*. Во-вторых, классы в языковой классификации имеют более свободное внутреннее устройство, чем научные таксоны: доля классов, структура которых проще, чем у таксонов, достаточно велика (30,32 %). И, наконец, для языковой классификации характерна градуальность, которая несвойственна научной классификации; она проявляется в том, что менее типичные и атипичные таксоны не полностью исключаются из языковой классификации, а лишь слабее в ней представлены: помимо таксонов, обладающих большой психологической выделенностью (семейств, родов и видов), в WordNet выделяется 5,15 % классов, соответствующих другим, не столь салиентным таксонам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Parocchia, D. Towards a General Theory of Classifications / D. Parrochia, P. Neuville. – Basel : Springer, 2013. – 304 p.*
2. *Raven, P. The origins of Taxonomy / P. Raven, B. Berlin, D. Breedlove // Science. – 1971. – № 174 (4015). – P. 1210–1213.*

3. *Павлинов И. Я.* Таксономическая номенклатура : в 3 т. / И. Я. Павлинов // От Адама до Линнея. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2013. – Т. 1: От Адама до Линнея. – 152 с.
4. *Павлинов И. Я.* Биологическая систематика: Эволюция идей / И. Я. Павлинов, Г. Ю. Любарский. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2011. – 671 с.
5. *Cruse, D.* Hyponymy and its varieties / D. Cruse // The semantics of relationships ; ed.: R. Green, C. Bean, S. Myaeng. – Springer Science, Business Media Dordrecht, 2002. – P. 3–21.
6. *Rosch, E.* Cognitive Representations of Semantic Categories / E. Rosch // Journal of Experimental Psychology. – 1975. – № 104(3). – P. 192–233.
7. *Mervis, C.* Categorization of Natural Categories / C. Mervis, E. Rosch // Annual Review of Psychology. – 1981. – №32. – P. 89–115.
8. *Barsalou, L.* Ideals, central tendency, and frequency of instantiation as determinants of graded structure in categories / L. Barsalou // Journal of Experimental Psychology. – 1985. – №11. – P. 629–654.
9. Tall is typical: Central tendency, ideal dimensions, and graded category structure among tree experts and novices / E. Lynch [et al]. – Memory & Cognition. – 2000. – № 28. – P. 41–50.
10. *Ungerer, F.* An Introduction to Cognitive Linguistics / F. Ungerer, H. Schmid. – Harlow : Pearson, 1996. – 400 p.
11. *Croft, W.* Cognitive Linguistics / W. Croft, D. Cruse. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 374 p.
12. *Barsalou, L.* Ad hoc Categories / L. Barsalou // Memory & Cognition. – 1983. – № 11(3). – P. 211–227.
13. *Лакофф, Дж.* Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – XXIII. – С. 12–51.
14. *Lakoff, G.* Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal About the Mind / G. Lakoff. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 632 p.
15. *Berlin, B.* Folk Taxonomies and Biological Classification / B. Berlin, D. Breedlove, P. Raven // Science. – 1966. – № 154. – P. 273–275.
16. *Berlin, B.* Ethnobiological Classification: Principles of Categorization of Plants and Animals in Traditional Societies / B. Berlin. – Princeton : Princeton University Press, 1992. – 364 p.
17. *Berlin, B.* General Principles of Classification and Nomenclature in Folk Biology / B. Berlin, D. E. Bredlove, P. H. Raven // American Anthropologist. – 1973. – № 75(1). – P. 214–242.
18. *Любарский, Г. Ю.* Происхождение иерархии: история таксономического ранга / Г. Ю. Любарский. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2018. – 659 с.
19. *Russo, M.* Differences and interactions between scientific and folk biological taxonomy / M. Russo // The Lexical Typology of Semantic Shifts; ed.: P. Juvonen, P. Koptjevskaya-Tamm. – Berlin : De Gruyter, 2016. – P. 493–532.

20. *Аристотель*, Собрание сочинений : в 4 т. / Аристотель. – Москва : Академия наук СССР, 1981–1984. – 4 т.
21. International Code of Zoological Nomenclature : 1 January, 2000., adopted by the International Union of Biological Sciences 1999. : 4th edition. – London: Internat. Trust for Zool. Nomencl., 2000.
22. *Дзюба, Е. В.* Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании / Е. В. Дзюба. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2015. – 285 с.
23. *Slaughter, M.* Universal languages and scientific taxonomy in the seventeenth century / M. Slaughter. – Cambridge : Cambridge University Press, 1982. – 288 p.
24. *Stevens, P.* Why do we name organisms? Some reminders from the past / P. Stevens // *Taxon*. – 2002. – № 51. – P. 11–26.
25. *Орлов, Е. В.* Аристотель об основаниях классификации / Е. В. Орлов // *Философия науки*. – 2006. – № 2. – С. 3–31.
26. *Павлинов, И. Я.* Таксономическая номенклатура : в 3 т. / И. Я. Павлинов // *От Линнея до первых кодексов*. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2014. – Т. 2: От Линнея до первых кодексов. – 219 с.
27. ITIS [Electronic Resource] : Integrated Taxonomic Information System. – Mode of Access : <https://www.itis.gov/>. – Date of access : 30.08.2022.
28. WordNet [Electronic Resource] : Lexical Database for English // Princeton University. – Mode of Access : <https://wordnet.princeton.edu/>. – Date of access : 30.08.2022.
29. *Brown, C.* Some general principles of biological and non-biological folk classification / C. Brown, J. Kolar, B. Torrey, T. Truong-Quang, P. Volkman // *American Anthropologist*. – 1976. – № 3(1). – P. 73–85.
30. *Li, Hui-Lin* Plant Taxonomy and the Origin of Cultivated Plants / Hui-Lin Li // *Taxon*. – 1974. – №5 (6). – P. 715–724.
31. *Atran, S.* Folk biology and the anthropology of science: Cognitive universals and cultural particulars / S. Atran // *Behavioral and Brain Sciences*. – 1998. – № 21. – P. 547–609.
32. *Atran, S.* Covert Fragmenta and the Origin of the Botanical Family / S. Atran // *Man*. – № 18. – 1983. – P. 51–71.

Поступила в редакцию 23.09.2022

Радион Елена Николаевна

ст. преподаватель кафедры истории
и грамматики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Elena Radion

Senior Lecturer of the Department
of English Grammar and History of English
Minsk State Linguistics University
Minsk, Belarus
elenaradion@yahoo.com

ТЕМАТИКА СЕМЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

THEMES OF FAMILY COMMUNICATION AS AN OBJECT OF LINGUISTIC ANALYSIS

В данной статье рассматриваются различные подходы к изучению понятия *тема* в лингвистике и подчеркивается отличие темы как объекта референции от темы как обобщения смысла. Автор выделяет несколько актуальных вопросов, связанных с текстовым статусом разговорной коммуникации (в частности, семейной коммуникации), с соотношениями понятий темы и коммуникативной ситуации, темы и коммуникативного события. В статье подчеркивается, что не сама тема как таковая, а именно выбор темы является признаком коммуникативной ситуации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *тема; категория текста; разговорный диалог; коммуникативный атрибут; тематический репертуар; коммуникативное событие.*

This article discusses various approaches to the study of the concept of the theme in linguistics and emphasizes the difference between a theme as an object of reference and a theme as a generalization of meaning. The author highlights several topical issues related to the textual status of conversational communication (family communication as a particular case), with the relationship between the concepts of the theme and the communicative situation, the theme and the communicative event. The article emphasizes that not the theme itself, but the choice of it is an important attribute of a communicative situation.

Key words: *theme; text category; conversational communication; communicative attribute; thematic repertoire; communicative situation.*

Противоречивым понятием для лингвистической теории является понятие темы. Исследователи не находят единства при определении данного понятия и не демонстрируют универсального понимания его места и функций в тексте и моделях речевой коммуникации.

Первая сложность возникает при попытке определить место темы как объекта исследования по отношению к тексту и по отношению к коммуникативной ситуации. Данный вопрос является базовым, однако единого подхода в нем не существует.

И. Р. Гальперин в классической работе, посвященной лингвистике текста, «Текст как объект лингвистического исследования» соглашается с исследователем Н. Э. Энквистом в том, что *тема (topic)* является одним из основных лингвистических параметров текста [1] и определяет ее как основное содержание текста, однако полагает, что тема не является дистинктивным

признаком, который может претендовать на то, чтобы называться категорией текста, поскольку данный признак характерен для речи в целом: «Без них (темы и других признаков, относящихся к речи) нет процесса коммуникации. Если в качестве дистинктивных признаков текста признать вышеуказанные (включая тему), то придется отождествить понятия речь и текст» [2, с. 19]. Здесь следует отметить, что И. Р. Гальперин разделяет разговорную речь и текст, отдельно подчеркивая, что даже письменная фиксация не делает разговорную спонтанную речь текстом. Поэтому категории текста, выделяемые исследователем, относятся к узкому пониманию текста как исключительно письменного произведения.

С одной стороны, утверждение И. Р. Гальперина о том, что разговорная (устная) речь не тождественна письменному тексту, представляется вполне логичным, вытекающим из обычного эмпирического опыта человеческого общения. В процессе разговорной речи информация передается по различным информационным каналам, доступным человеку. Помимо информации, которая транслируется через язык как знаковую систему, существует информация, передающаяся через невербальные знаки – мимику, жесты, интонацию, акцент, положение тела, громкость голоса, и др. Общее восприятие и понимание устного сообщения в процессе разговорной коммуникации обеспечивается через комплексное декодирование знаковой информации, поступающей одновременно от многочисленных знаковых систем. Непосредственно вербальный (языковой или текстовый) компонент устного сообщения составляет лишь небольшую часть общего информационного потока, который дает нам представление не только о том, что именно сказано, но и о том, как и кем сказано, что обеспечивает информационную целостность и однозначность понимания.

Действительно, опыт письменной коммуникации в интернет-мессенджерах и на онлайн платформах доказывает, что, оказавшись без визуального и других каналов связи, цифровая коммуникация порождает сложные системы эмотиконов, эмоджи, мемов, передающих то, что в разговоре мы можем выразить просто недовольно закатив глаза или сочувственно кивнув. Устная речь динамична и линейна, всегда стремится к моментальной однозначности и не терпит множественности интерпретаций, поэтому, будучи зафиксированной в письменном виде, она начинает обрастать новыми знаковыми системами, которые компенсируют нехватку сопутствующей коммуникативной информации. В противном случае все заканчивается либо полной коммуникативной неудачей, либо постоянными переспросами: а что ты собственно имеешь в виду? В этом смысле текст литературного художественного произведения, который был тщательно продуман от начала и до конца, а потом записан автором, является статичной и информационно самодостаточной целостностью. Более того, множественность интерпретаций, которая фактически «убивает» разговорную коммуникацию, является одной из важнейших и интереснейших характеристик литературного текста, на которой основано современное литературоведение. Литературный текст не стремится

к однозначному восприятию. Гораздо важнее то, как прочитанное преломляется через призму культурного мировоззрения конкретного читателя, на чем и построена современная литературная критика (литературный структурализм, постколониальная литературная критика, феминистическая литературная критика и т.д.).

Таким образом, вполне можно согласиться с И. Р. Гальпериным в том, что даже письменная фиксация устной речи не тождественна тексту как «произведению, объективированному в виде письменного документа», которым, в частности, является литературное произведение. Точно так же и литературный текст, прочитанный вслух, не становится иллюстрацией устного разговора.

С другой стороны, мы также принимаем точку зрения Т. В. Матвеевой, известного исследователя русского разговорного диалога, которая рассматривает разговорную речь как текст, поскольку речь «обладает теми же структурными и функциональными признаками, что и литературно обработанный текст» [3]. Здесь необходимо сделать небольшое уточнение. Мы полагаем, что Т. В. Матвеева все же имеет в виду, что текстовый статус имеет не разговорная речь как комплексное коммуникативное явление, представляющее собой одновременный обмен информационными данными посредством различных (вербальных и невербальных) знаковых систем, а отдельно взятый вербальный компонент устной речи, зафиксированный на носителях информации, поскольку он будет обладать теми же структурными и функциональными признаками, что и литературно обработанный текст.

Возвращаясь к понятию темы, отметим, что в классификации текстовых категорий Т. В. Матвеева рассматривает тему сразу в нескольких категориях: линейной категории тематической цепочки, линейной тематической проекции/ретроспекции и полевой категории тематической определенности [4, с. 16–20], однако статус темы как отдельной текстовой категории остается у нее не совсем проясненным.

Проблема заключается в том, что в различных исследованиях тема текста трактуется одновременно и как обобщенный смысл текста, и как свернутое содержание текста, «свертка денотатной структуры текста» по А. И. Новикову [5], хотя, в нашем понимании, это все же разные понятия.

Если говорить о теме как об обобщении смысла, то мы скорее согласимся с И. Р. Гальпериным. Действительно, если тема – это фундаментальный замысел текста, то это определено не категория, поскольку смысл не всегда возможно восстановить через языковые значения. Смысл рождается в процессе интерпретации вне текста (является так называемой затекстовой реальностью). Это становится очевидно, если в качестве примера взять любое литературное произведение. В нем тема как общий смысл (замысел) может иметь очень условную связь с текстом как письменным продуктом. Например, в рамках феминистической критики мы обозначим тему повести «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте как противостояние гендерным стереотипам. Однако в отношении содержания можно сказать, что книга о девушке,

которая взрослеет, и по мере ее взросления формируются взгляды, отношение к жизни, к противоположному полу, мировоззрение. Если под темой понимать «обобщенное содержание», то здесь вполне можно проследить развитие темы (содержания) через тематические цепочки, ключевые слова и другие текстовые признаки, то есть в тексте непосредственно присутствует тематический объект референции.

Таким образом, представляется возможным утверждать, что следует различать тему как фундаментальный замысел и тему как объект референции (предмет обсуждения). Для объяснения различия между данными понятиями на помощь может прийти английский язык, в котором для обозначения темы в концептуальном проявлении используется слово *theme*. Так, мы говорим о темах литературного произведения (*literary themes*) как о смыслах, возникающих в процессе литературной интерпретации. Поэтому определение темы у А. И. Новикова, где «тема – это свернутое содержание, сопоставимое с замыслом» [5, с. 23] представляется противоречивым, поскольку является попыткой одновременно говорить о теме как о понятии, тождественном замыслу, и как о содержательном компоненте, хотя примеры литературных текстов демонстрируют, что текстовое содержание и его замысел не имеют безусловной и однозначной связи. С другой стороны, когда речь заходит о теме живого спонтанного разговора, в английском языке мы используем слово *topic* (*conversational topics*). Американский исследователь дискурса С. М. Эрвин-Трипп, определяет тему (*topic*) как «манифестируемое содержание или объект референции» (*manifest content or referent*) [6, с. 88]. Понимание темы как содержательной основы соотносится скорее с формальным объектом референции, чем с интерпретацией смыслов.

В применении понятия темы к коммуникативным исследованиям можно сказать, что тема как общий смысл (*theme*) является коммуникативным понятием (существующим вне текста, но связанным с ним), а тему как объект референции (*topic*) следует рассматривать как текстовое понятие. В последнем случае, остается открытым вопрос, как его сформулировал И. Р. Гальперин, о «возведении темы в ранг категории текста».

Исходя из этого, когда Т. В. Матвеева утверждает, что «тема разговорного диалога – это категория текста, а не коммуникативной ситуации» [3], мы полагаем, что имеются в виду темы, затрагиваемые в разговоре, как объекты референции, имеющие языковое выражение в ключевых словах, на основе которых можно составить тематическую структуру текста. Т. В. Матвеева также говорит о том, что тема может рассматриваться как параметр коммуникативной ситуации только в том случае, если задается в рамках коммуникативного события (например, защита диссертации, пресс-конференция), но для разговорного взаимодействия в целом нехарактерна строгая закреплённость темы за коммуникативным событием.

М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова рассматривают тему в первую очередь именно как атрибут коммуникативной ситуации. Авторы полагают, что *тема* – это коммуникативное понятие, «которое рождается на пересе-

чении пространства, времени и партнеров коммуникации, формирующих типовую коммуникативную ситуацию» [7, с. 31]. Другими словами, тема является жанрообразующим признаком коммуникативных событий. *Жанр* исследователи определяют как «тип текста, характеризующийся рядом жанрообразующих признаков, к которым относятся общность содержательно-тематической структуры, композиционной упорядоченности, специфическим набором языковых средств и характером их использования» [7, с. 32]. Кроме темы к жанрообразующим признакам М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова относят такие признаки коммуникативной ситуации, как время, место, а также партнеров коммуникации (имеются в виду коммуникативные и социальные роли говорящих).

И. Н. Борисова, напротив, не относит тему к конституирующим признакам коммуникативной ситуации, объясняя свою точку зрения тем, что выбор темы определяется ситуативными признаками коммуникации и может быть никак не связан с непосредственным коммуникативным событием. Например, семейная коммуникация может охватывать различные предметы обсуждения, в зависимости от субъективных характеристик коммуникантов (коммуникативная предыстория, эмоциональное состояние и т.д.). Тем не менее, нельзя сказать, что репертуар личностных и нейтральных тем в процессе коммуникации безграничен и полностью непредсказуем. И. Н. Борисова предлагает выделить такой «атрибут» коммуникативной ситуации, как «выбор темы», варьирующийся в рамках «свободный – несвободный – жестко заданный» [8, с. 41].

Далее исследователь русского разговорного диалога также отмечает, что «следует дифференцировать разговорное взаимодействие как дискурсивную деятельность и как ее текстовый продукт» [8, с. 141]. Следовательно, письменная фиксация интерактивного речевого поведения представляет собой текстовый продукт состоявшегося общения, что полностью соответствует нашим представлениям о соотношении понятий *текст* и *разговорная речь*. Тема является категорией данного текстового продукта наряду с другими традиционными текстовыми категориями, такими как целостность, связность, модальность и т.д., рассматриваемыми в рамках лингвистики текста.

Систематизируя вышесказанное, выделим ключевые моменты в наших рассуждениях:

1) текстовый статус имеет не разговорная речь, а ее вербальный компонент, письменно зафиксированный на носителях информации;

2) следует различать тему как общий смысл текста (*theme*) и тему как предмет разговора (*topic*);

3) тема как объект референции является категорией текста (фиксированного письменного вербального компонента устной речи), компонентом разговорной речи в целом, но не является признаком коммуникативной ситуации;

4) выбор темы может считаться атрибутом коммуникативной ситуации, так как даже очень большая свобода референции ограничена нашими представлениями об уместности предмета разговора.

Таким образом, при изучении тематики семейной коммуникации мы сталкиваемся с задачами, которые невозможно рассмотреть в рамках одной статьи. Представляется возможным лишь очертить круг вопросов, на которые не содержится однозначного ответа даже в авторитетных источниках: 1) является ли тема категорией текста или компонентом текста, который не может претендовать на статус категории (по И. Р. Гальперину); 2) как соотносятся понятия темы как смыслового содержания и темы как объекта референции, темы и коммуникативного события, темы и коммуникативной ситуации; 3) какие именно факторы ограничивают свободу тематической референции в конкретной коммуникативной ситуации; 4) каков механизм выявления коммуникативных смыслов, формирующих наше представление о темах и подтемах различных тематических фрагментов. Дальнейший поиск ответов на данные вопросы позволит нам получить более системное представление о тематике семейной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Энквист, Н. З.* Параметры контекста / Н. З. Энквист // Новое в зарубежной лингвистике [сб. ст.]. – М., 1980. – Вып. 9 : Лингвостилистика / общ. ред. И. Р. Гальперина. – С. 57
2. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического анализа / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 141 с.
3. *Матвеева, Т. В.* Разговорный диалог в зеркале текстовых сопоставлении [Электронный ресурс] / Т. В. Матвеева // Stylistyka, Т. 3, Dec. 1994, s. 64–76. – Режим доступа : <https://czasopisma.uni.opole.pl/index.php/s/article/view/4340>. – Дата доступа : 06.02.2022.
4. *Матвеева, Т. В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк / Т. В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.
5. *Новиков, А. И.* Семантика текста и ее формализация. / А. И. Новиков. – М. : Наука, 1983. – 215 с.
6. *Ervin-Tripp, S.* An Analysis of the Interaction of Language, Topic, and Listener [Electronic resource] / S. Ervin-Tripp. – American Anthropologist. – Mode of access : https://anthrosource.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1525/aa.1964.66.suppl_3.02a00050. – Date of access : 02.02.2022.
7. *Китайгородская, М. В.* Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова – М. : Русские словари, 1999. – 396 с.
8. *Борисова, И. Н.* Русский разговорный диалог. Структура и динамика / И. Н. Борисова – М. : КД «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.

Поступила в редакцию 29.06.2022

Ревуцкая Елена Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры белорусского языка и
литературы
Минский государственный лингвистический
университет
г. Минск, Беларусь

Alena Revutskaya

PhD in Philology, Associate Professor,
Post-PhD Researcher of the Department
of Belarusian Language and Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
alena.revutskaya@tut.by

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА
(на примере концепта «Таллин» в «Двух стихотворениях»
Давида Самойлова)

DEFINING THE ORIGIN OF THE POETIC CONCEPT
(a Case Study of David Samoylov's *Two Poems*)

Цель статьи – показать, на примере концепта «Таллин» в «Двух стихотворениях» Давида Самойлова, что поэтический концепт формируют как языковые, так и внеязыковые основания. Аргументация базируется на положениях концептологии (С. А. Аскольдов), когнитивной поэтики (И. А. Тарасова), теории художественного дискурса (Н. П. Антипьев). Сочетание лингвистических методов (среди них – компонентный анализ, лексико-семантический анализ, универсальная процедура идентификации образных словоупотреблений, метод концептуального пересечения) с элементами биографического анализа обусловлено междисциплинарной природой поэтического концепта и позволяет заключить, что его познавательный потенциал формируют мировосприятие и жизненные обстоятельства поэта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *поэтический концепт; языковая поэтическая форма; биографический анализ; Давид Самойлов; концепт «Таллин».*

The article investigates both linguistic and extra-linguistic premises of the poetic concept studying the case of the concept of *Tallinn* in David Samoylov's *Two Poems*. The study draws on theoretical theses of conceptology (S. A. Askoldov), cognitive poetics (I. A. Tarasova), and literary discourse studies (N. P. Antipiev). Combining the linguistic (lexical and semantic analysis, component analysis, metaphor identification procedure, and conceptual blending method) and biographical analysis the article highlights the interdisciplinary nature of the poetic concept. The article shows that the author's perception of life and life circumstances determine the cognitive potential of the poetic concept.

К е у w o r d s: *poetic concept; linguistic poetic form; biographical analysis; David Samoylov; concept of Tallinn.*

Поэзия представляет собой особый способ осмысления опыта, образующий и преобразующий наши представления о мире. Познавательные свойства поэтического слова не подвергаются сегодня сомнению и исследуются в рамках когнитивной поэтики (П. Стокуэлл, М. Фримен, И. А. Тарасова, Л. В. Миллер) – актуального направления когнитивных исследований языка.

Вместе с тем, если методология изучения лингвокультурных концептов подробно разработана в русскоязычной когнитивной лингвистике (Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. А. Маслова), то вопрос о методах исследования *поэтического концепта* все еще ждет своего решения. Это объясняется, прежде всего, междисциплинарным характером данного научного понятия, в меньшей степени – известной двунаправленностью его трактовок. Так, когнитивная поэтика (И. А. Тарасова), коммуникативная стилистика (Н. С. Болотнова) и когнитивная лексикология (О. В. Беспалова) следуют психолингвистической традиции (А. А. Залевская), определяя поэтический концепт как индивидуально-авторский ментальный конструкт. В то же время такой трактовке не противоречит иная точка зрения, рассматривающая поэтический концепт как результат универсального поэтического опыта, отраженного в культурной памяти (Л. В. Миллер).

Таким образом, поэтический концепт может изучаться как авторский конструкт (И. А. Тарасова), одновременно принадлежащий национальному языку и национальной культуре (Л. В. Миллер). Соединяя слово не столько с его значениями, сколько с бесконечным числом потенциальных смыслов (Д. С. Лихачев), поэтический концепт не только отражает специфику творческой когниции, но и раскрывает познавательные возможности слова в языке и культуре.

По справедливому замечанию И. А. Тарасовой, поэтический концепт как единица авторского сознания лежит на пересечении интересов лингвистики и литературоведения, где традиционно описывается термином «художественный образ» [1, с. 743]. Если же обратиться к истории лингвистического обоснования поэтического концепта, то еще в 20-е годы прошлого столетия русский гносеолог С. А. Аскольдов описал поэтический концепт как концепт особого рода, отличный как от образа, так и от отвлеченного понятия [2, с. 325]. Так, изучение природы поэтического концепта требует пристального внимания к понятию *языковой поэтической формы* слова – особой связи звучания и смысла, в которой «звуковые свойства слова» занимают главное место [3, с. 42], отодвигая на второй план собственно языковую образность, характерную и для иных типов дискурса.

Цель настоящей статьи – представить языковые и внеязыковые основания концепта «Таллин» в «Двух стихотворениях» (1965) Давида Самойлова. Целостный характер поэтического концепта предписывает учет всех контекстов, в которых употреблено его имя, а не только контекстов, где оно выступает, например, как слово-мишень концептуального переноса. В ходе изложения сохранена авторская графика наименования эстонской столицы (*Таллин*): свое сегодняшнее написание (*Таллинн*) название города получило после ухода Самойлова из жизни.

Художественное слово организует «высоко символизированную действительность», представленную ассоциативностью особого рода [4, с. 25]. В отличие от дискурса – отражения социума, художественное произведение организовано «по образу и подобию человека» и оттого неподвластно

человеческому разуму [5, с. 5]. Именно поэтому лингвистический анализ не исчерпывает познавательной глубины поэтического концепта, требуя обращения к методам смежных дисциплин, в частности, к биографическому анализу, применяемому в литературоведении. Отметим, что использование филологических методов в ходе языковедческого анализа сопоставляется с положениями теории культурных трансферов (А. В. Суперанская, В. А. Маслова, В. И. Постовалова, В. З. Демьянков, В. В. Фещенко), обеспечивающей обмен данными, понятиями и терминами между смежными направлениями в гуманитарном знании.

Вместе с тем понимание художественного произведения под силу каждому – при условии постижения «эвристического языка художественного образа» [6, с. 119]. В отличие от концепта обыденного сознания, во многом предсказуемого по своему содержанию, поэтический концепт предопределен «звуковыми свойствами» (рифмой, ассонансами, аллитерациями), но также бесконечными «ассоциативными возможностями поэтического слова» [3, с. 42]. Языковое представление концепта в поэтическом дискурсе отличается от вербализации концепта, порожденного обыденным сознанием [7, с. 4]. Более того, поэтическое миропонимание не делает различия между образным и логическим путями познания. Наконец, обыденное осмысление мира в целом понятийно, поэтическое осмысление – преимущественно образно.

Так, например, в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка [8] концепт «Таллин» представлен высказываниями, отражающими логическое осмысление города.

(1) [Владимир Ткач, актер]:

Холодно. Наше судно «Америка» направляется в Таллин.

На море сильный шторм с дождём и снегом.

(Обитаемый остров Гогланд. Д/ф из цикла «Письма из провинции», ТК «Культура», 2008).

(2) [Респондент, пенсионер]:

*Если какие **путевки** есть/ там в Ригу/ там в Таллин/ мы везде были.*

(Биография: беседа лингвиста с информантом, 1998).

(3) [Юра (Андрей Миронов)]:

*Поеду в Таллин/ поступлю на **завод** «Вольта»/ к Густаву в подмастерья.*

(Александр Зархи, Владимир Семаков, Василий Аксенов, Михаил Анчаров. Мой младший брат, к/ф, 1962).

Так, в приведенных примерах концепт «Таллин» включает когнитивные признаки ‘морской порт’ (1), ‘туристическое направление’ (2), ‘промышленный город’ (3). В свою очередь, далее будет показано, что в «Двух стихотворениях» пространство Таллина осмысляется поэтом не логически, но сквозь призму индивидуальных смыслов, вписанных вместе с тем в национальную картину мира русского человека.

Эстонское пространство в поэзии Самойлова, разработанное литературоведами [9; 10], но не затронутое лингвистами, носит автобиографический характер и предваряет состоявшийся в 1976 году переезд поэта из

Москвы в курортный Пярну. В «Памятных записках», собранных из дневников и очерков поэта, Самойлов описывает эстонское пространство как особое место, «со своим пейзажем, архитектурой, историей, культурой, характером, стилем жизни» [11, с. 424]. В декабре 1964 года Самойлов приезжает в предновогодний Таллин с будущей супругой Галиной Медведевой. Свое путешествие по «сказочной» Эстонии поэт продолжает со старшим сыном Александром и друзьями – поэтом Яном Кроссом и его женой – поэтессой и переводчицей поэзии Эллен Нийт. Специалист по поэтике Самойлова Андрей Немзер указывает на «засекреченность» двухчастного цикла [12, с. 53] и противопоставление «праздничного» Таллина «будничной» Москве [9, с. 163]. Так, в «Поденных записях» можно найти строки, написанные поэтом в первые дни наступившего 1965 года и передающие ощущение душевного тепла и гостеприимства: *Приехали с Сашкой и Томасом (сыном Эллен Нийт) в Отепя, местность километрах в тридцати от Тарту. Чудесный маленький отель над замерзшим озером. Снежно. Тихо. Малоллюдно... В уютном ресторанчике играет оркестр* [13, с. 7–8]. В обществе Кроссов «волшебный» Таллин становится поэтическим пространством не только в переносном, но и почти в буквальном смысле слова. Так, в «Памятных записках» Самойлов рассказывает о своем знакомстве с городом как о счастливом проникновении в мир творчества, не знающего географических пределов: *Поэт, приехавший в город, где живет хотя бы один поэт, не чувствует себя чужим* [11, с. 425].

«Два стихотворения» посвящены Галине Медведевой – возлюбленной и будущей жене, и *тайна* встречи с ней определяет ведущий смысловый вектор исследуемого концепта: *Таллин – тайное обиталище, / Год сегодняшний, год вчерашний. / Снег летящий, медленно тающий / Над деревьями и над башней* [14, с. 488]. Начальная строка первого стихотворения повторяется в зачине третьей строфы, настаивая на *тайне* свидания: *Таллин – тайное обиталище, / Год минувший и год пришедший. / Поезд, медленно подъезжающий, / Поезд, медленно отошедший* [14, с. 488]. Корреляция звучания и семантики (*Таллин – тайна*) – языковая поэтическая форма имени концепта – выступает лингвистическим показателем смыслового пространства тайны.

Временный, краткий характер единения с возлюбленной подчеркивает на лексико-семантическом и морфологическом уровнях зачин второй строфы: *Таллин – временное прибежище, / Молчаливый и стерегущий. / День, за окнами тихо брезжущий, / День прошедший и день грядущий* [14, с. 488]. «Молчаливый и стерегущий» город «охраняет» тайну встречи, «замедляя» течение дня («день, за окнами тихо брезжущий»). Свидание с возлюбленной, неизбежно недолгое, «останавливает» время. На это указывают как настойчивое повторение лексемы *медленно* (лексико-семантический уровень), так и само категориальное значение имени (*обиталище, прибежище*) – значение сущности, устойчивости, постоянства (морфологический уровень).

Воплощая краткость долгожданной встречи, зимний Таллин оказывается единственным местом, где эта встреча возможна: *Таллин – временное*

прибежище, / Сонный снег, смежающий веки... / Вопрошающий: где же? Где ж еще? / Неужели – совсем? Навеки? [14, с. 488]. Стремление продлить по определению краткое единение с любимой отражено в стиховедческом (чередование рифм) анализе А. Немзера, обосновывающего мотив «остановленного времени» [9, с. 164]. Но и сама возможность любви ограничивается временем, проведенным в Таллине: предвосхищение рождественского чуда соплагается в поэтическом сознании Самойлова со скорым исполнением самого сокровенного желания сердца. В городе, замершем в ожидании волшебства, поэт слышит не то стук колес замедляющего ход поезда, не то биение собственного сердца: *Сердечным разбуженный стуком, / О Боже, твержу я, о Боже!* [14, с. 488]. «Волшебный» Таллин – место единения, но также расставания. Неизбежность прощания тождественна запаху сгорающего топлива – запаху еще недавно «медленно подъезжающего», но уже «медленно отошедшего» поезда: *В том городе – только прощанье / И запах горючего сланца. / Счастливы мы или печальны? / Как знать? И откуда дознаться?* [14, с. 489].

Тайна и расставание являются, таким образом, двумя ведущими смысловыми векторами, формирующими содержание концепта «Таллин» в «Двух стихотворениях». Третьим смысловым направлением выступает самопознание, возможное благодаря уподоблению городского пейзажа собственному внутреннему устройству: *Похожи – стремленьем к разлукам, / Бессильем и силой похожи; Как странно и как совершенно / С тобой мы созданы оба. / Прошедшее наше – блаженно, / Блаженно, а может – убого?* [14, с. 489]. Поэт приемлет расставание как неизбежность («стремленьем к разлукам»), подобную наступлению нового года («год минувший и год пришедший»), приходу нового дня («день прошедший и день грядущий»).

Метафора, выявляемая на лингвистическом уровне анализа в рамках универсальной процедуры идентификации образных словоупотреблений, представлена контрастом контекстуального значения с базовым (парк, *нарисованный* на снегу). Уподобление – на этот раз живописного облика заснеженного города с художественным творчеством – выступает способом самопознания: *В том парке, что черным на белом – / Углем на снегу нарисован, / А может – на грифеле мелом, / На белой бумаге – свинцовым* [14, с. 489]. «Рукотворное изображение» города становится частью внутреннего мира поэта и одновременно включается в поэтический концепт «Таллин»: *В том парке, который впечатан / В меня узловатым офортом / В том городе узком, стрельчатом / и оловом серым натертом* [14, с. 489]. Зимний парк подобен офорту, который, в свою очередь, близок по своей черно-белой эстетике старому фотоснимку – символу хранящегося воспоминания.

Обозначенная траектория анализа никоим образом не предполагает, что индивидуальный характер поэтических смыслов равен их исключительности, уникальности. Напротив, целый ряд ассоциаций поэта образован культурными отсылками, общими для большинства носителей русской языковой

картины мира: *Снег летящий, медленно тающий / над деревьями и над башней; В том городе узком, стрельчатом / и оловом серым натертом* [14, с. 488–489]. Как показывает выборка из Национального корпуса русского языка [8], эти отсылки сопоставимы с референциями, присущими русской языковой картине мира:

- (4) *Таллин почудился нам страничками из старых сказок братьев Гримм.* (А. А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания, 2009).
- (5) *В последний приезд в Таллин летом 2002 года мне повезло: при реконструкции дома XIX века вблизи Домского собора на Вышгороде вскрыли остатки каменных строений XIII века.* (Андрей Никонов. Прикоснуться к началам // «Знание – сила», 2005).
- (6) *Разве чопорный, старомодный Таллин не был тогда нашим молчаливым спутником?* (Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания, 2000–2002).
- (7) *Вот он вырулил на взлётную полосу, заревели турбины, и под покачивающимися крыльями поплыл Таллин, промелькнули башенки, красные черепички Средневековья* (Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания, 2000–2002).
- (8) *Прощай, Таллин, промелькнут годы, и где-то там, на уютных твоих брусчатках, сохранятся следы наших шагов, отзвуки нашей молодости* (Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания, 2000–2002).

Таким образом, метод концептуального пересечения, раскрывающий интегральный смысл исследуемого концепта, апеллирует к поэтической языковой форме имени концепта – лингвистическому основанию его изучения. Формирование интегрального смысла поэтического концепта «Таллин» в «Двух стихотворениях» Самойлова предопределено образующим ассоциативную связь звучанием слов (*Таллин – тайна*), но также аналогией между пространством города и внутренним миром поэта.

Помимо приемов лексико-семантического и компонентного анализа, метод концептуального пересечения предполагает процедуру идентификации образных словоупотреблений (*В том городе узком, стрельчатом / и оловом серым натертом; В том парке, что черным на белом – / Углем на снегу нарисован*), требуя, вместе с тем, параллельного обращения к инструментарию биографического анализа. Применение комплексной междисциплинарной методики позволяет описать Таллин как концепт, погруженный одновременно в историю города и историю жизни поэта. Исходные смысловые пространства тайны, расставания, самопознания представлены в «Двух стихотворениях» концептуальными аналогиями, имеющими автобиографическую природу. Взаимосвязь между тремя исходными пространствами образует концепт «Таллин» – итог поэтического осмысления города как места тайной, недолгой, но вместе с тем неподвластной времени радости любви.

Индивидуальность поэтического смысла заключается, таким образом, отнюдь не в невозможности его восприятия (в противном случае поэзия не поддавалась бы ни чтению, ни толкованию), но в его непредсказуемости и нетривиальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тарасова, И. А.* Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения / И. А. Тарасова // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Лингвистика.* – 2010. – № 4 (2). – С. 742–745.
2. *Аскольдов С. А.* Форма и содержание в искусстве слова / С. А. Аскольдов // *Литературная мысль.* – 1925. – Вып. 3. – С. 305–341.
3. *Аскольдов, С. А.* Концепт и слово / С. А. Аскольдов // *Русская речь ; под ред. Л. В. Щербы.* – Л. : Academia, 1928. – С. 28–44.
4. *Воронцова, Т.* На разных языках / Т. Воронцова // *Искусство.* – 2014. – № 5–6. – С. 22–25.
5. *Антипьев, Н. П.* Эстетика и поэтика предпереводческого анализа / Н. П. Антипьев // *Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. Сер. Филология.* – 2008. – № 4. – С. 5–17.
6. *Антипьев, Н. П.* Художественная коммуникация: иносказание / Н. П. Антипьев // *Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. Сер. Филология.* – 2012. – № 1. – С. 119–128.
7. *Тарасова, И. А.* Концептуализация в поэтическом языке / И. А. Тарасова // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика.* – 2018. – Т. 18. – Вып. 1. – С. 4–8.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 30.08.2022. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>.
9. *Немзер, А.* Две Эстонии Давида Самойлова / А. Немзер // *Universitas Tartuensis. Humaniora. Litterae Russicae.* Блоковский сборник.– Тарту, 2010. – Вып. XVIII: Россия и Эстония в XX веке: диалог культур. – С. 162–184.
10. *Стащенко, Т.* Пярнуский пейзаж в книге стихов Д. Самойлова «Улица Тооминга» / Т. Стащенко // *Русская филология : сб. науч. работ молодых филологов ; под ред. Т. Гузаирова и Е. Вельман-Омелиной.* – Тарту, 2013. – С. 257–266.
11. *Самойлов, Д. С.* Памятные записки / Д. С. Самойлов. – М. : Время, 2014. – 704 с.
12. *Немзер, А.* Лирика Давида Самойлова / А. Немзер // *Стихотворения / Д. Самойлов ; сост., подг. текста В. И. Тумаркина ; примеч. В. И. Тумаркина и А. С. Немзера.* – СПб. : Академ. проект, 2006. – С. 5–53.
13. *Самойлов, Д. С.* Поденные записи : в 2 т. / Д. С. Самойлов. – М. : Время, 2002. – Т. 2. – 384 с.
14. *Самойлов, Д.* Стихотворения / Д. Самойлов ; вступ. ст. А. С. Немзера ; сост., подг. текста В. И. Тумаркина ; примеч. В. И. Тумаркина и А. С. Немзера. – СПб. : Академ. проект, 2006. – 800 с.

Поступила в редакцию 15.09.2022

Рогова Юлия Викторовна
аспирант кафедры языкознания
и лингводидактики
Белорусского государственного
педагогического университета
им. Максима Танка
г. Минск, Беларусь

Yuliya Rogova
PhD Student of the Department
of Linguistics and Linguodidactics
at Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
yulitalia@mail.ru

**МОДЕЛИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ
В РУССКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ
(на материале деструктивных глаголов)**

**THE MODELS OF SEMANTIC DERIVATION IN RUSSIAN AND ITALIAN
(Based on Destructive Verbs)**

В статье рассматриваются деструктивные глагольные номинации, исходные значения которых послужили базой для образования вторичных недеструктивных лексико-семантических вариантов. Экстраполируемая часть деструктивной семантики в реципиентной метафорической сфере характеризуется антропоцентризмом и отражает те фрагменты бытия, которые связаны с существованием и взаимодействием людей в социуме. Устанавливаются наиболее распространенные модели семантической деривации, в основу которых положен принцип семантической соотнесенности исходных и производных значений глагола. Характеризуются экзистенциальные, социальные, межличностные, эмоционально-психологические, аудильные, метеорологические модели семантической деривации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *глагол; семантическая деривация; вторичная номинация; деструктивность; модель; лексико-семантический вариант; русский язык; итальянский язык.*

The article deals with destructive verbs, the initial meanings of which served as the basis for the formation of secondary non-destructive lexical-semantic variants. The extrapolated part of the destructive semantics in the recipient metaphorical sphere is characterized by anthropocentrism and reflects those fragments of being that are associated with the existence and interaction of people in society. The most common models of semantic derivation are established, which are based on the principle of semantic correlation of the original and derived meanings of the verb. Several varieties of models are distinguished depending on the belonging of the secondary meanings to certain semantic spheres. The existential, social, interpersonal, emotional-psychological, auditory, meteorological, colourative, luminal, odoric and other models are characterized.

К e y w o r d s: *verb; semantic derivation; secondary nomination; destructiveness; model; lexical-semantic variant; Russian, Italian.*

Одним из наиболее распространенных способов представления категории деструктивности (лат. *destructio*) являются глаголы со значением разрушения. Значение таких глаголов в языковом сознании носителей любого языка значительно возросло в начале XXI в. в связи с деструктивными процессами в мировом сообществе, связанными с «перекраиванием»

физико-географических карт, непрерывными войнами, варварскими набегами и действиями по уничтожению древних культур, активизацией террористических актов, различными социальными катаклизмами, распространением коронавируса и многими другими причинами. Деструктивные глаголы употребляются со значением физического действия, направленного на объект, в результате которого он полностью уничтожается, разрушается или нарушает свою структурную целостность на макро- или микроуровнях. В дефинициях различных словарей указываются такие существенные признаки деструкции, как 'полное уничтожение', 'ликвидация', 'лишение жизни', 'нанесение ударов', 'воздействие природных условий' и мн. др.

Глаголы с деструктивной семантикой исследовались с точки зрения их семантики, лексической и синтаксической сочетаемости, деривационных связей в работах О. В. Кашкаровой [1], С. Е. Кузьминой [2], Е. В. Разовой [3], А. П. Султановой [4], Ф. Г. Фаткуллиной [5]. Тема вторичных деструктивных номинаций в русском и итальянском языках до настоящего времени не была предметом специального изучения, что в определенной степени свидетельствует о новизне и актуальности предлагаемого исследования. Актуальность также определяется усилением проявлений деструктивности в обществе необходимостью расширения и углубления знаний о категории деструктивности с целью выработки стратегии и тактики противодействия росту деструктивности во всех сферах жизни современного общества.

Целью исследования является выявление моделей семантической деривации деструктивных глагольных номинаций в русском и итальянском языках, определение их общих и специфических черт. Объект исследования: глагольные деструктивные номинации в русском и итальянском языках. Предмет исследования: модели семантической деривации в деструктивных глагольных единицах русского и итальянского языков.

Материалом для исследования послужили более 300 деструктивных глаголов, извлеченных методом сплошной выборки из четырехтомного «Словаря русского языка», *Dizionario italiano De Mauro*, а также материалов из Национального корпуса русского языка.

Глаголы с исходным значением деструкции образуют одну из наиболее развитых лексико-семантических групп и характеризуются возможностью абстрагироваться от физической стороны деструктивных явлений и перенести их на нематериальные объекты, социальную сферу, внутренний мир человека. В результате этого образуются вторичные недеструктивные значения. Процесс их образования осуществляется по регулярным семантическим моделям, которые можно считать когнитивными аналогами реальных связей сущностей предметного мира, их взаимодействий и зависимостей, характеризующихся «единством тематического соотношения номинативного и переносного метафорического смыслов» [6, с. 37]. В процессе построения семантических моделей, как правило, учитываются два структурных элемента: а) исходная концептуальная сфера (когнитивный источник, сфера-донор, сфера-источник), в которую включаются первичные деструктивные

лексико-семантические варианты (в дальнейшем – ЛСВ); б) новая результативная сфера (целевая область, реципиентная сфера), в которую входят вторичные недеструктивные ЛСВ, отражающие практически всю акциональную реальность. При этом необходимо учитывать тот факт, что при формировании вторичных ЛСВ могут актуализироваться различные сходства, аналогии, ассоциативные связи и образные представления, позволяющие закреплять за исходной и итоговой сферами несколько различных связей, «от наименее стабильных творческих метафор до устойчивых “стертых” метафор, фиксированных в культурной традиции общества» [7, с. 77].

Развитие глаголов с первичной семантикой разрушения может осуществляться по различным семантическим моделям, которые в зависимости от принадлежности вторичного недеструктивного ЛСВ к той или иной тематической группе могут быть объединены в социальную, экзистенциальную, эмоционально-психологическую, метеорологическую, звуковую, колоративную и другие модели.

1. Модели социальных действия и межличностных отношений

Вторичные ЛСВ деструктивных глаголов отражают события социальной и общественной жизни человека, его поведение, образ и стиль жизни, взаимоотношения людей в экономике, политике, религии, образовании, науке. В русском и итальянском языках новая концептуальная область деструктивных глаголов включает коррелятивные ЛСВ следующего содержания:

- **«не давать покоя кому-либо, надоедать, докучать вопросами, просьбами, требованиями, многочисленными письмами»:** рус. *бомбардировать* ‘обстреливать из артиллерийских орудий или, атакуя с воздуха, сбрасывать бомбы на кого-, что-либо’ → ‘донимать, не давать покоя’ (*бомбардировать город, бомбардировать просьбами*); итал. *bombardare* ‘colpire sistematicamente con lancio di bombe o con tiri di artiglieria pesante’ – ‘наносить удары систематически бомбометанием или стрельбой из тяжелой артиллерии’ → ‘incalzare con un’azione impetuosa e insistente, investire’ – ‘напирать стремительным и настойчивым действием’ (*bombardare una postazione* ‘бомбардировать станцию’, *bombardare qcn. di domande* ‘бомбардировать кого-нибудь вопросами’).

- **«прекращать, разрывать отношения, связи, переговоры и т.п.»:** рус. *портить* ‘привести в негодность, в неисправное состояние; причинить повреждения’ → ‘оказывать дурное, развращающее влияние на кого-, что-либо’ (*портить одежду, портить отношения, репутацию*); итал. *guastare* ‘ridurre in cattivo stato, rovinare’ – ‘приводить в негодность, портить’ → ‘rompere, spez. un rapporto interpersonale, una relazione sociale, mandare a monte, sconvolgere’ ‘портить, ломать межличностные, социальные отношения’ (*guastare un meccanismo* ‘портить механизм’, *guastare un’amicizia* ‘портить дружбу’);

- **«презирать, унижать, оскорблять»:** рус. *топтать* ‘мять, подминать, давить ногами при ходьбе, беге’ → ‘попирать, унижать’ (*топтать землю, топтать авторитет*); итал. *calpestare* ‘schiacciare, pestare con i piedi’ –

‘давить, топтать ногами’ → ‘non rispettare, disprezzare // non tenere in alcun conto’ – ‘не уважать, презирать // не принимать во внимание’ (*calpestare le aiuole* ‘топтать траву’, *calpestare i desideri* ‘топтать желания’).

• **«оказывать вредное влияние на кого-либо»:** рус. *отравить* ‘умертвить с помощью отравы, яда’ → ‘оказать вредное, губительное влияние на кого-, что-либо’ (*отравили ядом, отравить чье-либо сознание*); итал. *avvelenare* ‘intossicare o uccidere facendo ingerire una sostanza velenosa’ – ‘отравить или убить путем проглатывания ядовитого вещества’ → ‘amareggiare, rendere tormentato; guastare moralmente, corrompere’ – ‘огорчить, мучить; морально портить, развращать’ (*funghi avvelenarono i commensali* ‘грибы отравили посетителей’, *avvelenare i giovani con false promesse* ‘отравить молодежь ложными обещаниями’).

2. Эмоционально-психологические модели

Вторичные ЛСВ образуются по инвариантной модели «“разрушить, уничтожить, сломать, сжечь” → “причинить эмоциональную боль, воздействовать на эмоциональную сферу”» и ограничиваются психолого-эмоциональным коридором, который раскрывает психическое состояние человека, его эмоции, душевное волнение, определенные переживания, обусловленные гневом, страхом, неприятием чего-либо.

• **«быть возбужденным, переполненным каким-то сильным чувством»:** рус. *гореть* ‘поддаваться действию огня’ → ‘быть охваченным каким-либо сильным чувством’ (*горел камин, гореть ненавистью*); итал. *bruciare* ‘consumare, distruggere col fuoco o altra fonte di calore’ – ‘уничтожать разрушать огнем или другим источником тепла’ → ‘provare un sentimento intenso’ – ‘испытывать сильное чувство’ (*bruciare legna nella stufa* ‘сжечь дрова в печи’, *gli brucia in petto una grande passione* ‘в его груди горит великая страсть’); рус. *пылать* ‘гореть ярким пламенем’ → ‘быть охваченным каким-либо сильным чувством, страстью’ (*пылал дрова, пылал непрерывным восхищением*); итал. *ardere* ‘bruciare, consumare col fuoco’ – ‘сжечь, поглотить огнем’ → ‘provare un sentimento molto intenso; essere innamorato’ – ‘испытывать очень сильное чувство; быть влюбленным; бушевать, пылать’ (*le fiamme arsero il bosco* ‘пламя охватило лес’, *ardere di invidia* ‘сгорать от зависти’).

• **«беспокоить, тревожить, волновать, причинять боль»:** рус. *ранить* ‘нанести кому-либо рану’ → ‘причинить кому-либо душевную боль, страдание’ (*ранил его в ногу, она [ревность] им овладевала и тем больше ранила*); итал. *ferire* ‘colpire provocando una ferita’ – ‘ударить, вызвав рану’ → ‘addolorare, offendere profondamente, colpire provocando una sensazione di fastidio’ – ‘огорчать, глубоко оскорбить, вызвав чувство дискомфорта’ (*ferire con un coltello* ‘ранить ножом’, *le sue parole mi hanno ferito* ‘его слова меня ранили’).

• **«вывести из себя, возмутить, сильно разозлиться, вызвать неприятное чувство»:** рус. *взорвать* ‘произвести взрыв чего-л.; разрушить взрывом’ → ‘возмутить, крайне рассердить’ (*взорвали железнодорожный*

мост, моя тактика взорвала другого артиста); итал. *esplodere* ‘provocare un’esplosione, saltare in aria’ – ‘вызвать взрыв, взорвать’ → ‘manifestarsi in modo improvviso e con forza (di sentimenti e sim.)’ – ‘проявиться внезапно и с силой (о чувствах и под.); прийти в ярость’ (*far esplodere un deposito di munizioni* ‘взорвать склад боеприпасов’, *mi ha fatto così arrabbiare che sono esploso e l’ho cacciato via* ‘это так разозлило меня, что я взорвался и выгнал его’).

• «сдержать, заглушить, определенные чувства, горе, страх»: рус. *задушить* ‘умертвить, насильственно остановив, нарушив дыхание’ → ‘подавить, уничтожить, не дать развиваться в полной мере чему-либо’ (*задушить своими руками, задушить грусть*); итал. *soffocare* ‘impedire la respirazione fino a provocare la morte per asfissia’ – ‘предотвратить дыхание вплоть до смерти от удушья’ → ‘raffrenare, frenare la manifestazione di un’emozione, un sentimento, un istinto’ – ‘сдерживать, препятствовать проявлению эмоции, чувства, инстинкта’ (*lo soffocò stringendolo alla gola* ‘задушил его, сжав горло’, *soffocare la libera iniziativa* ‘подавить свободную инициативу’).

3. Экзистенциальные модели

Переносные экзистенциальные ЛСВ имеют прямое отношение к жизни человека, его различным жизненным коллизиям. Определенные жизненные трудности, невзгоды, испытания, несбывшиеся надежды актуализируются в семантике глагольных пар *гнуть–piegare, ломать–rompere*:

Рус. *гнуть* ‘придавать дугообразную, изогнутую форму, сводить дугой’ → ‘подчинять своей воле, направлять свои действия, клонить к чему-либо’ (*гнуть проволоку, гнуть свое*); итал. *piegare* ‘sottoporre a flessione o torsione’ – ‘подвергать изгибу или скручиванию’ → ‘sottomettere, domare; vincere; persuadere’ – ‘покорить, приручить; победить, уговорить’ (*piegare un metallo* ‘гнуть металл’, *piegare qcn. alla propria volonta* ‘гнуть свою волю’).

Рус. *ломать* ‘разделять на части, куски, разрушать, приводить в негодность, портить’ → ‘решительно отбрасывать что-либо устоявшееся, резко, круто изменять (характер, привычки, поведение и т. п.) // разрушать, изменять в худшую сторону (жизнь, карьеру и т. п.)’ (*ломать сарай, ломать старые обычаи, ломать карьеру*); итал. *rompere* ‘mandare in pezzi, infrangere, frantumare’ – ‘разорвать на части, сломать, раздробить’ → ‘interrompere bruscamente, turbare una condizione, una situazione; rompere con il passato, con la cultura di regime’ – ‘резко разорвать, расстроить состояние, ситуацию; порвать с прошлым, с культурой режима и т. д.’ (*rompere la chiave nella toppa* ‘сломать ключ в замке’, *rompere il fidanzamento* ‘ломать помолвку’).

В русском и итальянском языках наблюдаются регулярные смысловые переносы, осуществляемые по формуле «вредно воздействовать на растения от солнечного света, недостатка влаги и др.» → ‘утратить силу, бодрость, здоровье, ухудшить настроение».

Рус. *засохнуть* ‘утратив влагу, затвердеть; высохнуть’ → ‘потерять живость и свежесть; зачахнуть’ (*краски засохнут, женщина засохнет, со стариком живя*); итал. *seccare* ‘far diventare secco, privando dell’umidità’ –

‘сделать сухим, лишить влаги’ → ‘esaurire una capacita intellettuale, affievolire un sentimento e sim.’ – ‘истощить интеллектуальные способности, ослаблять чувства’ (*il sole ha seccato l'erba* ‘солнце высушило траву’, *la malattia ha seccato la sua vena poetica* ‘болезнь иссушила его поэтическую вену’).

Рус. увянуть ‘засохнуть, завянуть (о растениях)’ → ‘утратить яркость, силу, молодость, свежесть, красоту’ (*ветка дерева увяла, у Лили увяло личико*); итал. *appassire* ‘di vegetale, perdere la freschezza, avvizzire’ – ‘о растении: потерять свежесть, увянуть’ → ‘sfiorire, invecchiare, languire’ – ‘чахнуть, стареть, изнемогать’ (*al caldo i fiori appassiscono in fretta* ‘в жару цветы быстро увядают’, *appassiva fra quelle quattro mura* ‘она увядала в этих четырех стенах’).

4. Метеорологические модели

Вторичные метеорологические ЛСВ образуются по модели «“бить, наносить удары, физически воздействовать на что-то твердое, острое, гибкое” → “сильно или непрерывно лить, сечь (о ветре, дожде, снеге, морозе и т.д.)”». В метафорических ЛСВ содержится указание на силу, порывистость, интенсивность, внезапное начало или завершение природных явлений: рус. *бить* ‘ударять, колотить, наносить удары’ → ‘ударять, стучать по чему-либо’ (*бить кувалдой, дождь бьет по стеклам*); итал. *picchiare* ‘colpire, battere’ – ‘бить, ударять’ → ‘dare colpi ripetuti, battere, bussare; molto caldo brucia’ – ‘повторно ударять, бить, стучать; очень жарко, обжигать’ (*picchiare un chiodo col martello* ‘бить молотком по гвоздю’, *il sole picchia* ‘солнце бьет’).

Отсутствует вторичный ЛСВ в итальянском языке у глагольной пары *хлестать* – *scudisciare*: рус. *хлестать* ‘бить чем-либо гибким; стегать, наносить удары’ → ‘стремительно, с силой литься’ (*хлестал дождь*).

5. Аудильные модели

Вторичные номинации позволяют более подробно и наглядно передать все многообразие звукового континуума, в котором органично сочетаются звуки животных, растений и артефактов, а также звуки и речь человека. Метафорические ЛСВ формируются в соответствии с моделью «“воздействовать физически” → “воздействовать словами, донимать упреками, нападениями”»: рус. *долбить* ‘пробивать отверстие’ → ‘беспрестанно напоминать о чем-либо, повторяя одно и то же; твердить’ (*долбил улы, сколько можно долбить одно и то же*); итал. *martellare* ‘vibrare martellate o colpi ripetuti’ – ‘бить молотком, повторяя удары’ → ‘incalzare con insistenza, tempestare // ritornare alla memoria ossessivamente’ – ‘настаивать с настойчивостью, надоедать // возвращаться в памяти навязчиво’ (*martellare tutto il giorno* ‘долбить весь день’, *martellare qcn. di domande* ‘долбить кого-нибудь вопросами’).

Как видно из примеров, между русскими и итальянскими деструктивными глаголами выявляются отношения эквивалентности, когда в каждом из сравниваемых языков фиксируются примерно тождественные вторичные ЛСВ. В то же время наблюдаются отношения семантической безэквивалентности, когда производные ЛСВ образуются только в одном из языков. Так,

не выявляются тождественные социально-личностные ЛСВ в глагольных парах *грызть* – *rosicchiare*, *разорвать* – *lacerare*, *утонуть* – *annegare*. Вторичные ЛСВ межличностного характера развились только в русских глаголах *грызть* ‘надоедать постоянными нападениями, домогательствами, ссорами’, *разорвать* ‘прекратить действие каких-либо отношений или того, что связывает какими-либо отношениями’. В смысловой структуре итальянского глагола *annegare* ‘утонуть’ фиксируется вторичный ЛСВ ‘in una situazione disperata: perdersi, annullarsi’ – ‘оказаться в безвыходной ситуации; быть потерянным, пропасть’ (*annegare in un mare di problemi* ‘утонуть в море проблем’).

В итальянском глаголе *beccare* ‘клевать’ отмечается переносный ЛСВ ‘provocare, punzecchiare, nel gergo dello spettacolo, criticare vivacemente gli artisti durante la rappresentazione’ – ‘провоцировать, дразнить, на шоу-жаргоне живо критиковать артистов во время выступления’ (*smettila di beccare tuo fratello!* ‘перестань клевать своего брата!'). В русском эквиваленте *клевать* вторичные межличностные ЛСВ не выявлены.

Таким образом, вторичные деструктивные номинации занимают важное место в русском и итальянском языках. Они в определенной степени отражают специфику менталитета двух народов, а также определенный фрагмент процессуальной картины мира и национальной языковой картины. Исходные ЛСВ характеризуются глубоким семантическим потенциалом и экстраполируют часть деструктивной семантики в реципиентную метафорическую сферу, характеризующуюся антропоцентризмом, ориентацией на человека и отражающую различные сферы социальной жизни. К числу наиболее распространенных относятся экзистенциальные, социальные, межличностные, эмоционально-психологические, аудильные, и метеорологические модели. Большинство метафорических обозначений характеризуется отрицательной коннотацией и высокой степенью экспрессивности. Чаще всего репрезентируются такие действия и качественные показатели, как прекращение межличностных отношений, искоренение каких-либо негативных социальных явлений, выявление причин душевного и физического дискомфорта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кашкарова, О. В.* Фрейм «разрушение» и его репрезентация глагольными лексемами в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. В. Кашкарова; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2006. – 22 с.
2. *Кузьмина, С. Е.* Семантика английских глаголов со значением уничтожения : автореф. дис. канд. филол. наук : 10.02.04 / С. Е. Кузьмина; Нижегород. гос. ун-т им. Н. А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 2006. – 24 с.
3. *Разова, Е. В.* Семантика и валентность глаголов разрушения в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Разова; Тамбов. гос. ун-т. – Тамбов, 2003. – 20 с.

4. *Султанова, А. П.* Полисемия глаголов деструкции в русском и английском языках : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. П. Султанова; Казан. гос. ун-т. – Казань , 2008. – 22 с.
5. *Фаткуллина, Ф. Г.* Деструктивная лексика в русском языке / Ф. Г. Фаткуллина. – Уфа: ИПК, 1999. – 300 с.
6. *Резанова, З. И.* Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения / З. И. Резанова. – Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. – 2010 – №1 (9). – С. 26–43.
7. *Баранов, А. Н.* О типах сочетаемости метафорических моделей / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73–94.

Поступила в редакцию 07.09.2022

Романовская Алла Алексеевна
доктор филологических наук
профессор кафедры славянских языков
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Alla A. Romanovskaya
Habilitation Doctor of Philology
Professor of the Department of Slavic
Languages
Minsk, Belarus
Alla_Rom@tut.by

ПЕРВИЧНАЯ И ВТОРИЧНАЯ АКСИОЛОГИЧНОСТЬ АНТИЧНОГО СИМВОЛА КАК ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

PRIMARY AND SECONDARY AXIOLOGICAL VALUE OF THE ANCIENT SYMBOL AS A LANGUAGE SIGN

Статья посвящена античному символу – языковому знаку вторичной номинации, особой характеристикой которого является двойная аксиологичность. Применение концепции аксиологической семантики к анализу символа позволяет выявить оценочный смысл, формирующийся на основе античного символа в языковом пространстве. Символ при функционировании в современном художественном тексте характеризуется способностью сохранять мифопоэтическую семантику (первичную аксиологичность), а также стимулировать порождение вариативных окказиональных смыслов (вторичную аксиологичность) на основе образного понятия, репрезентируемого в содержании символа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: античный символ; мифологическое значение; первичная аксиологичность; вторичная аксиологичность.

The article is devoted to the ancient symbol – the linguistic sign of the secondary nomination, the special characteristic of which is double axiology. The application of the concept of axiological semantics to the analysis of the symbol makes it possible to identify the evaluative meaning formed on the basis of the ancient symbol in the linguistic space. The symbol, when functioning in a modern literary text, is characterized by the ability to preserve mythopoetic semantics (primary axiological character), as well as to stimulate the generation of variable occasional meanings (secondary axiological character) based on the figurative concept represented in the content of the symbol.

К e y w o r d s: ancient symbol; mythological significance; primary axiological semantics; secondary axiological semantics.

Античный символ – особый языковой знак, представляющий единство определенного мифологического содержания (означаемого) и его иконического отражения в форме вербально выраженного означающего; означающее символа – наименование мифологической реалии; означаемое репрезентирует понятие, основанное на образе и выявляемое посредством метафоры на основе мифа. Важной характеристикой символа как языкового знака вторичной номинации выступает двойная аксиологичность. С одной стороны, символ обладает значением, являющимся инвариантным, узуальным и обязательным аспектом его плана содержания, с другой – приобретает, функционируя в конкретном речевом акте, вполне конкретный, нередко уникальный смысл, который в плане его содержания оказывается величиной вариативной, окказиональной.

Означающее символа представлено в виде чувственного образа, под которым понимается не художественный образ, а результат отражательной (познавательной) деятельности сознания – образное понятие. Так, в греческой мифологии нет намека на внешние особенности *Елены* – спартанской царицы. Однако на основании мифа известно, что *Елена* – прекраснейшая из женщин: *она так красива, что сватать ее собирается несколько десятков знатнейших героев всей Эллады; Парис становится, по обещанию Афродиты, обладателем самой красивой из женщин* [1, с. 431].

Античный символ рассматривается как вербальная единица, содержание которой представлено образным понятием. Речь идет о семантико-выразительном потенциале образа в означаемом, который определяется на основании семного анализа посредством референции знака к мифу. Образность символа выявляется посредством сем на когнитивном уровне и мифем на синтаксическом уровне (синтаксические конструкции отражают функции и качества действующих лиц мифов). Объединения сем представляют семему. Семема *Фемиды* состоит из сем 'правосудие', 'право', 'законный порядок'. Представление о *Фемиде* как символе правосудия, права, законного порядка восстанавливается на основании компонентного анализа глаголов и прилагательных, входящих в состав мифем: 1) *является супругой Зевса в качестве основы правопорядка*; 2) *занимает высокое положение на Олимпе*; 3) *за столом богов сидит по правую руку от Зевса*; 4) *между Фемидой и Герой никогда не возникало ссор*; 5) *обладает даром прорицания*; 6) *Афродита, видя, что Эрот не растет и все время остается ребенком, обратилась за разъяснениями к Фемиде* [2, с. 560].

Мифологическое значение символа – это своего рода мифологический метафорический троп. Мифологическая метафора образуется в мифе как форме познания мира и отражает ценностное отношение к окружающему миру древних. Сознание создавало, а мифопоэтическое творчество письменно запечатляло те актантные качества и функции, которые являются реальным выражением этой оценки. Таким образом, десигнативное значение (семантико-выразительный потенциал образа) отражает первичную мифологическую аксиологичность символа.

Символы зарождаются в результате культурного отбора, когда слово-значение награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а ассоциативно замещает некую идею. Важно отметить, что материальным экспонентом этого замещения является не реалья как таковая, а имя в его символическом значении. Например, *Талос* как “мифологическая реалья” – *сделанный Гефестом медный человек* [3, с. 491], но значение “имени” *Талос* сменяется символьным прочтением: *Талос – символ силы, порядка, обреченности, мастерства*. В данном выражении элемент *символ* (семиотическая связка идеальной и чувственно воспринимаемой категорий, по Н. Д. Арутюновой [4, с. 341]) занимает позицию реляционного предиката между существительными, конкретизирующими означающее и означаемое, и указывает на значение отношения формы (*Талос*) и смысла (*сила, порядок*,

обреченность, мастерство). Сигнификатом имени собственного является образное понятие. Образ, главное назначение которого в обобщении накопленного опыта, устанавливает корреляцию между формой и содержанием и разделяет то, что считается принадлежащим объективному миру, и то, что локализовано в пространстве сознания. Так, в пространстве сознания локализован символ, смысл которого сформирован метафорическим мышлением и заключен в мифе как свойстве и форме существования символа.

Функционирующий в современном художественном тексте символ характеризуется способностью сохранять свою мифопоэтическую семантику (первичную аксиологичность), а также стимулировать порождение новых смыслов (вторичная аксиологичность), в чем заключается суть его семантико-прагматических функций как тропа: метафоры, сравнения, метонимии, синекдохи, олицетворения (персонификации судьбы, чувств, природы, природных стихий), вербально выраженной аллегории.

Символ выступает в функции вербально выраженной аллегории, передавая смысл, непосредственно ассоциируемый с мифом. Античный символ в функции аллегории изображает отвлеченную идею (понятие) посредством образа. Образная сторона поясняет идею. Связь между значением и образом устанавливается по аналогии: *Цирцея* – аллегория волшебства (В. Новиков); *Феникс* – возрождения (И. Ильф и Е. Петров); *Минерва (Афина)* – победы (Э. С. Радзинский); *Венера (Афродита)* – красоты (Н. Н. Батракова); *Лаокоон* – страдания (М. П. Шишкин); *Сатурн (Кронос)* – аллегория смерти, *Астрея* – счастья, *Сфинкс* – страха, ужаса (М. Алданов).

В функции персонификации символы – это иконические знаки, в которых мотивированность означающего означаемым носит мифологический метафорический характер. Особенность персонификации в том, что персонифицированное понятие является повторением: *Филомела* – ласточка; *Ахелой* – бык; *Актеон* – олень; *Аполлон* – лебедь; *Филемон и Бавклида* – деревья, растущие из одного корня.

Для мировосприятия античности характерен вид олицетворения, называемый овеществлением героя. Мифологические герои превращаются также в явления и предметы природы, включая животных, птиц, насекомых. Так, *Аполлон* превращается в лавр, дуб, кипарис, пальму, плющ и другие растения. Зооморфизм *Аполлона* проявляется в его отождествлении с вороном, лебедем, мышью, волком, бараном. Но, принимая другие образы, именно *Аполлон* продолжает выполнять необходимые для развития мифа функции: в образе ворона указывает, где надо основать город, в образе лебедя обращает в бегство *Геракла* и т.д. Персонаж является исполнителем функций и носителем качеств, на основании которых формируется семантика имени *Аполлон* как символа.

Олицетворением души, грусти является *Психея* (А. А. Ахматова, Б. К. Зайцев, В. Ф. Ходасевич); *Пан, фавны* – олицетворение рая (В. В. Набоков); *Эол, Борей* – воздушной стихии (И. А. Бродский, В. В. Набоков); *Мойра* – олицетворение судьбы (М. Алданов); *Купидон (Эрот)* – любви (В. Новиков, Т. Н. Толстая).

В исследовании метонимического использования античного символа в тексте исходим из систематизации функций, которые формируют смыслы внутри ассоциативных представлений. Античные символы в метонимической функции демонстрируют создание образных дериваций по признаку количественного отношения и по признаку 'часть вместо целого'.

Так, имя эллинского старца *Харона* переносится на паром, которым переправляются в определенное место, называемое раем. *Харон* символизирует иной мир, ассоциацию с которым вызывает намек: паром – это *Харон* (А. Г. Битов). *Орфей* – певец и музыкант, наделенный магической силой искусства, создающий мир своим искусством. *Зевс* – верховное божество, отец богов и людей. *Зевс* и *Орфей* в современном тексте символизируют порядок (В. С. Маканин). *Эдип* символизирует смерть (Д. Рубина). Кроме того, метонимия основана на перенесении значения с одного явления на другое по признаку количественного отношения между ними (множественное число вместо единственного). *Сизифы* символизируют работу, связанную с издательским делом (А. А. Вознесенский). *Пенелопы* – символ супружеской верности (Э. С. Радзинский). *Афродиты* и *Елены* символизируют женскую красоту (А. А. Ахматова). *Ахиллы* символизируют геройство, *Антинои* – антигеройство (В. Аксенов).

В функции аллегории, когда связь между значением и образом устанавливается по аналогии, и в функции олицетворения, уподобления человеку неживого, абстрактного, античные символы сохраняют свою первичную аксиологичность. В функции метонимии, которая основана на перенесении значения с части на целое и на перенесении значения с одного явления на другое по признаку количественного отношения между ними, символы формируют смыслы внутри ассоциативных представлений.

Античный символ как метафора, выполняющий образно-эстетическую функцию в тексте, создает психологическое напряжение. Актуализация образно-ассоциативного комплекса в символической метафоре происходит с целью создания нестандартного мировидения. Классификатором исследуемых метафор избран модус фиктивности (допущение о подобии или сходстве, по В. Н. Телии) как параметр метафоризации [5, с. 127].

Без допущения, что *X есть как бы Y*, невозможна никакая метафора, подчеркивает В. Н. Телия, считая модус фиктивности, который может проявляться от формы *как если бы* до *как*, основным для метафоризации и основанием ее антропометричности на том основании, что он приводит в динамическое состояние знание о мире, образно-ассоциативное представление, вызываемое этим знанием, и готовое знание, которые взаимодействуют в процессе метафоризации, дает возможность уподобления логически не сопоставимых и онтологически несходных сущностей [6, с. 187]. Оставаясь в смысловой структуре метафорического значения, модус может выступать в полном или редуцированном варианте в зависимости от функции метафоры, что является, в соответствии с теорией В. Н. Телии, основанием для определения *трех* типов символической метафоризации при функционировании символа в тексте.

Первый тип символической метафоризации – образная метафора (допущение о подобии). Модус семантической интерпретации (модус фиктивности, по В. Н. Телии) выражается в форме *как бы*: Эрос *как бы* страсть (Б. К. Зайцев); умерший генерал *как бы* Ахиллес (Б. Акунин); Златовласка сравнивается с *Горгоной* по характеру (дочь горного духа *как бы* Горгона) (О. А. Славникова); поэт сравнивает себя с *Язоном*: греческий герой отправляется в страну Эю (или Колхиду), чтобы добыть золотое руно, поэт застрял в Колхиде из-за болезни (поэт *как бы* Язон) (И. А. Бродский).

Второй тип символической метафоризации – оценочная метафора. Параметром классификации символа как оценочной метафоры является общая оценка. Античный символ присутствует в русском художественном тексте в функции оценочной метафоры, в которой доминирует модус фиктивности в редуцированной форме *как бы* + модус оценки по шкале хорошо/плохо: *Ахерон(т)* как символ смерти, подземного мира в греческой мифологии в современном тексте приобретает новые смысловые оттенки и проявляет себя как символ опасности, разрушительной силы (М. Алданов). Символические функции *Ахерон(т)а* соотносятся с функциями символа *Немезида* (Νέμεσις ‘неотвратимая’). Беда (*как бы* это было возмездие Немезиды) имеет непосредственное отношение к человеку, отражаясь в его физическом состоянии (болезнь) (Б. К. Зайцев, Т. Н. Толстая); Поэт *как бы* Тесей, даже оставшись в беспомощном одиночестве, он выбирает жизнь (И. А. Бродский).

Третий тип символической метафоризации – оценочно-экспрессивная, или эмотивно окрашенная, метафора. Параметрами классификации символа как оценочно-экспрессивной (эмотивно окрашенной) метафоры являются модус фиктивности (*как если бы*), оценочный модус (частная оценка), эмотивный модус (‘одобрение/презрение’) как допущения о подобии в семантической интерпретации. На основе частных оценок: сенсорно-гедонистической, интеллектуальной, эмоциональной, эстетической, этической, нормативной – формируется оценочный смысл, свидетельствующий о вторичной аксиологичности античных символов.

Сенсорно-гедонистические оценки связаны с ощущениями, чувственным опытом – физическим и психическим: чувство возбудимости (*привет от Танатоса, передаваемый через Эроса*) возникает от созерцания человека в медицинском халате: *Танатос* символизирует смерть, *Эрос* – жизнь (чувства) (В. Новиков). Интеллектуальные оценки присутствуют при выражении умственной деятельности, внутренних способностей, результатов умственно-творческой, речевой деятельности человека. Древнегреческие *титаны*, *Прометей*, *Геракл*, являются символами физической силы, геройства. При интерпретации смысла в современном тексте учитывается генотипическая природа данных символов для установления новых смыслов. *Титан* (С. Есенин) обозначает силу таланта поэта, огромную, в каком-то смысле стихийную и неукротимую, истоками которой являются чувства, а не рационализм. *Прометей* (В. Маяковский) всей силой своего пылающего

таланта прославлял новую страну, но, как и Есенин, тоже стал жертвой – оба были отомщены за огонь таланта (В. В. Орлов). *Сизиф* – символ хитрости, богоборчества, безрезультатности. В современном тексте Сизиф – бунтующий человек, которого ослепляет романтика бунта (В. С. Маканин). Эмоциональная оценка присутствует при характеристике внутреннего состояния, при внешнем выражении внутреннего состояния, при описании волевых особенностей человека. *Пан* – символ любви. Лейтенант Гленн, *как если бы* он был Паном, вызывает чувство любви (Д. А. Смирнова). *Орфей и Эвридика* – символизируют несчастную любовь. Поэт, *как если бы* он был Орфеем, ищет сочувствия, символизируя грусть (В. Ф. Ходасевич). Эстетические оценки характеризуются признаками ‘красивый/некрасивый’; ‘прекрасный/безобразный’; ‘уродливый’. Козлоподобный граф соотносится с *Паном* (В. Новиков). *Артемиды* символизируют женскую красоту (А. Г. Битов). Этические оценки связаны с удовлетворением нравственного чувства. *Персефона* (символ власти в аиде, мудрости, обновления жизни) символизирует судьбу, верность (И. А. Бродский). *Бавкида* (Пульхерия) символизирует любовь, верность (Л. С. Петрушевская). Нормативные оценки связаны с практическими интересами и повседневным опытом человека. *Паллада* является символом порядка (Б. К. Зайцев). *Икар* – символ обреченности. *Пятка Икара* – уязвимое место, символизирующее его трагическую гибель. Когда человеку (*как если бы* он был Икаром) даже с крыльями за спиной не удается, то в этом случае лучше всего много и усердно работать (А. Г. Битов).

Таким образом, когда символ, сохраняя первичную оценочность, попадает в современный художественный текст, он проявляется в функции вторичной символической метафоризации: образной, оценочной и оценочно-экспрессивной (эмотивно окрашенной). Мифопоэтический интенционал символа «переобразуется», получает новые оттенки, нюансы, коннотативные окраски под воздействием нового языкового окружения.

Применение концепции аксиологической семантики к анализу символа позволяет выявить оценочный смысл, формирующийся на основе античного символа в русском языковом пространстве, которое образуется в результате взаимодействия элементов, отражающих, во-первых, объективную сторону действительности и, во-вторых, ценностные характеристики объективных свойств мира.

Первичная аксиологичность символа – мифологическое значение – устанавливается как результат метафорического прочтения мифа. Мифологическое значение символа представляет собой систему смыслов, исторически обусловленных, узуальных, воспроизводящихся в нашем языковом сознании как готовые значения в содержании воспринимаемого текста.

Античный символ, функционирующий в современном художественном тексте, характеризуется способностью сохранять свою мифопоэтическую семантику, а также стимулировать порождение вариативных окказиональных смыслов на основе образного понятия, репрезентируемого в содержании символа.

Функционируя в тексте, античные символы – языковые знаки хранения и воссоздания мифологических знаний о мире и человеке – проявляются как в первичной аксиологической семантике (символ как языковой знак передает универсальный мифологический смысл), так и во вторичной аксиологической семантике (универсальный мифологический смысл, преломленный сквозь лингвокультурологическую призму языкового сознания – речевой смысл).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тахо-Годи, А. А. Елена* / А. А. Тахо-Годи // Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – М. : Большая Рос. энцикл., 2003. – Т. 1. – С. 431–432.
2. *Лосев, А. Ф. Елена* / А. Ф. Лосев // Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – М. : Большая Рос. энцикл., 2003. – Т. 2.
3. *Ботвинник, М. Н. Талос* / М. Н. Ботвинник // Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – М. : Большая Рос. энцикл., 2003. – Т. 2.
4. *Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека* / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.
5. *Жоль, К. К. Мысль. Слово. Метафора. Проблемы семантики в философском освещении* / К. К. Жоль. – Киев : Наук. думка, 1984. – 303 с.
6. *Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира* / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова. – М. : Наука, 1988. – С. 173–204.

Поступила в редакцию 11.10.2022

Рудько Татьяна Владимировна
магистр филологических наук, преподаватель
кафедры теории и практики английской речи
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Tatsiana Rudzko
MA in Philology
Lecturer at the department of theory
and practice of English speech
Minsk, Belarus
tsepa.tatsiana@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОГО КОЛИЧЕСТВА
В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

SPECIFICS OF EXPRESSING AN APPROXIMATE QUANTITY
IN MODERN RUSSIAN, BELARUSIAN AND ENGLISH

В данной статье предметом рассмотрения являются языковые средства микрополя приблизительного количества, входящего в состав макрополя количества в русском, белорусском, английском языках. Особое внимание уделяется языковым средствам данного микрополя, поскольку приблизительность количества не находит однозначного места в системе количественных отношений. В статье выявляются средства выражения приблизительности количества и их частотность в сопоставляемых языках.

К л ю ч е в ы е с л о в а: приблизительность количества; категория количества; микрополе количества.

This article deals with the language means of the microfield of approximate quantity, which is a part of the macrofield of quantity in Russian, Belarusian and English. Particular attention is paid to the linguistic means of this microfield since the approximate quantity does not find an unambiguous place in the system of quantitative relations. The article identifies various methods used to express the approximate quantity in the compared languages and analyzes their frequency.

К e y w o r d s: approximation of quantity; category of quantity; microfield of quantity.

В центре внимания современного языкознания находятся проблемы выражения средствами языка основополагающих философских категорий. Объективация знаний об окружающем мире определяется путем концептуализации и категоризации предметных знаний. Категория количества представляет собой одну из наиболее обширных и многогранных категорий мышления. Ее изучение вызывает глубокий интерес ученых различных научных областей, в том числе, лингвистики: «неопределенно-большое количество» [1; 2], «неопределенно-малое количество» [3], «аппроксимированное количество» [4; 5], «приблизительность количества» [6], «выражение количества при помощи существительных» [7], «выражение количества глагольными формами» [8] и др. Языковая категория количества характеризуется своей сложностью и многообразием, и находит выражение при помощи разноуровневых средств языка, которые передают различные аспекты и оттенки количественных значений.

Категория количества, как и другие категории, может рассматриваться в рамках полевого подхода. Анализ различных концепций поля дается в лингвистических исследованиях, где осуществляется систематизация, обобщение и выработка теоретических подходов к понятию поля в лингвистике [9; 10]. Примером ономаσιологического, или парадигматического подхода (от функций к средствам), может служить теория Й. Трира, в которой ученый рассматривает совокупность слов в их предметно-понятийных связях, а также указывает на полный параллелизм понятийного и словесного поля, таким образом уподобляя значение и понятие [11]. В. Порциг, представитель семасиологического, или синтагматического подхода (от средств к функциям), рассматривал отдельное слово в его семантико-синтаксических связях. Он полагает, что само семантическое поле представляет сочетания и семантические комплексы, в которых явно проступает возможность семантической совместимости компонентов [12]. Онома-семасиологический подход лежит в основе системной организации и переорганизации лексических единиц с оценочным компонентом в исследовании А. А. Романовской [9]. Подчеркивается возможность взаимодействия в реальном исследовании ономаσιологического и семасиологического подходов, при этом на начальном этапе исследования для определения границ поля используется ономаσιологический подход, а для дальнейшего исследования внутреннего строения поля – семасиологический [9, с.11].

Каждое поле характеризуется структурой, проявляющейся по-своему на разных языковых уровнях. Одним из примеров межуровневого подхода можно считать исследование А. В. Бондарко, в котором *функционально-семантическое поле* рассматривается как поле, которое «создается в результате взаимодействия разнородных (относящихся к разным сторонам и уровням языка) элементов, обладающих, при всех различиях, общими инвариантными семантическими признаками» [13, с. 17]. В структурном плане эти категории и есть поле, которое обладает своей структурой, а именно содержит ядро, центр, периферию и имеет свои особенности функционирования. Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс выдвинули схожее определение *поля*: «разнообразные средства грамматического и лексического уровня, призванные выражать и называть общие значения, связаны между собой не случайными отношениями, а отношениями, позволяющими установить определенные закономерности» [14, с. 23–24].

Исследование категории количества в рамках полевого метода дает возможность изучить не только внутреннее строение категории, но и ее функциональность. Анализ вышеизложенных концепций позволяет рассматривать языковые средства выражения количества в их системной организации как лексико-семантическое поле, включающее в себя средства выражения количественных отношений, которые, в свою очередь, делятся на микрогруппы (микрополя) в зависимости от выражаемых ими оттенков количественных значений. Отнесение языковых единиц одного языкового уровня к одному и тому же полю основывается на сходстве их семантической

структуры, а именно наличия общей интегральной семы, или идентифицирующей формулы, которая выполняет задачу «приравнивания» слов для определения границ и состава лексико-семантического поля [9, с. 20]. Такой идентифицирующей формулой для поля количества является общая интегральная сема 'количество'. Понятийное поле количества в современных русском, белорусском, английском языках обладает сложной многомерной структурой, которая определяется семантическими функциями его конститuentов. Выделяются два основных количественных значения: определенное и неопределенное, которые соответствуют двум микрополям количества. Тем не менее, лексические средства, входящие в данные микрополя, способны выражать различные оттенки количественных значений, в связи с чем представляется возможным разделить указанные микрополя на более мелкие: определенное количество – на поле нумеральности и единичности, неопределенное количество – на поле приблизительного, собирательного, неопределенно-большого и неопределенно-малого количества. Особый интерес вызывают средства микрополя приблизительного количества. Приблизительность относится к «проблемным» количественным значениям, поскольку не находит определенного места в системе количественных отношений. Приблизительное количество выделяется большинством авторов, однако единого мнения на этот счет не существует. С одной стороны, приблизительность количества может представляться как особое явление в сфере языковой количественности, которое действует в поле нумерального количества, при этом приблизительность и единичность или приблизительность и неопределенность не тождественны друг другу. Аппроксимация означает квазиточность, так как здесь указываются конкретный пункт или интервал в натуральном числовом ряду, с оговорками типа «предположительное указание на число», «верхний предел», «нижний предел», «предположительный интервал» [1]. С другой стороны, приблизительное количество может рассматриваться как самостоятельное значение – «явление синкретичное по своей природе» [8]. Семантической особенностью приблизительного количества является обозначение неопределенного множества с указанием границ этого множества: с начальной и конечной границей отсчета, с указанием на количественный промежуток и на срединную точку отсчета. Эти обозначения соответствуют четырем семантическим группам. Понятие приблизительного количества соотносится с объективной действительностью и отражает как близость этого количества к некоторому точному количеству, являясь фактом объективного мира, так и представляет собой особую форму осмысления количественных отношений и является гносеологической категорией [Там же].

Аппроксимация присуща нашему общению в повседневной жизни. Человеку свойственно именовать какие-то фрагменты действительности, опираясь на имеющиеся знания, а не на четкие представления об объекте. Языковые средства со значением приблизительного количества характеризуются «срединностью» по отношению к определенному (наличие точки

отсчета близлежащего точного числа) и неопределенному (несовпадению с этим точным числом, вхождение в его окрестность) количеству, «размытостью» передаваемых количественных значений. Количество является универсальной категорией, что делает количественную аппроксимацию универсальной функционально-семантической категорией, средства которой используются для приблизительной номинации количества предметов, явлений, величин, поддающихся счету, пространственных, временных, денежных, возрастных и весовых характеристик.

В данном исследовании были проанализированы 64 лексические единицы со значением приблизительного количества в белорусском языке, 69 лексических единиц в русском языке, 62 лексические единицы в английском языке. В рассматриваемых языках языковые средства для обозначения приблизительного количества (аппроксиматоры) представлены группой наречий, указывающих на приблизительность количества. Такие наречия для выражения неточности количества вместе с числительными сопровождаются названием денотата, т.е. количественно определяемого объекта:

- счетные существительные: *Кроме того, была у меня примерно сотня коробочек с диафильмами* [15].

- мезуративы: *An elderly person should try to eat approximately half a pound of protein every day* 'Пожилым людям стоит пытаться съесть приблизительно половину фунта белка каждый день' [16].

- числительные: *На гэтай вялізнай выспе жыве прыблізна семсот асобных этнасаў* [17].

Помимо наречий в сопоставляемых нами языках могут использоваться неопределенные местоимения, сочетающиеся с существительными для обозначения приблизительного количества определяемого ими предмета, явления:

Андрей отошёл на несколько метров в сторону и посмотрел на «Жёлтую стрелу» [15].

Вядома, колькі-небудзь пераканаўчых фактаў у яго не было, былі толькі здагадкі [17].

Some children refuse to eat at all, and others overeat 'Некоторые дети вообще отказываются есть, а другие – переедают' [16].

Приблизительное количество в английском языке может выражаться также морфологически, при помощи суффикса *-ish*: *He was part of a new phenomenon: twentyish actors on whom a studio could hang a flick.* – 'Он был частью нового феномена: около двадцати актеров, на которых студия могла повесить фильм' [16]. Такие средства составляют ядро микрополя приблизительного количества.

Ближнюю периферию данного микрополя в сравниваемых нами языках могут составлять определенные сочетания.

1. Сочетания предлога *около*, *каля* в русском и белорусском языках, и предлогов *about*, *around*, *circa* в английском языке:

Город Чусовой невелик, вместе с пригородными селами и рабочими поселками – где-то около 80 тысяч человек [15].

Значыць, ужо ў брыгадзе будзе недзе каля 40 чалавек [17].

There must have been around 40,000 people in the stadium ‘Должно быть, на стадионе было около 40 000 человек’ [16].

2. Сочетания неопределенных местоимений *что-то, где-то, нешта, недзе* и предлога *около, каля* в русском и белорусском языках с другими словами: *Вот по этим вешкам васильчане и переходят Суру. Там километра два или около того* [15].

Калі ж скласці разам кіламетры, якія яна адольвала кожны дзень, то назбірвалася нешта каля дванаццаці кіламетраў [17].

Для выражения неточного количества в английском языке используются сочетания с неопределенными местоимениями и другими словами:

It took two weeks or something for him to assemble the information ‘Ему потребовалось две недели или что-то около того, чтобы собрать информацию’ [16]. В английском языке встречаются также сочетания с наречием *thereabouts*, которые соответствуют русскому и белорусскому *или около того, каля таго*:

You have wilfully gone out and spent £30,000 or thereabouts on the third-best option ‘Ты умышленно потратил больше 30000 фунтов или около того не на самый лучший вариант’ [16].

3. Сочетания с предлогом *в, у* в русском и белорусском языках, и с предлогом *in* в английском языке:

Последний баланс месяца у меня начислялся в районе тысячи пятисот рублей [15].

На Беларускай Зямлі найбалеі, ведама, жыве беларусоў. На кожную сотню чалавек прыходзіцца ў сярэднім 77 чалавек беларусоў [17].

I believe that that work demonstrates that the new settlement must be in the order of two thousand to two thousand five hundred dwellings ‘Я считаю, что эта работа демонстрирует, что новое урегулирование должно быть в порядке от двух тысяч до двух тысяч пятьсот жилищ’ [16].

4. Сочетания между количественными числительными. Наиболее распространенные: «числительное–числительное», «числительное или числительное», «от числительное до числительное», «от числительное и больше». Как правило, в таких сочетаниях используются числа, стоящие рядом или недалеко друг от друга в натуральном ряде чисел:

Трэба з такой вёскі зрабіць некалькі пасёлкаў, – мо, дваццаць, мо трыццаць, – каб у кожным было пяць, шэсць двароў – не больш [17].

A game I invented is to give them about ten or twelve cards ‘Игра, которую я изобрел, – это дать им около десяти или двенадцати карт’ [16].

Девушка в косметическом салоне оставляет от пяти до десяти тысяч рублей за один раз, и это без сложных процедур [15].

5. Предлоги *около, каля, about, around*, сочетаясь с последующими количественными числительными, мезуративами и другими существительными указывают на неточное количество:

Лявону не церніцца пабачыць на шляху фашыстаў. Адлегласць да шляху значная, каля кіламетра [17].

Кроме руководителей компаний, на форум приехали и представители госструктур около 100 человек [15].

In my local health centre, there are about forty parking spaces ‘В моем местном медицинском центре есть около сорока парковочных мест’ [16].

6. Характерное только для английского языка сочетание числительных с наречием *odd* также указывает на то, что количество приблизительно:

Why it had taken him all day to travel thirty odd miles was not explained ‘Почему ему потребовался весь день, чтобы проехать около 30 миль, никто не объяснил’ [16].

Стоит упомянуть еще один способ выражения приблизительности количества, а именно инверсия между количественным числительным и определяемым им существительным. Такой способ характерен лишь для русского и белорусского языков и функционирует на уровне текста:

Вместе они оттянули раму вниз, и образовался просвет сантиметров в сорок [15].

Адсюль да яго, здаецца, рукой падаць, хоць ісці трэба кіламетраў шэсць [17].

Дальнюю периферию микрополя приблизительного количества в русском, белорусском, английском языках составляют те языковые средства, в которых сема ‘приблизительность, неточность количества’ носит вторичный характер. Это может наблюдаться в определенных сочетаниях.

1. Сочетания с предлогом *с, з* в русском и белорусском языках:

В общей сложности наши доходы составляли триста рублей с небольшим [15].

Пры яго цяперашнім становішчы праехаць сто з лішнім вёрст на якім-небудзь воінскім таварняку пакуль што можна [17].

Такие сочетания выражают значение ‘сверх какой-то меры’, но при этом границы этой меры не определены. В английском языке эквивалентов не наблюдается. Вместо этого используются сочетания с союзом *and*:

Roadies swept up dozens of bottles and more from the stage after his set ‘Родису пришлось вынести дюжину с лишним бутылок со сцены после его смены’ [16].

2. Сочетания с наречиями *почти, без малого, амаль, без малага*, сочетания с частицей *чуть, крыху* в русском и белорусском языках для выражения значения ‘ниже какой-то меры’:

Усяго ў атрад запісалася без малага дзвесце чалавек [17].

Эта сумма покрывала чуть меньше половины стоимости инвест-программ [15].

В английском языке с этой целью используются предлог *near*, наречия *nearly, almost*, сочетания с частицей *just*:

Most similar countries spend nearly half as much again and many far more ‘Многие схожие страны тратят почти вдвое, а может и еще больше’ [16].

Our branch has just short of 100 members ‘В нашем филиале без малого 100 членов’ [16].

3. Сочетания с наречиями вероятности *возможно, вероятно, мусіць, мабыць* в русском и белорусском языках, и *probably, perhaps, maybe* в английском языке:

В стране вскоре будет один миллион, потом два миллиона и в конце концов, возможно, десять миллионов безработных [15].

У адным канцы хусткі было завязана шмат сярэбраных залатовак, грыўняў, сараковак – усяго, мусіць, штук дзесяць, калі не болей [17].

It'll cost me probably a thousand and a bit ‘Это, вероятно, будет стоить мне тысячу и несколько больше’ [16].

4. Для выражения количества в некоторой степени используются наречия *плюс-минус, туда-сюда, плюс-мінус, туды-сюды* в русском и белорусском языках, *give or take, plus-minus* в английском языке:

Звычайна ў групе чалавек пятнаццаць. Плюс-мінус тры-чатыры чалавекі[17].

Three thousand people came, give or take a few hundred ‘Пришло 3 тысячи человек, плюс-минус несколько сотен’ [16].

5. «Размытость» количества в русском и белорусском языках может выражаться в сочетании с вводными словами *этак, эдак, скажем, гэтак*:

З гэтага абрыву вельмі далёка відаць, кіламетраў гэтак на сем [17].

И вместо миллиона двухсот тысяч неустойки, мы понесем убытку, может быть, тысяч двести, от силы – триста [15].

6. Компонент *‘другой, другі’* в русском и белорусском языках, присоединяясь к другим словам, выражает неопределенное количество чего-либо:

Но иногда мысли сгущались как тучи, и одно спасение было от них – выпить стакан-другой водки [15].

Мінуў дзень, другі... Мала таго што смелелі, няклі абгарэлыя на сонцы плечы, але і балела галава [17].

В английском языке сочетания слов с *or two: Take a yacht from any of our flotillas for a day or two if you wish* ‘Возьми яхту из любой нашей флотилии на день-два, если хочешь’ [16].

К дальней периферии в сравниваемых нами языках относятся также языковые средства, благодаря которым выражается предельно малое или предельно большое количество:

В гетто было самое большее домов сто двадцать-сто тридцать [15].

Рэстаран быў дарагі, і, аднаведна, публіка мела як мінімум па трыццаць рублёў і гадоў на кожнага [17].

He had only been in the house four minutes at the most ‘Он пробыл в доме самое большее 4 минуты’ [16].

Подобные сочетания относятся к микрополю приблизительного количества, поскольку здесь выражается количественная приблизительность, и имеет значение ‘что-то может быть больше/меньше, чем что-то’.

В изучаемых нами языках встречаются наречия и выражения, которые используются для описания действий, совершаемых без опоры на точные данные. В определенном контексте они могут выражать приблизительность количества:

At a rough guess, I'd say they've been dead not more than 48 hours
'По приблизительным подсчетам я бы сказал, что они мертвы 48 часов'[16].

Расходы на пилотируемую экспедицию к Марсу составляют навскидку 500 миллиардов долларов [15].

Па прыблізных падліках, загінула каля чатырох тысяч чалавек [17].

Таким образом, средства номинации приблизительного количества имеют важное значение в языковом отображении мира и находят свое отображение в сопоставляемых нами языках. Количество конститuentов микрополя приблизительного количества сравнительно одинаково: 69 единиц в русском, 64 единицы в белорусском, 62 единицы в английском языках. На основе проанализированного материала было установлено, что приблизительность количества в сопоставляемых нами языках выражается при помощи сочетаний слов одних частей речи с другими. Таковыми являются наречия, неопределенные местоимения, предлоги со значением приблизительности количества, числительные, которые могут сочетаться со счетными существительными, мезуративами, числительными и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акуленко, Л. Г. Поле неопределенно большого количества в современных немецком и русском языках / Л. Г. Акуленко // Категория количества в современных европейских языках / В. В. Акуленко [и др.] ; отв. ред. В. В. Акуленко. – Киев, 1990. – С. 106–108.
2. Симонова, К. Н. Функционально-семантическое поле количественности в современном английском языке в сопоставлении с русским языком : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / К. Н. Симонова. – Ростов н/Д, 2003. – 206 л.
3. Швачко, С. А. Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках / С. А. Швачко. – Киев : Вищ. шк., 1981. – 143 с.
4. Адамович, С. В. Семантическая категория аппроксимации и система средств ее выражения / С. В. Адамович ; под науч. ред. Л. В. Рычковой. – Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2011. – 183 с.
5. Науменко, Н. И. Средства передачи значения размытого количества именем числительным в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. И. Науменко ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1984. – 19 с.
6. Соколовская, О. О. Средства выражения квантификативной приблизительности в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. О. Соколовская. – Минск, 2002. – 115 л.
7. Худяков, А. А. Понятийная категория количественности и ее реализация в имени существительном и номинативном словосочетании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1990. – 16 с.

8. *Чеснокова, Л. Д.* Выражение категории количества глагольными формами современного русского языка / Л. Д. Чеснокова // *Вопр. языкознания.* – 1983. – № 6. – С. 82–83.
9. *Романовская, А. А.* Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки / А. А. Романовская. – Минск : Мин. гос. лингвист. ун-т, 2013. – 132 с.
10. *Щур, Г. С.* Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 264 с.
11. *Trier, J.* Sprachliche Felder / J. Trier // *Zeitschrift für deutsche Bildung.* – 1932. – № 8, 9. – S. 417.
12. *Porzig, W.* Das Wunder der Sprache: Probleme, Methoden und Ergebnisse der modernen Sprachwissenschaft / W. Porzig. – 5 Aufl. – München : Francke, 1976. – 431 S.
13. *Бондарко, А. В.* Грамматическая категория и контекст / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1971. – 115 с.
14. *Гулыга, Е. В.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М. : Просвещение, 1969. – 183 с.
15. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>. – Дата доступа : 17.09.2022.
16. British National Corpus [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.english-corpora.org/bnc>. – Date of access : 17.09.2022.
17. Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bnkorporus.info/index.html>. – Дата доступа : 17.09.2022.

Поступила в редакцию 11.10.2022

Садовская Екатерина Юрьевна
докторант
кафедра общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Jekaterina Sadovskaya
Post-PhD Researcher
Department of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
sadovskaya@sbmt.by

ВИДЫ И МОДЕЛИ ОЦЕНОЧНЫХ СУЖДЕНИЙ В МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

KINDS AND MODELS OF EVALUATION JUDGMENTS IN INTERGENERATIONAL DISCOURSE

В данной статье выявляются и рассматриваются оценочные суждения, используемые в межпоколенческом вербальном взаимодействии. В работе анализируется характер и выделяются виды оценочных суждений. Определяются модели комбинированных оценочных суждений, применяемые представителями разных поколений в процессе коммуникации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: межпоколенческий дискурс; оценка; позитивно-оценочное суждение; негативно-оценочное суждение; нейтрально-оценочное суждение; амбивалентное оценочное суждение; модель; комбинированное оценочное суждение.

The article concentrates on the identification and analysis of the evaluation judgments used in intergenerational verbal communication. The analysis aims at identifying the nature and kinds of evaluation judgements. Besides simple evaluation judgments the paper also analyzes different models of combinations of evaluative judgments used by different generations in the communication process.

Key words: intergenerational discourse; evaluation; positive evaluation judgment; negative evaluation judgment; neutral evaluation judgment; ambivalent evaluation judgment; model; combined evaluation judgment.

Межпоколенческий дискурс, подразумевающий взаимодействие представителей двух и более разных поколений, эксплицирует комплекс убеждений и представлений различных поколенческих когорт, отражая их сходства и различия. Сопоставление поколенческих представлений о ценностях и подходов к миропониманию часто сопровождается вынесением коммуникантами оценочных суждений о собственном и иных поколениях. Вместе с тем оценочность в межпоколенческой коммуникации является неизученным явлением, поэтому в данной статье ставится цель рассмотреть характер оценочных суждений в межпоколенческом дискурсе и изучить виды и модели оценок, используемых в межпоколенческом диалоге, соответственно, задачами являются выявление оценки в межпоколенческом дискурсе, рассмотрение видов оценочных суждений, определение аксиологического знака и степени сложности оценочных суждений. Актуальность проводимого анализа определяется тенденцией современных лингвистических исследований изучить специфику воплощения аксиологических смыслов в различных видах дискурсов.

Рассматриваемый дискурс базируется на идентифицированном наличии двух вовлеченных в диалог поколений, которые выстраивают процесс коммуникации, опираясь на систему собственных социально-культурных ценностей (моральных, религиозных, жизненно-важных, социальных и т.п.). Ценности, в свою очередь, представляют собой «...социальные, социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым поколением. Это то, что как бы априори оценивается <...> коллективом как нечто “хорошее” и “правильное”, является образцом для подражания и воспитания, к чему надо стремиться. Ценности вызывают определенные эмоции, они окрашены чувствами и побуждают людей к определенным действиям» [1, с. 36]. Однако ценности разнятся, каждый представитель поколения, «...познавая мир, в то же время вычленяет в нем данности как приемлемые или неприемлемые для него» [2, с. 88]. Процесс познания мира и взаимодействия с другими индивидами и социальными группами «...обуславливает постоянное сопоставление человеческим сознанием различных явлений. Многие вещи, особенно в ментальной сфере, в сфере традиций и привычек народа, общественных институтов могут быть поняты только при сопоставлении – необходимо обнаружить в том или ином объекте нечто отличающееся от привычного нам объекта, чтобы осознать, что в привычном для нас объекте есть некоторые признаки, качества, свойства – или наоборот, понять, что в нем нет определенных признаков, качеств, свойств» [3]. Сопоставление может касаться различных объектов действительности, но в рамках данного исследования рассматривается по отношению к взаимоотношениям представителей разных поколений. По мнению К. В. Ниловой, «...людям свойственно проводить социальную стратификацию и относить себя к той или иной социальной группе. <...> Рассматривая себя в качестве членов той или иной социальной группы, люди часто пытаются провести сравнение между ею и группами, к которым они не принадлежат» [4, л. 28]. С точки зрения Ю. А. Фоминой, «Типология на основе критерия аксиологической интерпретации (выделение положительной и отрицательной оценки) является магистральной, так как признание или непризнание ценности объекта и есть суть акта оценки» [5]. Е. М. Вольф подчеркивает, что «...оценка неотделима от сравнения: абсолютные признаки имплицитно содержат сравнение, и сравнение, таким образом, первично» [6, с. 15]. Суть оценочного суждения заключается в том, чтобы «...заставить адресата сообщения думать о сообщаемом и одновременно квалифицируемом факте так, как этого хочет субъект оценки. Его задача в произнесении оценочного высказывания – не изменить само понимание действительности в сознании слушающего, а изменить в нем квалификацию действительности...» [2, с. 137]. Сравнение лежит и в основе аксиологических интерпретаций представителей разных поколений во взаимодействии друг с другом и базируется на разности в возрасте и жизненном опыте, пережитых событиях и системах ценностей того или иного поколения; критерии «хорошести» и «нехорошести», «правильности» и «неправильности» могут

разительно отличаться у представителей разных поколений. Подобная квалификация может получать разные аксиологические знаки в процессе оценивания.

Оценочные суждения в межпоколенческом дискурсе являются разнонаправленными. В фокусе оценки могут оказаться, прежде всего, определенные обстоятельства, например, исторические события, жизненный опыт, культурный бэкграунд, связанные с жизнью поколения (как поколения адресанта, так и поколения адресата, или поколений и адресанта, и адресата одновременно):

«Возможно, вам виднее. Простой вопрос, мне бы в голову не пришло думать над ним, но послушайте, что теперь я думаю: значит, это хорошо?»

– Было время, дымящая труба нужна была, как хлеб. Теперь ваше поколение думает уже не о том, где взять хлеб, а о том, чтоб он выглядел хорошо! Значит, в общем-то ничего, а? – Ничего! – сказал Павел, смеясь» (А. В. Кузнецов. Огонь // «Юность», № 3–4, 1969).

По мнению говорящего, приоритеты поколения адресата смещены в сторону материальных ценностей, о которых ранее думать было невозможно; адресант находит подобную ситуацию положительной, не оценивая при этом поколение адресата.

Вместе с тем говорящий может также оценивать и поколение, обращаясь к интеллектуальным, этическим и иным аспектам:

«Я думаю, что это поколение умнее нас» (М. Захаров: «Я выходец из недр сталинского оптимизма (2001) // «Известия», 28.10.2001).

В данной статье акцент сделан на выявлении характера и структуры оценочных суждений, выносимых именно в отношении поколения (поколения адресанта, поколения адресата или одновременно поколений и адресанта, и адресата). В качестве базы эмпирического материала были использованы контексты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), представляющие собой фрагменты из художественной литературы и публицистики (общее количество контекстов – 546). Все контексты, относимые к межпоколенческому дискурсу, были выделены по наличию группы маркеров (в частности, «мое поколение», «твое поколение», «ваше поколение») «...для постановки и решения вопросов о совокупностях оценок индивидов и групп» [7, с. 19].

В качестве объекта оценки может выступать, прежде всего, одно поколение: либо собственное поколение адресанта (рефлексивная оценка) либо поколение адресата. Оценка может также даваться двум поколениям, участвующим в процессе коммуникации. И в том, и другом случае в анализируемых контекстах выделяются следующие виды эксплицитных оценочных суждений:

- позитивно-оценочные;
- негативно-оценочные;
- амбивалентные.

«Мама, я боготворю ваше поколение. Вы – поколение создателей» (Р. Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000–2002) // «Октябрь», 2002).

Данный фрагмент представляет собой пример позитивно-оценочного суждения. Межпоколенческий характер взаимодействия подчеркивается посредством использования словосочетания *ваше поколение*, а наличие позитивной оценки эксплицируется через употребление существительного *создатели*, подразумевающего людей, чьи действия направлены на изменение жизни к лучшему, тех, кто берет на себя ответственность за результат и демонстрирует упорство в достижении цели, и лексической единицы *боготворить*, выражающей восхищение и глубокое уважение.

В следующем примере представлено негативно-оценочное суждение:

«– Ну почему, почему вы такие циники, ваше поколение?» (Игорь Мартынов. Это наша с тобой абстиненция // «Столица», 18.03.1997).

Лексема с отрицательным значением (*циник*) подразумевает пренебрежительное и презрительное отношение к другим людям и объектам, т.е. оценка носит негативный характер.

Данный контекст одновременно является примером эксплицитно-имплицитного оценочного суждения, так как объектом оценки становятся оба взаимодействующих поколения. Однако оценка поколения адресата является эксплицитной, в то время как оценка поколения адресанта подразумевается в связи с тем, что строится на скрытом сравнении. Если адресант говорит: *«Ваше поколение – циники»*, то он имеет в виду, что его поколение (поколение адресанта) – другое, отличающееся по своим характеристикам, и циниками его поколение назвать нельзя; данный отсутствующий имплицитированный компонент можно легко достроить в данном высказывании.

В следующем контексте эксплицировано наличие четкого разграничения в оценивании двух упоминаемых поколений посредством использования лексических средств с положительным и отрицательным оценочными значениями (поколение говорящего – *«дрянь»*, поколение адресанта – *«фантастическое»*).

«Мы – люди разных поколений. Мое поколение – дрянь! А твое – это уже нечто фантастическое!» (С. Довлатов. Компромисс (1981–1984)).

Еще одна модель оценочного суждения эксплицирует, с одной стороны, оценку поколения адресата (в данном узком контексте через обращение к жизненному опыту поколения, пострадавшего от войны, значение глагола *изуродовать* подразумевает искалеченность поколения адресата), а с другой, манифестирует в определенной степени амбивалентную оценку поколения адресанта:

«Это твое поколение война изуродовала, а мы – другие!» (Г. Елин. Цвет (1978)).

Говорящий фиксирует наличие поколенческих различий, что порождает оценочное суждение. Критерии оценки не эксплицируются, но вербализо-

ванное противопоставление позволяет предположить, что сравнение «мы – другие» подразумевает, скорее, положительную оценку поколения адресанта при сопоставлении с пострадавшим поколением адресата.

Помимо четко разграниченных положительных и отрицательных оценок, в межпоколенческом диалоге встречаются оценочные суждения с более размытым аксиологическим знаком:

«Мое поколение сравнительно с вашим что-то утратило» (И. Адамацкий. Утешитель // «Звезда», 2001).

В данном фрагменте адресант манифестирует разность поколений, однако не идентифицирует знак оценки. Только значение глагола *утратить* ('лишиться чего-либо, потерять что-либо') позволяет предположить наличие отрицательной оценки.

Особую сложность вызывают амбивалентные оценочные суждения:

«– Ваше поколение так и живет: ваше поколение все берет с лета» (В. Маканин. Человек свиты (1988)).

Данный фрагмент не позволяет составить однозначное мнение о характере оценки, несмотря на присутствие оценивания поколения адресата посредством использования выражения *ваше поколение все берет с лета*. Контекст оставляет пространство для появления возможной положительной интерпретации данного суждения (*с лета* в значении 'легко и быстро'), с одной стороны, оставляя возможность также рассматривать данное суждение и как негативное (*с лета* в значении 'не прикладывая усилий, не проявляя трудолюбия'), с другой стороны.

Степень сложности оценочных суждений в межпоколенческом дискурсе варьируется, т.к. суждения присутствуют как в простом «чистом» виде сингулярной оценки (неосложненные наличием нескольких оценочных высказываний), так и в виде комбинированных оценочных образований с одновременным присутствием двух и более оценок эксплицитного и имплицитного характера, т.е. говорящий может одновременно предъявлять несколько оценок как одному, так и двум взаимодействующим поколениям. В процессе оценивания суждения могут получать разные аксиологические знаки (например, говорящий сравнивает два поколения и выносит одновременно эксплицитную позитивную и негативную оценку поколению адресата и имплицитную амбивалентную оценку собственному поколению):

«– Странно, – сказала она, не отвечая, – удивительное соединение: у тебя доброе сердце и такая явная душевная грубость. Нет, твоё поколение не лучше. Ты говоришь – Дурной вкус» (Г. Газданов. Ночные дороги (1939)).

Коммуникант оценивает моральные и душевные качества адресата (*доброе сердце* – мелиоративная оценка и *душевная грубость* – пейоративная оценка), т.е. представлено комбинированное оценочное суждение, содержащее как положительную, так и отрицательную оценку адресата. Говорящий также одновременно сравнивает свое поколение с поколением адресата, представляя оценку в виде сравнительной степени прилагательного

(не лучше). В данном контексте коммуникант не специфицирует аксиологический знак, т.е. определить, носит ли данный факт (*твое поколение не лучше*) положительный или отрицательный характер, не представляется возможным.

Таким образом, проведенный анализ показал, что релевантными для описания специфики функционирования оценочных суждений в межпоколенческом дискурсе являются такие признаки, как объект оценки, оценочный знак, эксплицитный и имплицитный характер протиповоставления поколений, простой и комбинированный характер оценочного суждения. Простые некомбинированные оценки эксплицируются в виде позитивно-оценочных, негативно-оценочных и амбивалентных оценочных суждений. Комбинированные оценочные суждения подразумевают одновременное использование нескольких оценок в одном контексте, т.е. адресант оценивает как собственное поколение, так и поколение адресата, вынося одновременно несколько суждений в отношении взаимодействующих поколений, что может породить различные модели оценочных суждений, которые, в свою очередь, требуют дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прохоров, Ю. Е. Русские : коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – М. : Флинта, 2011. – 328 с.
2. Принцип оценочной актуализации в современном английском языке / И. В. Чекулай [и др.]. – М. : ИНФРА-М, 2016. – 160 с.
3. Стернин, И. А. Сопоставление как лингвистическая методология [Электронный ресурс] / И. А. Стернин, М. А. Стернина. – Режим доступа : <http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/216-sopostavlenie-kak-lingvisticheskaya-metodologiya>. – Дата доступа : 20.06.2022.
4. Нилова, К. В. Межпоколенческая внутрисемейная коммуникация : социо-психолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / К. В. Нилова. – Уфа, 2015. – 261 л.
5. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
6. Фомина, Ю. А. Аспекты изучения языковой оценки [Электронный ресурс] / Ю. А. Фомина. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-izucheniya-yazykovoy-otsenki>. – Дата доступа : 13.08.2022.
7. Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 230 с.

Поступила в редакцию 21.09.2022

Свистун Татьяна Ивановна

доцент, кандидат филологических наук
заведующий кафедрой теории и практики
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Tatiana Svistun

PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Department of Theory
and Practice of English
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
tess17@mail.ru

Лонская Дарья Дмитриевна

студентка
Минский государственный
лингвистический университет
Минск, Беларусь

Daria Lonskaya

Student
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
СЛОГАНОВ ОРГАНИЗАЦИЙ
(на материале русского и английского языков)

LINGUOPRAGMATIC CHARACTERISTICS
OF SLOGANS OF ORGANISATIONS
(Based on the Material of the Russian and English Languages)

В статье рассматриваются слоганы как элементы внешней коммуникации организации. Их основными характеристиками являются целостность, краткость и четкость формулировки основной идеи, эмоционально-образный характер, а также прагматическая направленность, проявляющаяся в связи с товаром, услугой или компанией. Корпоративные и товарные слоганы преобладают во внешней коммуникации организации, особенно в сфере производства продуктов питания, косметики, парфюмерии, лекарств, а авторы слоганов чаще апеллируют к эмоциям, чем к разуму.

К л ю ч е в ы е с л о в а: организация; корпоративный слоган; товарный слоган; слоган рекламной кампании; рациональный слоган; эмоциональный слоган; отрасль.

The article deals with slogans as elements of an organization's external communication. Their main characteristics are the integrity, brevity and clarity of the formulation of the main idea, emotional and figurative nature, as well as pragmatic orientation, manifested in connection with a product, service or company. Corporate and product slogans dominate in the external communication of the organization, especially in the field of food, cosmetics, perfumery and medicine production, and the authors of slogans often appeal to emotions rather than to reason.

К e y w o r d s: organization; corporate slogan; goods slogan; advertising campaign slogan; rational slogan; emotional slogan; industry.

Известно, что для успешного функционирования организации необходима коммуникация, что выдвигает на первый план проблему управления внешними и внутренними коммуникативными потоками. Задача внешней коммуникации – установление взаимосвязи с потребителями, общественностью, поставщиками, государственными органами, их информирование

и побуждение к действию. Слоган является неотъемлемым компонентом внешней коммуникации организации. Благодаря качественному слогану товар, услуга, компания хорошо запоминаются, что положительно влияет на формирование и развитие имиджа организации, стимулирует продажи и, в конечном итоге, приносит прибыль.

Слоган не раз становился предметом исследования различных ученых, именно поэтому существует большое количество определений этого понятия. Большинство исследователей сходятся во мнении, что слоган – это «четкая, ясная и сжатая формулировка рекламной идеи, которая легко воспринимается и запоминается» [1, с. 80]. У И. Д. Морозовой мы находим, что «слоган – это краткая рекламная фраза, которая в сжатом виде излагает основное рекламное предложение и является девизом рекламной кампании отдельных фирм или товаров» [2, с. 5]. Давая определение слогану, С. Ильинский подчеркивает его образный, эмоциональный характер [3]. О. А. Феофанов приводит утверждение, из которого следует, что слоган – это «спрессованная до формулы суть рекламной концепции, доведенная до лингвистического совершенства запоминающаяся мысль; своеобразный портрет фирмы, товара» [4, с. 225]. А Т. Г. Добросклонская считает, что слоган «выступает связующим звеном между многочисленными и разноформатными рекламными сообщениями, входящими в общую рекламную кампанию, т.е. представляющими собой некий неразрывный и нескончаемый свертхтекст – целостное образование, единство которого зиждется на тематической и модальной общности входящих в него единиц (текстов)» [5, с. 97]. Таким образом, на основе представленных выше определений можно выделить основные характеристики рекламного слогана: целостность, краткость, ясность и четкость формулировки основной идеи, эмоционально-образный характер.

Объектом данного исследования является слоган как элемент внешней коммуникации организации. Предметом исследования выступают лингвопрагматические характеристики слоганов в сопоставительном аспекте. Материал исследования составляют слоганы на русском и английском языках (по 100 единиц), отобранные на корпоративных сайтах организаций.

Для выявления лингвопрагматических характеристик единиц, входящих с исследовательский корпус, воспользуемся классификациями таких исследователей, как И. В. Сироткина и Ю. С. Бернадская, О. А. Феофанов, И. Д. Морозова. Так, И. В. Сироткина и Ю. С. Бернадская делят слоганы на *корпоративные* и *товарные*. Корпоративные слоганы отражают основную задачу организации. Товарные слоганы продвигают товар, услугу, торговую марку [6, с. 8; 7, с. 85]. Но к этим двум видам мы считаем необходимым добавить третий – слоганы *рекламных кампаний* – который выделяет О. А. Феофанов. Данные слоганы продвигают конкретные рекламные акции. Как полагает О. А. Феофанов, «слоган рекламной кампании и торговый слоган весьма близки друг другу. Разница лишь в том, что слоган рекламной кампании относится ко всей кампании, как бы наделяет ее “заголовком”. Торговый же слоган напрямую связан с товаром или услугой» [4, с. 78].

Рассмотрим слоганы, входящие в наш исследовательский корпус, исходя из данной классификации. Из 200 слоганов на русском и английском языках 84 слогана являются корпоративными. Они отражают образ, миссию, цели, задачи организации. Так, яркими примерами будут следующие слоганы. Слоган *Всегда Coca-Cola* указывает на миссию организации, которая состоит в том, чтобы сопровождать потребителей в различных обстоятельствах и ситуациях: отдых и работа, день рождения и выпускной и т.п. Слоган компании Disneyland *Где сбываются мечты* отражает философию организации исполнять желания клиентов, приносить радость. Слоган компании Toyota *Стремиться к лучшему* подразумевает нацеленность организации на развитие и совершенствование. Слоган Nestle *Качество продуктов, качество жизни* говорит о миссии организации производить качественные продукты. Слоган *Belwest. По жизни идти легко* отражает основной посыл бренда производить такую обувь, которая не будет доставлять дискомфорт. Слоган Nokia *Connecting people* отражает задачу компании «соединять людей». Слоган Adidas *Impossible is nothing* заявляет о желании компании создавать невозможное, уникальное и отличное от других.

Товарными являются 78 из 200 проанализированных слоганов. Слоган *Davidoff. Шедевр, созданный кофейным сомелье* является товарным, так как в нем компания делает акцент на одном из своих продуктов, а именно на кофе. Слоган *Have a break. Have a KitKat* связан с одним из продуктов компании Nestle и рекламирует конкретный товар, шоколадный батончик.

К слоганам рекламной кампании мы отнесли 38 слоганов. Так, в слогане *Belwest. Грандиозные скидки! Выгода очевидна* производитель не только упоминает название торговой марки, но и подчеркивает выгоду, которую может получить потребитель в случае покупки. Слоган *Цены в нокауте!* сети магазинов «СпортМастер» информирует клиентов о распродаже. Слоган *Wind never felt better* (пивной бренд Budweiser) сообщает о полном переводе пивоварен на возобновляемую энергию ветра, подчеркивая свою социальную ответственность за экологию.

Значительных расхождений в соотношении корпоративных, товарных слоганов и слоганов рекламных кампаний на русском и английском языках выявлено не было. Тем не менее следует отметить, что корпоративных слоганов на английском языке в корпусе исследования было зафиксировано несколько больше, чем на русском.

В соответствии с типом рекламной стратегии и основным типом аргументации И. Д. Морозова выделяет *рациональные* и *эмоциональные* слоганы. Рациональные слоганы опираются на факты, цифры и характеристики, а эмоциональные – обращаются к мотивам и чувствам адресата [2, с. 99].

В корпусе исследования нами было зафиксировано 114 слоганов, которые апеллируют к эмоциям. В англоязычной выборке таких слоганов больше, чем в русскоязычной. Слоган *Bella Happy. Счастливые дети счастливых родителей* апеллирует к эмоциям, ведь счастье – это об эмоциях.

Слоган Pandora *Unforgettable moments* апеллирует к приятным воспоминаниям. Слоган Givenchy Amariге *Feminine. Ethereal. Beautiful*, давая субъективную оценку аромату, воздействует на эмоции потребителей. Слоган бренда жевательных конфет Skittles *Taste the rainbow* позволяет создать ассоциацию с радугой, которая всегда воспринимается радостно. Слоган Campbell's Soup, организации, выпускающей консервированные супы, *Mmm, mmm good!* также апеллирует к позитивным эмоциям, которые испытывает потребитель от вкуса рекламируемого продукта.

Проанализировав 200 слоганов, мы можем сделать вывод, что рациональные слоганы встречались в 86 случаях, что несколько меньше, чем эмоциональных слоганов, хотя и незначительно. Слоган *Низорал-шампунь. Лекарство от перхоти* относится к рациональным, так как здесь указана практическая выгода – избавление от перхоти. В качестве синонима к слову шампунь здесь использовали существительное *лекарство*. Слоган *Dolce Vita. Равновесие цены и качества* указывает на соотношение цена–качество, что также помогает выявить апелляцию к разуму. Компания Apple использует в слогане *Think different* апелляцию к разуму «думай иначе, не так, как все». В слогане *There are some things money can't buy. For everything else, there's MasterCard* на первый план выдвигаются объективные возможности платежной системы MasterCard. Слоган моющего средства Ajax *Stronger than dirt* убеждает потребителя, что это средство сильнее грязи и легко с ней справится. Автомобильная компания Renault утверждает, что автомобиль Logan надежен на 100 % – *Мы ничего не обещаем. Мы гарантируем.*

Виды слоганов могут также выделяться на основе отраслевой принадлежности: автомобильные, медицинские, образовательные и др. Больше всего в корпусе исследования слоганов, связанных с продуктами питания, особенно в русскоязычной выборке, а менее всего – в сфере предоставления услуг. Перечислим наиболее репрезентативные группы.

1. Пищевая индустрия: *Когда сладкое – с пользой* (ЛеХрустье); *Всегда из свежего молока* (Савушкин продукт); *Отборная сельдь* (Санта); *Творог Беллакт – мой любимый!* (Беллакт); *Нет Martini – нет вечеринки* (Martini); *Кофе Жардин. И каждый день неповторим* (Jardin). Компании используют название производимого продукта в самом слогане *из свежего молока, отборная сельдь, сладкое*, тем самым четко проясняя категорию предлагаемого товара. При этом упоминание товара не является обязательным. Потребители скорее ориентируются на род деятельности рекламирующей организации: *Райское наслаждение* (Bounty, шоколадный батончик с кокосовой начинкой); *Давать самое лучшее* (Tchibo, кофе); *The Breakfast of Champions* (Wheaties, сухие завтраки).

2. Косметика, парфюмерия, бытовая химия: *AntiAge – эксперт Вашей красоты от Витэкс*, *Четыре совершенных препарата по уходу за телом от Belita* (Белита-Витекс); *Ваш ключ к идеальному макияжу* (Relouis); *Стирает идеально, экономит оптимально* (Биолан); *Revolutionise Your Lips!* (Bourjois); *Casual Chic* (Аромат Gentlemen Only от Givenchy).

3. Лекарства: *Некогда болеть* (ГлаксоСмитКляйн Трейдинг); *МИГ и голова не болит* (Berlin-Chemie Menarini Group).

4. Электробытовая техника, современные гаджеты: *Разумно и просто* (Philips); *Жизнь упрощается* (Gorenje); *Thin. Touchable. Tantalizing* (HP); *Life's Good* (LG); *Незапятнанная репутация. Многолетний опыт* (Samsung); *Get N or get out* (Nintendo).

5. Торговые и финансовые учреждения: *Банк для успешных людей* (Альфа-Банк); *Беларусбанк. Всегда рядом* (Беларусбанк); *What's in your wallet?* (Capital One, холдинговая компания, специализирующаяся на кредитных картах и автокредитах); *Путешествуйте легко и с комфортом* (Белинвестбанк); *Cocedu: Всегда выгодно зайти* («Соседи»); *Anytime, anywhere* (Walmart), *Every Little Helps* (Tesco).

6. Предприятия общественного питания: *Цыпанула!* («Бочка»); *Сами вялим, сами коптим, сами лепим, сами выпекаем* (ButterBro); *Дорогие у нас только гости* («Хинкальня»); *Seafood differently* (Red Lobster); *Have it your way* (Burger King); *Finger lickin' good* (Kentucky Fried Chicken).

7. Автомобилестроение: *The heartbeat of America* (Chevrolet); *Think small* (Volkswagen); *The relentless pursuit of perfection* (Lexus); *Go beyond* (Land Rover).

8. Производство одежды, обуви, ювелирных изделий: *Гуляют все! В нашей обуви* (Grand Style, салон обуви); *Мы думаем о каждом из вас* («Славия», ювелирная компания); *Настоящая обувь* (Belwest); *Quality never goes out of style* (Levi's).

Немногочисленны случаи применения слоганов лечебными и учебными учреждениями: *Делаем это нежно* («Сан Лазар», клиника пластической хирургии); *Habemus talentis! У нас есть талант!* (БГУКИ); организациями в сфере логистики и доставки грузов: *(When it absolutely, positively has to be there overnight* (Fed-Ex); телекоммуникации: *(Make the most of now* (Vodafone, мобильная связь) и др.

В заключение отметим, что слоган – это важный элемент внешней коммуникации организации. Он характеризует либо миссию организации в целом, ее философию, либо определенный товар, либо может являться частью рекламной кампании. У каждого слогана есть своя прагматическая функция: рассказать о компании, привлечь внимание, повысить узнаваемость бренда, повысить уровень продаж. Проанализировав 200 слоганов, мы пришли к выводу, что чаще всего встречались корпоративные слоганы. Их превалирование, скорее всего, связано с тем, что большинство компаний нацелены на долгосрочное взаимодействие с внешней средой, поэтому информирование целевой аудитории о своей миссии и философии считается необходимым. Эмоциональные слоганы представлены в большей мере, чем рациональные, что можно объяснить тем, что апелляция к эмоциям зачастую дает более осязаемый результат. Также следует отметить, что организации–производители продуктов питания, косметики и парфюмерии, лекарств намного чаще прибегают к использованию слоганов, чем организации, предоставляющие различного рода услуги.

Исходя из данных анализа, можно выделить основные характеристики слогана, а именно целостность, краткость, ясность и четкость формулировки основной идеи, эмоционально-образный характер. Но, наверное, важнейшим свойством слогана является его прагматическая составляющая, проявляющаяся в неразрывной связи с товаром, услугой и/или компанией, указывающая на их уникальность, побуждающая потребителя к определенным действиям: заказать, купить, воспользоваться.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ульянов, А.* Словарь терминов по рекламе, маркетингу Atl, Btl и PR / А. Ульянов. – М., 2007. – 83 с.
2. *Морозова, И. Д.* Слагая слоганы / И. Д. Морозова. – М. : РИП-Холдинг, 2003. – 172 с.
3. *Ильинский, С. В.* Энциклопедический словарь PR и рекламы : оперативный словарь-справочник / С. И. Ильинский. – М., 2002. – 94 с.
4. *Феофанов, О. А.* Реклама: новые технологии в России / О. А. Феофанов. – СПб. : Питер, 2001. – 384 с.
5. *Добросклонская, Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 264 с.
6. *Бернадская, Ю. С.* Текст в рекламе / Ю. С. Бернадская. – М. : Юнити-Дана, 2008. – 288 с.
7. *Сироткина, И. В.* Как приготовить вкусный бренд / И. В. Сироткина. – М. : Альфа-Пресс, 2005. – 200 с.

Поступила в редакцию 30.09.2022

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111'42

Зиневиц Надежда Васильевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры теории и практики
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Nadzeya Zinevich

PhD in Philology, Assistant Professor
of the Department of the Theory
and Practice of the English Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
nadzusha@gmail.com

Кравцов Дмитрий Олегович

магистрант
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Dzmitry Krautsov

Post graduate student
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
kravtsovdmittii@gmail.com

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТНОСТИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ:
МЕЖЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ

VERBALIZATION OF SUBJECTIVITY AS A CATEGORY IN ENGLISH
MEDIA DISCOURSE: A CROSS-GENRE APPROACH

Целью данной статьи является сопоставление специфики языкового выражения дискурсивной категории субъектности в англоязычном медийном дискурсе на материале жанров новостной заметки, аналитической статьи и очерка. В контексте исследования субъектность рассматривается как сложная когнитивно-коммуникативная категория, основными структурными компонентами которой являются субкатегории адресанта, адресата и других участников коммуникации. Результаты анализа подтвердили наличие четкой зависимости между характером вербализации субкатегорий субъектности и жанрово-прагматической природой текста (открытой субъективностью очерка, акцентированной объективизацией новостной заметки и промежуточной объективно-субъективной ориентацией аналитической статьи).

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискурс; медийный дискурс; дискурсивная категория; субъектность; медийный жанр.

The goal of the paper is to compare the peculiarities of verbalizing the discourse category of subjectivity in such media genres as a news story, an analytical article and a feature article. Within the framework of this analysis subjectivity is viewed as a complex cognitive and communicative category, which consists of such subcategories as the addresser, the addressee and other participants of communication. The research has established a clear correlation between the ways the subcategories are verbalized, as well as the pragmatic nature of the genres (explicit subjectivity of a feature article, pronounced objectivity of a news story and an intermediate – objective and subjective – character of an analytical article).

К e y w o r d s: discourse; media discourse; discourse category; subjectivity; media genre.

Одной из наиболее востребованных и актуальных областей современных лингвистических исследований является дискурс-анализ. Ценность и целесообразность данного направления заключается в том, что оно позволяет дать ответы на целый ряд важнейших теоретических и практических вопросов о природе и результатах речевой деятельности. Она рассматривается не в изоляции, а как неотъемлемый компонент максимально широкого экстралингвистического контекста, от которого она зависит и на который способна, в свою очередь, оказывать влияние. Таким образом, ключевыми категориями современной лингвистики становятся, во-первых, сам дискурс, и, во-вторых, целый комплекс непосредственно связанных с ним дискурсивных категорий, позволяющих описать дискурс уникальный феномен в совокупности целого ряда сущностно значимых характеристик.

Целью настоящей работы является рассмотрение специфики реализации категории субъектности как одной из важнейших когнитивно-коммуникативных категорий дискурса [1, с. 61]. Вслед за Т. П. Карпилович, под *субъектностью* мы понимаем категорию, предполагающую «все возможные формы участия коммуниканта в высказывании, содержание которой включает субкатегории **адресанта**, **адресата**, а также всех **других участников дискурса**» [2, с. 13]. Исключительная значимость категории субъектности как объекта анализа подтверждается тем фактом, что именно с ее помощью задаются основные личностные координаты дискурсивной деятельности, без чего, очевидно, речепроизводство в принципе не имеет смысла.

Интерес к субъектности как дискурсивной категории повлек за собой ряд исследований на материале различных жанров таких дискурсов, как научный (Т. П. Карпилович, Н. В. Зиневич), научно-популярный (Т. П. Карпилович, Н. В. Егоров), медийный (Т. А. Сысоева, О. В. Казимилова), экологический (Н. В. Зиневич) и др. В данной работе предпринимается попытка выявить особенности вербализации категории субъектности в межжанровом аспекте, что может облегчить не только дифференциацию конкретных жанров в условиях их динамичного становления и нарастающей гибридности, но и способствовать уточнению функционально-прагматической специфики отдельных дискурсов в целом.

На данном этапе исследования предполагается обращение одному из важнейших социальных и культурно значимых дискурсов – медийному. При этом основное внимание будет сосредоточено на сопоставлении таких его центральных жанров, как новостная заметка, аналитическая статья и очерк. Каждый из предложенных жанров обладает четкой прагматической спецификой и представляет одну из трех основных функционально-жанровых группировок медийного дискурса (информационную, аналитическую и художественно-публицистическую соответственно).

Остановимся кратко на структуре категории субъектности в медийном дискурсе. Как показали наблюдения, центральное место в иерархии субъектных взаимоотношений отводится субкатегории **адресанта** (отправителя сообщения/ говорящего). Первостепенная значимость различных форм экспликации авторского присутствия в медийном тексте подчеркивается тем

фактом, что субъект речи здесь «приобретает статус системообразующего фактора, поскольку все проявления автора обеспечивают целостность и предметно-смысловую завершенность медиатекста, а также позволяют выявить его жанровую сущность» [3, с. 108].

Далее рассмотрим фигуру **адресата** как субъекта коммуникации. Будучи ориентированными на массового адресата, тексты медиадискурса во многом зависят от образа адресата, воплощаемого в тексте. По мнению Т. Л. Каминской, субкатегория адресата выполняет в текстах массовой коммуникации сразу несколько функций (чаще всего мы можем говорить об их взаимодействии): интеграции читателей (основная функция), манипуляции сознанием читателя, интерпретации реальных событий и фактов действительности в соответствии с картиной мира адресата [4, с. 109].

В настоящем исследовании считаем необходимым также ввести субкатеорию «**другие участники коммуникации**». По роли в тексте данные субъекты коммуникации приближаются к адресанту, или автору, так как их дискурс зачастую помещается в текст в виде прямого включения. При появлении в тексте других участников коммуникации наблюдаются такие явления как «диалог смысловых позиций и мнений» и «виртуальное общение авторов» [2, с. 52] – формы реализации интертекстуальности. Велика роль этой субкатегории и в медиадискурсе: значительному числу его жанров свойственна полифоничность – сочетание нескольких «авторских голосов».

Перейдем к непосредственному анализу лингво-коммуникативной специфики выражения категории субъектности в рассматриваемых жанрах медийного дискурса. Исследование проводилось на материале англоязычных печатных и интернет-изданий (BBC, Forbes, Insider, The Economist, The Guardian, The New York Times, The Times, The Wall Street Journal, The Washington Post, Wired), опубликованных с 2021 по 2022 год. Объем проанализированного материала составил 30 текстов: 10 новостных заметок, 10 очерков и 10 аналитических статей.

Практическое рассмотрение материала исследования проводилось путем определения языковых маркеров субъектности и определения их количества в расчете на 1000 слов, а также сравнения средних арифметических показателей в каждом жанре. Результаты сравнения приведены в таблицах 1, 2, 3.

Т а б л и ц а 1

Сравнение средних количественных показателей средств экспликации адресанта в межжанровом аспекте

	Новостные заметки	Очерки	Аналитические статьи
Единичное наименование	–	4,036	–
Инклюзивное наименование	0,109	2,906	1,036
Средства интерпретации	0,943	0,981	1,709
Модальные средства	2,823	3,728	11,595
Метатекстовые средства	17,829	17,11	29,931
Оценочные средства	13,415	16,621	51,913

Т а б л и ц а 2

Сравнение средних количественных показателей средств экспликации адресата в межжанровом аспекте

	Новостные заметки	Очерки	Аналитические статьи
Едиличное наименование	1,115	1,849	0,507
Средства интерактивности	0,503	0,968	2,37

Т а б л и ц а 3

Сравнение средних количественных показателей средств экспликации других участников коммуникации в межжанровом аспекте

	Новостные заметки	Очерки	Аналитические статьи
Едиличное наименование	12,446	14,379	18,338
Инклюзивное наименование	0,463	1,528	1,208
Количество других коммуникантов	6,1	7,9	5,5
Средства интерпретации	0,551	0,142	0,978
Модальные средства	0,605	1,289	5,594
Метатекстовые средства	2,355	6,192	6,45
Оценочные средства	4,442	10,6615	27,368
Вставки дискурса других коммуникантов	13,47	12,617	15,974
Средства референции к неопределенному источнику	0,41	0,275	0,304

Рассмотрим подробно полученные результаты. Прежде всего заметим, что наибольшая доля **эксплицитных** средств наименования **адресанта** (*I, we, my* и др.) ожидаемо обнаруживается в присущий им художественный характер, связанный с творческим началом отдельного человека, во многом способствует явному проявлению автора на текстовом пространстве. Также в очерке было выявлено и большее количество средств **инклюзивного** наименования (*we, us, our, everyone, anyone* и др.), что говорит о выраженном желании автора не только привлечь аудиторию, но и убедить ее в правомерности собственных суждений путем показа общности интересов: *But everyone knows these programs are all likely to get extended for the full 10 years if passed.*

Несколько более высокий, чем в новостных заметках, уровень выраженности средств инклюзии в аналитических статьях свидетельствует об уходе от беспристрастного фиксирования событий в сторону выражения собственных выводов и осознанно речевом воздействии, в том числе и за счет активного вовлечения в дискуссию адресата.

Переходя к имплицитным средствам реализации адресанта, обратим внимание на значительное преимущество в данном отношении аналитических статей. Так, преобладание в аналитике средств интерпретации (например, глаголов речемыслительной деятельности *analyze, argue, claim, compare, note, observe, propose, write*) свидетельствует о большем количестве собственных выводов на основе представленных мнений: *We continue to hold the views expressed in detail in our latest regulatory filings*. Также в аналитических статьях активно используются модальные средства, которые представлены прилагательными (*apparent, certain, likely, sure*), глаголами и глагольными конструкциями (*can, could, have a chance to, might, seem, would*), а также наречными конструкциями (*in all likelihood, maybe, of course, perhaps, possibly, seemingly*). Повышенная модализация жанра аналитической статьи отражает, с одной стороны, ее основную прагматическую установку (анализ проблемной ситуации), а с другой – говорит о большей интеллектуально-творческой свободе автора в представлении собственных прогнозов и предположений.

Еще одной отличительной чертой аналитики является заметное преобладание метатекстовых средств: коннекторов – союзов (*but, despite, however, or, yet*), наречий (*alternatively, anyway, for example, for instance, particularly, then, though, too*), предлогов (*also, amid, by means of*), предложных фраз и вводных конструкций (*as well as, because of, due to, in fact, in general, in other words, in particular, so far, such as*). Акцент на метатекстовых показателях в жанре аналитической статьи во многом связан с необходимостью показа логических операций: восхождения от общего к частному и наоборот, а также причинно-следственных связей.

Если в новостных статьях и очерках функция оценки в значительной степени перенесена на других коммуникантов (с целью объективизации повествования и показа «правды жизни» соответственно), то аналитическая статья обнаруживает открытую оценку описываемых предметов, явлений и персонажей как неотъемлемый компонент их интерпретации. К оценочной лексике были отнесены слова различной частеречной принадлежности: прилагательные (*appalling, arrogant, backward, bizarre, blunt, brave, brooding, classic, clear, contentious, cool, dire, dominant, vast, weak, whopping*), существительные (*adoration, clamor, cliché, crowd, defection, delusion, difficulty, evil, heavy-hitter, junta, onslaught, powerbroker*), наречия (*absolutely, almost, boldly, clearly, depressingly, even, flimsily, genuinely, heavily, intimately, just, often, unpromisingly, vastly*), глаголы (*bully, cling, condemn, criticize, defect, delight, despair, fail, fascinate, smear, upend, wrench off*). Кроме того, в целях выражения оценки говорящим употребляются и стилистические средства:

метафоры (*a storm of controversy, be laced with intrigue, demographic timebomb, diplomatic hornet's nest, political point-scoring, the "brain" within every electronic device*), аллюзии (*Even the masters of web2 see **the writing on the wall*** (зловещее предзнаменование, начертанное на стене во время пира вавилонского царя Валтасара незадолго до падения Вавилона)), эпитеты (*brilliant coach, doomsday response*), сравнения (*brandishing driftwood sticks **like swords**; the polymer strands become entangled, **like a hairball***).

Таким образом, анализ показал, что субкатегория адресанта наиболее активно выражается в жанрах очерка и аналитической статьи. При этом очерк отличается явной тенденцией к эксплицитному проявлению автора и его точки зрения, в то время как в аналитической статье предпочтение отдается имплицитным средствам. Можно предположить, что завуалированный показ позиции автора в жанре аналитической статьи необходим для большей объективизации сообщения и, как результат, его большей убедительности для аудитории. С этой же целью имплицитные средства авторского присутствия достаточно часто используются в жанре новостной заметки.

Анализируя специфику реализации **других участников коммуникации**, отметим, что существенным показателем здесь является соотношение количества наименований и вставок дискурса других коммуникантов с собственно количеством других коммуникантов – чем эти коэффициенты выше, тем больше в тексте появляется цитат без непосредственного указания автора и вставок дискурса уже представленных коммуникантов. Сравнение демонстрирует, эта тенденция наиболее ярко проявляется в аналитических статьях, что обуславливается особенностями введения других коммуникантов в данный тип текстов: их мнение, как правило, приводится на протяжении всего текста для доказательства тезисов, относящихся к различным сторонам описываемого явления: *All three former shifters told Insider that in some ways, shifting made their mental health worse.*

Что касается **имплицитных средств** представления других участников коммуникации, то общей тенденцией является увеличение их среднего количества от новостных заметок к очеркам и от очерков к аналитическим статьям. Единственным исключением явились **средства интерпретации**, количество которых в новостных статьях выше по сравнению с очерками предположительно в силу большей необходимости всестороннего представления умозаключений других коммуникантов: *Much of the anger is directed at Nazarbayev himself, who for so long **appeared untouchable**.* В целом представляется, что количественное преобладание практически всех средств выражения субкатегории других участников коммуникации в аналитических статьях продиктовано оценочно-интерпретативным характером аналитического дискурса в целом.

Также необходимо отметить одинаково низкую представленность средств **референции к неопределенному источнику** во всех исследованных жанрах. Данная группа средств закономерно снижает

объективность повествования, которая является одной из основных прагматических установок текстов СМИ. Следовательно использование такого способа введения речи других коммуникантов может в какой-то степени подрывать доверие со стороны адресата: *His daughter and grandson are believed to own £80m of London property.*

В заключение остановимся на средствах экспликации адресата в текстах рассмотренных жанров. Наибольшее среднее количество эксплицитных средств выражения адресата было обнаружено в очерках, что связано с высоким прагматическим потенциалом данных единиц, во многом опирающемся на непосредственное обращение к опыту читателя: *Don't worry if this hurts your head; it's not called the hard problem for nothing.*

Как и ранее в субкатегории других участников коммуникации, значительное преобладание роли аналитических статей в экспликации субкатегории адресата обусловлено прагматическими факторами, в частности, необходимостью обращения к опыту читателя, выраженной тенденцией к его вовлечению в дискуссию и приглашению к диалогу: *And do you want to rely on someone like Florida GOP Gov. Ron DeSantis to do the right thing?*

Таким образом, мы рассмотрели функционирование различных групп языковых средств экспликации субъектности в медийных жанрах новостной заметки, очерка и аналитической статьи с учетом их лингво-коммуникативной специфики. В ходе анализа была выявлена связь между преобладанием тех или иных средств и функционально-прагматической направленностью жанра. Так, во-первых, межжанровое изучение показателей адресанта показало значительное преобладание эксплицитных средств субъектности в очерках. В то же время аналитические статьи обнаруживают существенное преобладание имплицитных маркеров адресанта, что коррелирует с более высокой выявленностью автора как субъекта оценки и интерпретации.

При экспликации других участников коммуникации среднее количество эксплицитных и имплицитных средств выражения расширялось от новостных заметок к очеркам и далее к аналитическим статьям, где упоминание различных точек зрения способствует повышению убеждающей силы высказывания, в том числе и за счет акцентирования непредвзятости автора.

Что касается средств экспликации адресата в рассмотренных медиатекстах, укажем на преобладание эксплицитных маркеров в очерке, так как прямое обращение к читателю в большей степени соответствует данному художественно-публицистическому жанру. При этом значительное преобладание средств интерактивности было зафиксировано в аналитической статье вследствие основной коммуникативной задачи убеждения читателя в правильности позиции автора.

Обобщая результаты исследования, необходимо также обратить особое внимание на общую тенденцию прямой зависимости выявленности адресанта и адресата и обратной зависимости выявленности адресанта и других участников коммуникации, что, по-видимому, обуславливается разнонаправленной прагматической установкой данных категорий в медийном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зиневич, Н. В.* Интенциональность и субъектность научного дискурса в аспекте их взаимодействия / Н. В. Зиневич // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – Минск : МГЛУ, 2019. – № 1 (98). – С. 61–67.
2. *Карпилович, Т. П.* Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2018. – 160 с.
3. *Казимилова, О. В.* Экспликация субъекта речи в современном медийном дискурсе / О. В. Казимилова // На перекрестке культур: единство языка, литературы и образования: сб. науч. ст. I Междунар. науч.-практ. интернет-конф., Могилев, 3–17 декабря 2018 г. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – С. 105–108.
4. *Медведева, Е. А.* Современные медиатексты в аспекте стилеобразующих категорий «автор» и «адресат» / Е. А. Медведева, Н. В. Соловьева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение – Челябинск : ЧелГУ, 2012. – Вып. 71 – С. 107–111.

Поступила в редакцию 29.09.2022

Зуевская Елена Викторовна
кандидат филологических наук
доцент кафедры теории и практики
немецкого языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Elena Zuevskaya
PhD in Philology, Associate Professor
at the Department of the Theory and Practice
of the German Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
sujewskaja@tut.by

Чигирь Антон Владимирович
преподаватель кафедры
теории и практики немецкого языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anton Chyhir
Lecturer at the Department of the Theory and Practice
of the German Language,
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
anton.chyhir@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАРКЕРОВ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF EVIDENTIAL MARKERS IN GERMAN-LANGUAGE MASS MEDIA

В статье рассматриваются особенности функционирования маркеров категории эвиденциальности в комментариях и репортажах в средствах массовой информации на немецком языке. Анализируется разделение сферы эвиденциальных значений на прямую и косвенную эвиденциальность и их дальнейшие разграничения. Приводятся примеры употребления различных маркеров прямой и косвенной эвиденциальности в текстах комментариев и репортажей на немецком языке.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *эвиденциальность; немецкий язык; средства массовой информации; комментарии; репортажи.*

The article discusses the features of functioning of markers of the category of evidentiality in comments and reports in mass media in German. The division of the sphere of evidentiality into direct and indirect evidentiality and their further distinctions are analyzed. The article gives examples of use of various markers of direct and indirect evidentiality in the texts of comments and reports in German.

К e y w o r d s: *evidentiality; the German language; mass media; comments; reports.*

Первым, кто обратил внимание на самостоятельность категории эвиденциальности, был Р. Якобсон, который в 1957 г. описал данную лексико-семантическую категорию в рамках русского языка. Известный лингвист рассматривал эвиденциальность как категорию глагола, которая объединяет некий сообщаемый факт, факт самого сообщения и указание на источник сведений о передаваемой информации [1, с. 101]. Несмотря на то, что термин *эвиденциальность* уже был введен в языкознание американским антропологом Ф. Боасом, а также на то, что эвиденциальные маркеры присутствуют не только в языках коренного населения Америки, но и в ряде других языковых групп и семей, эвиденциальность долгое время не определялась

как универсальная языковая категория. Однако после публикации статьи Р. О. Якобсона все больше лингвистов стали уделять внимание изучению данной категории, что позволило обнаружить большое разнообразие маркеров эвиденциальных значений во многих языках мира [2, с. 7].

Следуя распространенному в современном языкознании подходу, разработанному В. А. Плунгяном, к семантическому полю эвиденциальности можно отнести маркеры, указывающие на источник информации о сообщаемой ситуации. Другими словами, при употреблении в своем сообщении средства выражения эвиденциальности говорящий поясняет, каким образом он получил сообщаемые сведения [3, с. 338].

В настоящее время разработано несколько классификаций типов эвиденциальности, которые рассматривают данную категорию с разных сторон. К примеру, Н. А. Козинцева разделяет эвиденциальность на два вида: прямую и косвенную. Автор сообщения употребляет в своей речи маркер прямой эвиденциальности, когда ссылается на информацию, полученную посредством собственного восприятия действительности органами чувств [4].

Занимаясь исследованием прямой эвиденциальности, Р. Д. Шакирова в своей статье разделяет эту сферу значений по способу получения информации на визуальное и невизуальное свидетельство [5].

В отличие от средств выражения прямой эвиденциальности, маркеры косвенной эвиденциальности в речи указывают на то, что говорящий не был непосредственным свидетелем сообщаемых событий. Косвенная эвиденциальность включает в себя два подвида: инференциальность (указывает на то, что говорящий основывает свое высказывание на логическом умозаключении) и пересказательность (маркирует, что говорящий строит свое сообщение на сведениях, полученных от других людей) [4, с. 10].

Все средства выражения пересказательности и инференциальности выполняют универсальные функции. Среди них – авторизирующая функция, которая заключается в указании на источник информации. Метаязыковая функция реализуется в разграничении «своей» и «чужой» речи. Субъективно-оценочная функция служит для обозначения субъективного взгляда говорящего на ситуацию и его отношения к содержанию высказывания. Кваликативная функция позволяет определять информацию как достоверную или нет [6, с. 10].

Ситуация говорения, в которой информация поступает из косвенного источника, характеризуется наличием трех субъектов: говорящего, адресата и косвенного участника, являющегося первоисточником информации [Там же, с. 8].

Пересказательность также объединяет две узкие сферы значений: цитатив и слухи. Под цитативом традиционно понимается, что информация передается говорящим на основании достоверных источников, а слухи подразумевают сообщение, поступившее от неких неизвестных лиц [7].

Некоторые ученые также обращают внимание на то, что в рамках косвенной эвиденциальности возможно дополнительно выделить значение перцептуальности. Ее главное отличие от других подвигов косвенной

эвиденциальности заключается в том, что средства выражения перцептуальности маркируют информацию, которая была основана на чувственном восприятии другого человека [7, с. 19].

Н. А. Козинцева разделяет все маркеры категории эвиденциальности на морфологические и лексико-синтаксические [8, с. 96]. Следует отметить, что в немецком языке присутствуют и активно употребляются в речи средства выражения из обеих групп.

В ходе изучения функционирования маркеров категории эвиденциальности в немецком языке в их связи с эвиденциальными значениями, для выражения которых они используются, было установлено, что прямая эвиденциальность в немецком языке в первую очередь выражается лексико-семантическими группами глаголов чувственного (как визуального, так и невизуального) восприятия в сочетании с придаточными предложениями или инфинитивными конструкциями. Также для выражения данного эвиденциального значения используются модальные слова, в семантике которых есть компонент чувственного восприятия, как правило, визуального. Речь идет о таких модальных словах как *augenscheinlich*, *offenkundlich*, *sichtlich*: *Augenscheinlich handelte es sich um eine Zusammenkunft privater Natur* [5, с. 97].

Для маркирования значений инференциальности и перцептуальности служат глаголы *scheinen*, *drohen*, *werden* и *versprechen*: *Kramp-Karrenbauers Nachfolger droht allerdings erhöhter Verschleiß* [9].

Для выражения вышеупомянутых значений используются также модальные слова и глаголы, глагольные конструкции и несобственно-прямая речь.

Самыми распространенными средствами для маркирования пересказательности выступают имена существительные, семантически связанные с передачей информации, и лексико-семантические группы глаголов речемыслительной деятельности: *Die Londoner Polizei rät nämlich Menschen, die wegen des Verhaltens von Beamten verängstigt sind, an Türen zu klopfen, Passanten oder Fahrzeuge zu stoppen oder den Notruf zu wählen* [10].

В качестве маркеров цитатива используются также конъюнктив, прямая речь и цитация, реже парентезы по типу главной или придаточной части сложного предложения.

Для указания на то, что сообщаемая говорящим информация была получена от неких неизвестных лиц и является слухами, служат конструкции *es heißt...*, *sollen* + инфинитив, а также некоторые модальные слова.

Функционирование маркеров эвиденциальных значений в немецком языке было изучено на материале статей в средствах массовой информации Германии и Австрии. Для проведения анализа были отобраны комментарии и репортажи объемом приблизительно 3500 словоформ для каждого вида текста, из которых методом сплошной выборки были выделены сверхфразовые единства, содержащие маркеры категории эвиденциальности.

Как показал анализ количественных данных, относительная частотность употребления отдельных маркеров эвиденциальности в комментариях и репортажах масс-медиа двух стран демонстрирует как схожие черты, так и различия.

Наиболее схожими по употреблению в текстах немецкоязычной прессы являются прямая речь и цитация: встречаясь в обоих жанрах текстов, эти маркеры эвиденциальности являются более характерными для репортажей как в Германии, так и в Австрии.

Однако следует также обратить внимание на следующие различия в относительной частотности средств выражения эвиденциальных значений в масс-медиа двух стран: в комментариях и репортажах в СМИ Австрии значительно реже употребляется конъюнктив – сослагательное наклонение глагола (20 % в комментариях и 8 % в репортажах): *Die Metropolitan Police, die Polizeibehörde von Greater London, betonte hingegen, es handle sich um wenige Ausnahmesituationen, in denen Zivilpolizisten alleine unterwegs seien* [10].

Вместе с этим в текстах австрийских авторов возрастает употребление глаголов и глагольных конструкций, семантически связанных с речемыслительной деятельностью. Особенно это характерно для комментариев: в текстах данного жанра из средств массовой информации Австрии относительная частотность употребления рассматриваемого маркера эвиденциальности по сравнению с комментариями в немецких СМИ возрастает до 33 %. Это связано с тем, что в комментариях и репортажах в СМИ ФРГ главным способом передачи чужой речи является косвенная речь, для чего журналистами активно используется конъюнктив. Австрийские авторы, в отличие от немецких, предпочитают передавать чужие слова с помощью прямой речи и цитации, которые могут предварять глагол или глагольная конструкция, относящиеся к речемыслительной деятельности: *Darin hält er fest: „Eine Annahme ist grundlegend falsch: Dass Facebook Untersuchungen und Studien durchführen lässt und diese dann systematisch und absichtlich ignoriert, weil sie für das Unternehmen unangenehm sind“* [10].

Также следует обратить внимание на отличия в относительной частотности вводно-модальных слов и наречий в текстах СМИ ФРГ и Австрии. Процент употребления данного маркера эвиденциальных значений в комментариях в СМИ ФРГ значительно выше, чем в комментариях в СМИ Австрии (12 % и 2 % соответственно): *Wahrscheinlicher erscheint eine Kohabitation des neuen CDU-Chefs mit der Kanzlerin, die dadurch verschärft wird, dass er als Kanzlerkandidat schon mit der scheidenden Amtsinhaberin konkurrieren muss* [9].

Вместе с этим, тексты австрийских авторов в целом характеризуются бóльшим разнообразием средств выражения эвиденциальности: так, в комментариях и репортажах в австрийских СМИ чаще встречаются существительные, обозначающие источник информации, конструкция *es heißt* и парентезы по типу главной или придаточной части сложного предложения, зачастую представленные парентетическими включениями с наречием *so* или союзом *wie*. Однако по результатам анализа практического материала эти средства выражения категории эвиденциальности оказались наименее продуктивными: *Der Staatsvertrag verbietet richtigerweise die Verherrlichung der NS-Ideologie, das Leugnen der Gräueltaten in den Konzentrationslagern* [11]. *Und er zeigte sich auch von einer durchaus ungewohnten Seite: „Ich bin auch nur ein Mensch mit Emotionen und Fehlern“, so der ÖVP-Chef* [12].

Следует также отметить, что конструкция *es heißt*, используемая для выражения эвиденциального значения “слухи”, зачастую усиливается употреблением конъюнктива: „*Ich würde gerne weiter in Deutschland und bei euch in der Nähe wohnen bleiben. Aber ich habe Angst, dass das nicht so leicht wird*“, *heißt es in einer Briefvorlage* [13].

Представленное в немецких репортажах и австрийских комментариях значение слухов (1 % в репортажах и 5 % в комментариях) передается также с помощью вводно-модальных слов и наречий, глагола *sollen* и инфинитива, а также существительных, семантически связанных с передачей информации: *Und bis heute zirkulieren in der Bevölkerung auch Gerüchte darüber, dass bestimmte gesellschaftliche Minderheiten gewalttätiger wären als andere, die eine empörte Stimmung anheizen* [14]. *In einem Bundesland, gar nicht weit von Wien entfernt, soll der Unmut ganz besonders groß gewesen sein* [12].

Иными эвиденциальными значениями, обнаруженными в текстах немецкоязычных СМИ в ходе анализа, являются цитатив и инференциальность. В комментариях и репортажах и ФРГ, и Австрии ведущим значением косвенной эвиденциальности является цитатив. Однако стоит отметить, что для комментариев обеих стран более характерен так называемый институциональный цитатив, указывающий на то, что источником информации, речь которого передается в тексте, является представитель кого-либо социального института: *Eine Sprecherin der Grünen betont, dass es sich um eine „politisch unabhängige Aktion“ handle, die wie viele andere zur Wahl mobilisiere* [13]. Относительная частотность институционального цитатива в немецкоязычных комментариях составила 51 % и 70 % для немецких и австрийских текстов соответственно.

Как показал дальнейший анализ, для немецкоязычных репортажей характерен личный цитатив (53 % в немецких и 73 % в австрийских репортажах). Личный цитатив подразумевает, что источник, чьи слова передает автор, является личностью со своими индивидуальными качествами, без прав и обязанностей представителя какого-либо социального института: „*Früher war ein ständiges Kommen und Gehen über die Grenze*“, *erzählt ihre Freundin Anthi. „Wir haben Kochrezepte mit den türkischen Frauen ausgetauscht, es gab Freundschaften*“, *sagt sie. „Das ist jetzt vorbei*“ [15].

Еще одним эвиденциальным значением, входящим в сферу косвенной эвиденциальности и представленным в немецкоязычных СМИ, является инференциальность. В текстах австрийских авторов показатель относительной частотности средств выражения инференциальности невысок: 1 % в комментариях и 2 % в репортажах. Однако в немецких комментариях относительная частотность маркеров инференциальности сильно возрастает до 15 %. Это связано с тем, что главными способами выражения этого значения являются вводно-модальные слова и наречия, а также модальные глаголы, которые очень широко представлены в комментариях немецких СМИ: *Doch 2004 ruderten die damals neu gewählten Konservativen in Athen zurück - offenbar aus Angst, dass die Richter in Den Haag ihren Vorstellungen nicht in vollem Umfang entsprechen könnten* [15].

Таким образом, проведенный анализ показал, что самым распространенным значением эвиденциальности в немецкоязычных СМИ является сфера пересказательности, в свою очередь включающая в себя значения цитатива и слухов. Несмотря на некоторые различия в употреблении маркеров данных эвиденциальных значений в СМИ Австрии и Германии, были установлены также существенные сходства, обусловленные жанровой принадлежностью текстов: так, для жанра комментария в немецкоязычной прессе более характерен институциональный цитатив, а личный цитатив преобладает в репортажах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Якобсон, Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М. : Наука, 1972. – С. 95–113.
2. *Позднякова, В. А.* Актуализация категории эвиденциальности в аргументативном дискурсе (на материале английского и русского языков) / В. А. Позднякова. – СПб., 2016. – 69 с.
3. *Плунгян, В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плунгян. – М. : РГГУ, 2011. – 672 с.
4. *Козинцева, Н. А.* Типология категории засвидетельствованности / Н. А. Козинцева // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сб. ст. памяти Н. А. Козинцевой / Ин-т лингвист. исслед. РАН ; ред. В. С. Храковский. – СПб., 2007. – С. 13–36.
5. *Шакирова, Р. Д.* О модальных словах категорической достоверности современного немецкого языка / Р. Д. Шакирова // Вестн. НовГУ. – 2005. – № 33. – С. 95–99.
6. *Григоренко, М. Ю.* Функционально-семантическое поле эвиденциальности в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Ю. Григоренко. – Белгород, 2011. – 22 с.
7. *Willett, T.* A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticization of Evidentiality / T. Willett // Stud. Lang. – 1988. – Vol. 12, № 1. – P. 51–97.
8. *Козинцева, Н. А.* Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 92–104.
9. Gift für die CDU [Electronic resource] // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – Mode of access : <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/nachfolge-fuer-akk-gift-fuer-die-cdu-ein-kommentar-16629000.html> – Date of access : 15.08.2022.
10. Facebook ignoriert seinen negativen Einfluss auf die Gesellschaft [Electronic resource] // 20min.ch. – Mode of access : <https://www.20min.ch/story/facebook-ignoriert-seinen-negativen-einfluss-auf-die-gesellschaft-972529747835> – Date of access : 15.08.2022.

11. Eine Kommunistin darf nicht Bürgermeisterin werden [Electronic resource] // Kronen Zeitung. – Mode of access : <https://www.krone.at/2522324> – Date of access : 15.08.2022.
12. Druck wurde doch zu hoch: Kurz mal weg [Electronic resource] // Kronen Zeitung. – Mode of access : <https://www.krone.at/2527968> – Date of access : 15.08.2022.
13. „Enkelbriefe“: Versteckte Promi-Werbung für Grüne? [Electronic resource] // Kronen Zeitung. – Mode of access : <https://www.krone.at/2508595> – Date of access : 15.08.2022.
14. Empörendes Cybermobbing in der Schule [Electronic resource] // Kronen Zeitung. – Mode of access : <https://www.krone.at/2523470> – Date of access : 15.08.2022.
15. Fahndung nach Vorurteilen [Electronic resource] // Die Zeit. – Mode of access : <http://surl.li/vigf> – Date of access : 15.08.2022.

Поступила в редакцию 30.09.2022

Лапунова Ольга Владимировна
кандидат филологических наук доцент
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Olga Lapunova
PhD in Philology, Associate Professor
Belarusian State University
Minsk, Belarus
OLGA-2980@mail.ru

ССЫЛКА НА НЕПЕРСОНИФИЦИРОВАННЫЙ ИСТОЧНИК
КАК ВВЕДЕНИЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДРУГОГО
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

REFERENCE TO A NON-PERSONALIZED SOURCE
AS INTRODUCING THE OTHER'S VIEWPOINT
IN FRENCH NEWSPAPER DISCOURSE

Статья посвящена проблеме использования дискурсивного приема полифонии автором французского газетного дискурса. Функции и языковые средства полифонии анализируются в аспекте выявления прагматических задач автора газетного сообщения. На конкретных примерах рассматриваются языковые средства, используемые для передачи авторства другому «голосу» как способ изложения непроверенной информации. Исследование позволяет сделать выводы о прагматической обусловленности вариативности языковых средств реализации приема полифонии путем передачи авторства другому «голосу» через неперсонифицированное посредничество во французском газетном дискурсе.

Ключевые слова: французский газетный дискурс; полифония; прагматическая задача; точка зрения; неперсонифицированный источник.

The article is devoted to the problem of the use of discursive polyphony by the authors of the French newspaper discourse. The functions and linguistic means of polyphony are analyzed in the aspect of identifying the pragmatic tasks of the author of a newspaper report. Specific examples demonstrate the linguistic means used to convey authorship to another “voice” as a way of presenting unverified information in French newspaper discourse. The study allows us to draw conclusions about the pragmatic conditionality of the variability of linguistic means of implementing the reception of polyphony by transferring authorship to another “voice” through non-personalized mediation in the French newspaper discourse.

Key words: French newspaper discourse; polyphony; pragmatic task; point of view; non-personalized source.

Газетная статья, если ее рассматривать как «особый род социальной деятельности, основной функцией которого является распространение знаний, идей и иной информации в целях формирования определенных взглядов, представлений и эмоциональных состояний, а через них оказание влияния на поведение людей» [1, с. 80], обладает характеристиками дискурса.

Газетный дискурс является таким типом дискурса, который характеризуется наличием индивидуально-коллективного адресанта и реализацией информационно-воздействующей функции. Адресатом выступает массовая

аудитория. Дистантный характер газетного дискурса обусловлен спецификой канала движения сообщения, а именно технической природой канала. При этом автор газетного сообщения (журналист) и читатель, будучи базовой парой участников коммуникации, не могут обмениваться коммуникативными ролями и разобщены в пространстве и во времени, поэтому их общение носит односторонний характер. Синкретичность современного газетного дискурса обеспечивается проявлением в нем характеристик практически всех типов дискурса, что подчиняется основной цели медийного дискурса: оказание воздействия на массовую аудиторию посредством ее информирования и оценки сообщаемой информации [2; 3; 4].

Из этого следует, что выбор языковых средств и приемов, а также композиция газетной статьи определяются с учетом совокупности дискурсивных составляющих, характеризующих данный тип дискурса. Языковые особенности газетного дискурса обусловлены вариативностью прагматической установки автора сообщения. С точки зрения проблемы субъектности современный французский газетный дискурс представляет несомненный интерес, что обусловлено усилением его нарративного характера и персонализации. Его полифоничность создается автором газетного сообщения посредством цитирования либо комментария эксплицитных (дискурсивные акты) или имплицитных (Точки зрения) «голосов» участников газетного сообщения [5]. Однако определить авторство «голосов» в газетном сообщении в рамках отдельного высказывания довольно сложно, так как они («голоса») могут быть тесно переплетены. При этом действие приема полифонии связано с желанием автора выразить в содержательной структуре газетного дискурса различные способы восприятия определенного сообщения. В данном типе дискурса вопрос о вариативности прагматических факторов, которые обуславливают использование приема полифонии, и о языковых средствах, обеспечивающих его реализацию, остается открытым.

Автор газетной статьи часто употребляет чужое слово для снятия с себя ответственности за достоверность излагаемой информации, используя неперсонифицированный источник ссылки. То есть, разделяя мнение большинства, он включает в состав собирательного образа адресанта и Третьих лиц¹. Адресату (читателю) навязывается при этом роль носителя определенной Точки зрения. Данный собирательный образ создается автором сообщения посредством использования определенных языковых средств. Так, Точка зрения журналиста во французском газетном дискурсе может скрываться за безличной конструкцией *il paraît que* 'кажется что' и за неопределенным местоимением *on* и преподносится читателю как мнение языкового сообщества. Следует отметить, что соотношение субъективного и объективного в Точке зрения «on» может варьировать. Ссылаясь на неперсонифицированный источник, автор газетной статьи может трансформировать чужое слово как на уровне содержания, так и на уровне оценки. И в том, и в другом случае он

---

¹ В качестве Третьих лиц выступает Точка зрения обобщенного субъекта

аккумулирует в семантике собирательного субъекта (дейктик – неопределенное местоимение *on*) устоявшееся мнение большинства людей и собственную Точку зрения по данному вопросу.

Ссылаясь на неперсонифицированный источник на уровне содержания, автор сообщения не высказывает собственного мнения по проблеме, растворяясь в Точке зрения Другого (иное лицо). Трансформируя Точку зрения Другого на уровне оценки, журналист использует языковые средства выражения модальности и оценки.

Когда автор сообщения в газетном дискурсе не отрицает устоявшееся мнение социума по проблеме, его Точка зрения включается в Точку зрения Третьих лиц: *On porte toujours la marque de son passé* ‘Мы всегда несем в себе часть нашего прошлого’¹. Данное высказывание характеризуется наличием двух Точек зрения. Точка зрения журналиста и Точка зрения Третьих лиц ассимилируются в семантике неопределенного местоимения *on*.

Автор газетного сообщения часто употребляет неопределенное местоимение *on* с целью вуалирования собственной Точки зрения в газетном дискурсе, стремясь выразить оценку определенного мнения или события: *On peut dire que la France et les États-Unis voient d’un très mauvais œil les désirs d’expansion du régime politique iranien* ‘Можно сказать, что Франция и США крайне негативно относятся к стремлению политического режима Ирана к экспансии’. В данном дискурсивном фрагменте автор комментирует кризис дипломатических отношений США, Франции и Ирана. Семантика неопределенного местоимения *on* включает Точку зрения Третьих лиц (общественное мнение) по данной проблеме – *on peut dire que*, а также Точку зрения самого журналиста как субъекта оценки [6] – *voient d’un très mauvais œil*. Ассимилируя в одном высказывании несколько Точек зрения, автор сообщения косвенно выражает прагматическое значение отрицательной оценки, одновременно реализуя претензию на объективность собственного мнения.

Автор сообщения может использовать в дискурсе газетной статьи глагольные формы со значением эпистемической, деонтической, алетической модальности [7] для ссылки на неперсонифицированный источник и введение Точки зрения Другого: *Avant un nouveau sommet ce janvier à Berlin sur la question de la guerre en Libye, le président français aurait décidé de prendre les devants* ‘В преддверии проведения саммита в Берлине в январе этого года французский президент решил действовать на опережение’. В данном дискурсивном фрагменте журналист ссылается на Точку зрения Третьих лиц, утверждая, что президент Франции решил высказать свое мнение относительно урегулирования конфликта в Ливии до проведения Международной конференции, состоявшейся в Берлине 19 января 2020 года. При этом Точка зрения неперсонифицированного источника выражается путем употребления глагольной формы условного наклонения со значением эпистемической

---

¹ Материалом исследования послужили статьи французской газеты «Le Monde» (2020–2022 гг.)

модальности. Неперсонифицированный источник выступает в качестве обобщенного субъекта, который делит с автором медийного текста ответственность за содержание излагаемой информации.

Обоснование информации / оценки ссылкой на неперсонифицированный источник в газетном дискурсе выражается также с помощью отрицательной и вопросительной форм высказывания. Отрицательная форма высказывания позволяет автору газетного дискурса передать полярные Точки зрения в одном высказывании и избежать категоричности. При этом одна из Точек зрения принадлежит журналисту, а другая – языковому сообществу (имплицитная) или конкретному лицу (эксплицитная). Отрицательные частицы *ne...pas* идентифицируют автора газетного сообщения как субъекта отрицания: *Malgré la décision du président français le mot de la fin dans la lutte contre la réforme de retraite n'est pas prononcé* 'Несмотря на решение президента Франции, финальное слово в борьбе против пенсионной реформы не сказано'. В данном дискурсивном фрагменте авторство эксплицитной Точки зрения, касающейся правомерности планируемых изменений французской пенсионной системы, принадлежит президенту Франции – *malgré la décision du président français*. Отрицательная форма пассивной конструкции (*n'est pas prononcé*), а также употребление предлога *malgré* указывают на наличие полярных Точек зрения (автора газетного сообщения и французского народа). Речь идет о вотуме недоверия французского народа правительству по поводу неоднозначности законопроекта о пенсионной реформе. При этом имплицитная Точка зрения автора растворяется в Точке зрения французского народа.

В целях объективизации информации журналист может включать в структуру газетной статьи цитаты авторитетных лиц, которые от первого лица дают оценку той или иной проблемы: *Leurs noms s'ajoutent à la liste de ceux qui sont déjà tombés, cameras au poing. "Je ne pense pas que ce soit bon d'imposer de sévères restrictions aux médias. Cette mesure pousse les journalistes à la violence", – a déclaré Jean-Yves Le Drian* 'Их имена добавлены в список тех, кто пал с камерой в руках. «Я не считаю правильными жесткие ограничения, которым подвергаются средства массовой информации. Эти ограничения побуждают журналистов к насилию», заявил Жан-Ив Ле Дриан'. В данном дискурсивном фрагменте автором сообщения является министр иностранных дел и международного сотрудничества Франции Жан-Ив Ле Дриан, который негативно высказывается относительно ограничения свободы передвижения журналистов, а также давления на средства массовой информации и свободу слова в Сирии. При этом противоположная Точка зрения выражается имплицитно путем использования дейктиков отрицательной формы глагола *penser*: *je ne pense pas*. Отрицательная форма высказывания в дискурсе газетной статьи создает имплицитную атмосферу полемики, так как в одном высказывании противопоставляются полярные позиции. 'Я не согласен', 'я против' подразумевает 'они (он) согласны (согласен)', 'они (он) за'.

Следует отметить, что полемическое отрицание в газетном дискурсе не является идентичным дескриптивному отрицанию [8; 9]. Последнее соответствует утвердительному высказыванию: *Ça ne me réjouit pas* = *Ça me chagrine* 'Это меня не радует = Это меня огорчает'. Отрицательная форма в полемическом отрицании позволяет столкнуть противоположные суждения в рамках одного высказывания: *Les gens dans le secteur agricole travaillent bien. C'est pas parce que ce secteur fait des progrès sur la base de démagogie et d'interdits* 'В сельскохозяйственном секторе люди работают хорошо. И причина не в том, что прогресс в данной области осуществляется путем запретов и демагогии'.

Прагматический потенциал металингвистического отрицания во французском газетном дискурсе создается путем отрицания ранее высказанного утверждения и указания автором сообщения, что из-за неверной пресуппозиции данное утверждение выступает неуместным. Металингвистическое отрицание используется для интенсификации оценки и выражается посредством отрицательной конструкции: (*ne...pas*) + противительный союз *mais* 'но' + утвердительная конструкция с заменой отрицаемого признака/действия прилагательным/глаголом с более интенсивным значением [9]. Данная конструкция включает в себя полемическое отрицание (дейктики – *ne...pas*), так как журналист выражает несколько Точек зрения: эксплицитную Точку зрения сформированной ситуацией субъекта полемического отрицания и имплицитную (неперсонифицированную) полярную Точку зрения, разделяемую (или не разделяемую) языковым сообществом.

В следующем фрагменте газетной статьи на тему распространения коронавирусной инфекции в Париже автор, используя прием металингвистического отрицания, опровергает мнение Третьих лиц (общественности) о стабильности ситуации в связи с увеличением числа зараженных вирусом: *Devant la nouvelle phase de la pandémie on dit que la situation est contrôlée...La situation n'est pas contrôlée, mais elle échappe au contrôle, parce qu'il y a beaucoup de victimes* 'В преддверии нового этапа пандемии **говорят**, что ситуация находится под контролем. **Ситуация не просто неконтролируема. Она выходит из-под контроля**, так как появляется много жертв'. Точка зрения, вводимая журналистом с помощью противительного союза *mais* 'но', представляет собой перефразированную Точку зрения Третьих лиц, которая опровергается автором сообщения в начале высказывания с помощью маркеров полемического отрицания *ne...pas*.

В следующем фрагменте статьи о напряженной политической обстановке в Иране автор сообщения не соглашается с мнением Третьих лиц, выражая собственную оценку ситуации в стране посредством использования приема металингвистического отрицания: *On dit que la situation en Iran inspire des craintes vaines. La situation en Iran n'inspire pas des craintes vaines, mais elle est dangereuse* 'Говорят, что ситуация в Иране вызывает напрасные опасения. Ситуация в Иране **не просто вызывает напрасные опасения, она опасная**'.

В общем вопросе (как разновидности полемического отрицания) автор сообщения в газетном дискурсе одновременно передает три Точки зрения:

- имплицитную «Точку зрения +», выражающую положительный ответ;
- имплицитную «Точку зрения –», выражающую отрицательный ответ;
- Точку зрения журналиста, выражающую сомнение относительно ответа на данный вопрос, что предоставляет читателю возможность самостоятельно сделать выбор между «Точкой зрения +» и «Точкой зрения –» [10; 11] Самоидентификация автора сообщения в газетном дискурсе устанавливается посредством употребления оценочных слов и выражений, а также модальных операторов.

Читатель может сформулировать собственное мнение, делая выбор между предлагаемыми суждениями. Структура общего вопроса помогает автору сообщения в газетном дискурсе избежать выражения оценки, давая возможность читателю подключиться к ответу на вопрос: *Est-ce qu'on peut dire que la voix de la France porte moins en Europe?* 'Разве можно сказать, что голос Франции имеет меньшее влияние в Европе?'. В данном высказывании сталкиваются две полярные Точки зрения, что помогает журналисту избежать категоричности в подаче информации. Точка зрения самого журналиста растворяется в Точке зрения Третьих лиц (дейктик – неопределенное местоимение *on*). Самоидентификация автора сообщения реализуется путем использования формы настоящего времени глагола *pouvoir* 'мочь': *on peut dire* 'можно сказать'.

Таким образом, позиция автора сообщения, организующего эксплицитные и имплицитные Точки зрения в дискурсе французской газетной статьи, может определенным образом соотноситься с той или иной Точкой зрения. Захват неперсонифицированной Точки зрения автором сообщения обусловлен его стремлением одновременно к объективизации информации и выражению субъективной оценки. Присутствие Третьих лиц, как правило, маркируется неопределенным местоимением *on*, безличной конструкцией *il paraît que* и временными формами эпистемической модальности. Дейктики полемического и металингвистического отрицания позволяют автору сообщения в газетном дискурсе столкнуть полярные Точки зрения и иначе сформулировать находящуюся в пресуппозиции Точку зрения, выразив при этом субъективную оценку. Передача авторства для создания полемической ситуации посредством отрицания осуществляется через отрицательные частицы *ne...pas*, а также через конструкцию общего вопроса (*est-ce que...?* 'разве...?').

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике / М. М. Бахтин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. – 1991. – № 1. – С. 79–87.
2. Токарева, И. И. Функциональная структура газетного текста: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / И. И. Токарева. – Краснодар, 1998. – 170 л.

3. *Алещанова, И. В.* Цитация в газетном тексте : на материале современной английской и российской прессы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / И. В. Алещанова. – Волгоград, 2006. – 187 л.
4. *Ученова, В. В.* Беседы о журналистике / В. В. Ученова. – М. : Молодая гвардия, 1978. – 208 с.
5. *Perrin, L.* La voix et le point de vue / L. Perrin // Lang. française. – 2009. – Vol. 164. – P. 61–79.
6. *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Яз. рус. культуры, 1998. – 895 с.
7. *Kerbrat-Orecchioni, C.* L'énonciation de la subjectivité dans le langage / C. Kerbrat-Orecchioni. – Paris : A. Colin, 1980. – 290 p.
8. *Ducrot, O.* Description argumentative et description polyphonique : le cas de la négation / O. Ducrot, M. Carel. – Paris : Ed. Perrin, 2006. – P. 215–241.
9. *Nølke, H.* Ne... pas : négation descriptive ou polémique ? Contraintes formelles sur son interprétation / H. Nølke // Langue française. – Paris : Larousse, 1992. – № 94. – P. 48–67.
10. *Noren, C.* La ScaPoLine appliquée sur corpus / C. Noren. – Paris : Kimé, 2010. – 315 p.
11. *Therkelsen, R.* Comment identifier une question polyphonique / R. Therkelsen // Langue française. – Paris : Larousse, 2009. – № 164. – P. 11–28.

Поступила в редакцию 23.09.2022

Манько Наталья Игоревна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры фонетики и грамматики
французского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Natallia Manko

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of French Phonetics and Grammar
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
natalliamanko@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИЧАСТНОГО ОБОРОТА
В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ
(на материале французского языка)

PARTICIPLE PHRASE FUNCTIONING SPECIFICITY
IN A SIMPLE SENTENCE
(Based on the French language)

Статья посвящена выявлению специфики функционирования причастного оборота в простом предложении французского языка. Установлено, что в простом предложении причастный оборот может выполнять функцию определения, обособленного определения, обособленного обстоятельственного определения, а также сказуемого. Во французском языке обособление причастного оборота является показателем установления вторично-предикативного отношения между определением и подлежащим (или прямым дополнением), а также показателем полипропозитивности простого предложения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *причастный оборот; обособление; вторичная предикативность; простое предложение; полипропозитивность.*

The article reveals the specificity of a participle phrase functioning in a French simple sentence. It has been discovered that in a simple sentence a participle phrase can function as an attribute, absolute attribute modifier, absolute adverbial modifier and as a predicate. In the French language, separation of a participle phrase indicates a secondary predicative relation between an attribute and a subject (or a direct object) and the polypropositivity of a simple sentence.

К e y w o r d s: *participle phrase; separation; secondary predicative relation; simple sentence; polypropositivity.*

В романистике причастие трактуют как непредикативную форму глагола, которая обозначает действие как атрибутивный признак носителя [1, с. 395], сочетая в себе категориальные признаки глагола и имени прилагательного [2, р. 341–342]. Во французском языке функционируют три временные формы причастия: причастие настоящего времени (обозначает одновременное действие как атрибутивный признак), причастие прошедшего времени и сложное причастие прошедшего времени (обозначают атрибутивный признак, возникновение которого предшествует моменту речи или другому действию). При употреблении с зависимыми или поясняющими словами все три временные формы причастия образуют причастный оборот:

(1) *Une fondation appartenant à une riche collectionneuse de la ville présentait le travail d'Anna* 'Фонд, принадлежащий богатой коллекционерке города, устроил выставку работ Анны' [3, р. 17];

(2) *Je fuis mes collègues traumatisés par l'article dans le «Boston Globe»* ‘Я бегу от коллег, травмированных статьей в газете «Бостон Глоб»’ [Там же, р. 22];

(3) *Il pénétra dans la bibliothèque ayant contenu de précieux manuscrits* ‘Он вошел в библиотеку, в которой когда-то хранились ценные манускрипты’ [Там же, р. 25].

В высказываниях (1), (2) и (3) причастные обороты расположены в постпозиции к определяемым, представленным подлежащим, прямым дополнением и обстоятельством места соответственно. Постпозиция по отношению к определяемому и согласование с ним причастия прошедшего времени в роде и числе указывают на выполнение причастными оборотами функции определения. Определение – несамостоятельный второстепенный член предложения [4, с. 290] – может быть опущено:

(1a) *Une fondation présentait le travail d'Anna* ‘Фонд устроил выставку работ Анны’;

(2a) *Je fuis mes collègues* ‘Я бегу от коллег’;

(3a) *Il pénétra dans la bibliothèque* ‘Он вошел в библиотеку’.

Исходные высказывания выполняют информативную функцию: в (1) говорящий информирует адресата о том, что выставку работ Анны организовал некий фонд (а не сама Анна и не городские власти); в (2) сообщается о том, что говорящий бежит от собственных коллег; в (3) – о том, что художник вошел в библиотеку. Таким образом, информация об обозначенном определением признаке носителя не является значимой для представления ситуации действительности.

В высказывании (4) причастие прошедшего времени, расположенное в постпозиции к определяемому и согласуемое с ним в роде и числе (*sa femme Clara – arrêtée*), также формирует причастный оборот:

(4) *Sa femme Clara, arrêtée dans la soirée, fut entraînée par deux gardes jusqu'au lieu de son supplice* ‘Его жену Клару, схваченную вечером, двое караульных приволокли на место казни’ [3, р. 26].

Однако в высказывании (4) определение занимает обособленную позицию, что свидетельствует о том, что между подлежащим и его определением формируется вторично-предикативное отношение:

(4a) *Sa femme Clara, qui avait été arrêtée dans la soirée, fut entraînée par deux gardes jusqu'au lieu de son supplice* ‘Его жену Клару, которую схватили вечером, двое караульных приволокли на место казни’.

Пунктуационное оформление, специфическое интонирование обособленного определения и возможность трансформации (4a) указывают на осложнение семантико-синтаксической структуры простого предложения. Обособленная конструкция репрезентирует отдельную ситуацию действительности и может быть преобразована в самостоятельное высказывание:

(4б) *Sa femme Clara avait été arrêtée dans la soirée. Ensuite, elle fut entraînée par deux gardes jusqu'au lieu de son supplice* ‘Его жену Клару схватили вечером. Затем двое караульных приволокли ее на место казни’.

С точки зрения синтаксиса обособленное определение является необязательным элементом структуры простого предложения, такое определение можно опустить: *Sa femme Clara fut entraînée par deux gardes jusqu'au lieu de son supplice* 'Его жену Клару двое караульных приволокли на место казни'. Однако обособленное определение является обязательным элементом семантической структуры простого предложения, в котором сообщается, что задержанную вечером Клару приволокли на место казни. Иными словами, репрезентируя несколько ситуаций действительности, высказывание (4) является полипропозитивным.

Обособленное определение может располагаться не только в постпозиции к определяемому, но и в препозиции к нему:

(5) *Concentré sur son bagage, Jonathan n'entendit pas les pas d'Anna dans son dos* 'Сосредоточившись на сборах чемодана, Джонатан не услышал шагов Анны у себя за спиной' [3, p. 55].

Обособленное определение в препозиции соотносится одновременно с подлежащим и сказуемым предикативного ядра, характеризуя все высказывание в целом [5, с. 5]. На соотношение обособленного определения с подлежащим указывает согласование с ним в роде и числе, а на соотношение со сказуемым – реализация обстоятельственного отношения между совершаемым субъектом-подлежащим действием и атрибутивным признаком:

(5a) *Comme il était concentré sur son bagage, Jonathan n'entendit pas les pas d'Anna dans son dos* 'Поскольку Джонатан был сосредоточен на сборах чемодана, он не услышал шагов Анны у себя за спиной'.

В полипропозитивном высказывании (5) между действием и атрибутивным признаком устанавливаются причинно-следственные отношения: *Джонатан не услышал шагов Анны, потому что он был сосредоточен на сборах чемодана*. Полипропозитивность анализируемого высказывания сомнений не вызывает.

Ситуации, в которых сообщается о совершении некоторого действия, трактуем как процессуальные ситуации (Клару приволокли на место казни; Клару схватили вечером; Джонатан не услышал шагов Анны) и противопоставляем их признаковым ситуациям, в которых сообщается о признаке как качестве или свойстве носителя (Джонатан был сосредоточен на сборах чемодана). Тот факт, что причастный оборот может репрезентировать и процессуальную, и признаковую ситуации обусловлен «двойственной» природой причастия, сочетающего в себе признаки глагола и имени прилагательного.

Между действием субъекта-подлежащего и его атрибутивным признаком могут устанавливаться временные отношения (6), а также отношения по типу образа действия (7):

(6) *Arrivées à la voiture, elle fit signe à Agatha de prendre le volant* 'Подойдя к машине, она жестом предложила Агате сесть за руль' [6, p. 53];

(7) *Assis sur la banquette en moleskine rouge, Jonathan avait du mal à se libérer de la tension qui l'avait envahi* 'Сидя на банкетке, обтянутой красным молескином, Джонатан никак не мог избавиться от охватившего его напряжения' [3, p. 41].

Определение, сходное с обстоятельством по функции, а отчасти и по характеру синтаксической связи, лингвисты трактуют как обстоятельственное определение [4, с. 290]. Во французском языке определение в препозиции всегда обособляется [5, с. 8], как и определение, соотносимое с личным местоимением (6) или именем собственным (4), (5), (7) независимо от его позиции.

Обстоятельственное определение может располагаться в препозиции к определяемому, а также в постпозиции к сказуемому предикативного ядра:

(8) *Dorothy regarda fixement Clara, hésitant à répondre* 'Дороти, не торопясь с ответом, в упор посмотрела на Клару' [3, p. 216].

Постпозиция обособленного определения к сказуемому позволяет усилить связь признака с действием: во французском языке в постпозиции к сказуемому традиционно располагается наречие (*Dorothy regarda fixement Clara* 'Дороти посмотрела на Клару в упор'). В высказывании (8) обособление обстоятельственного определения обусловлено также необходимостью указать на тот факт, что причастный оборот, оформленный причастием настоящего времени с зависимыми словами, соотносится с субъектом, выраженным подлежащим (*Dorothy*), а не прямым дополнением (*Clara*), в непосредственной постпозиции к которому он и расположен:

(8a) *Dorothy regarda fixement Clara hésitant à répondre = Dorothy regarda fixement Clara qui hésitait à répondre* 'Дороти в упор посмотрела на Клару, которая не торопилась с ответом'.

В трансформации (8a) причастный оборот занимает необособленную позицию и, располагаясь в постпозиции к прямому дополнению, указывает на признак Клары (*не торопясь с ответом*) в момент, когда Дороти совершает действие, что противоречит смыслу исходного высказывания.

Наконец, причастный оборот может выполнять функцию сказуемого:

(9) *Aussitôt le repas achevé, Graziella alla chercher dans l'entrée le paquet qu'elle avait apporté sous son étole* 'После обеда Грациэлла принесла из прихожей сверток, который она взяла с собой' [3, p. 146].

В высказывании (9) используется абсолютный причастный оборот – конструкция, имеющая собственное подлежащее (*le repas*), отличное от подлежащего основного предикативного ядра (*Graziella*), и сказуемое, выраженное причастием прошедшего времени (*achevé*). Между абсолютным причастным оборотом и предикативным ядром простого предложения устанавливаются временные отношения (на что указывает наречие *aussitôt* 'как только'):

(9a) *Aussitôt que le repas fut achevé, Graziella alla chercher dans l'entrée le paquet qu'elle avait apporté sous son étole* 'Как только ужин закончился, Грациэлла принесла сверток, который она взяла с собой'.

Проведенный анализ высказываний с абсолютным причастным оборотом позволяет сделать вывод о том, что абсолютный причастный оборот используется прежде всего для выражения предшествования. При этом указание на предшествование может быть выражено эксплицитно (наречия *aussitôt, une fois, à peine* и др.) или иметь имплицитный характер:

(10) *Les emplettes terminées, Raoul rangea les sacs de vêtements dans le coffre* 'После шопинга Рауль сложил пакеты с одеждой в багажник' [6, p. 172].

В высказывании (10) отсутствуют формальные показатели типа семантических отношений между абсолютным причастным оборотом и предикативным ядром. Тем не менее очевидной представляется следующая трактовка исходного высказывания:

(10a) *Dès que les emplettes furent terminées, Raoul rangea les sacs de vêtements dans le coffre* 'Как только шопинг завершился, Рауль сложил пакеты с одеждой в багажник'.

Также абсолютный причастный оборот может выражать и другие обстоятельственные значения, в частности причинно-следственные:

(11) *Radskin ayant peint une grande quantité de son œuvre en Angleterre, c'est à Londres que ses tableaux doivent être mis aux enchères* 'Поскольку Рацкин написал большую часть своих работ в Англии, то торги следует назначить в Лондоне' [3, p. 93];

(12) *La potion de César avalée et la fraîcheur de la salle aidant, le visage de Milly retrouva bientôt sa teinte rosée* 'Благодаря снадобью Цезаря и прохладе в зале вскоре лицо Милли вновь порозовело' [6, p. 323].

В высказывании (11) используется сложное причастие прошедшего времени, обозначающее атрибутивный признак как предшествующее действие, которое может стать основанием для совершения действия, выраженного предикативным ядром предложения: *Поскольку Рацкин написал большую часть своих работ в Англии, то торги следует назначить в Лондоне*.

В высказывании (12) используются два однородных абсолютных причастных оборота, которые формируют причастие прошедшего времени (*la potion de César avalée*) и причастие настоящего времени (*la fraîcheur de la salle aidant*). При этом причастие прошедшего времени указывает на признак как на уже совершенное действие (*проглотив снадобье Цезаря*), а причастие настоящего времени – на признак как на одновременное действие (*благодаря царившей в зале прохладе*). Таким образом, высказывание (12) обозначает три ситуации действительности: Милли выпила снадобье Цезаря; в зале было прохладно; лицо Милли вновь порозовело.

Проведенный семантико-синтаксический анализ причастных оборотов, функционирующих в простых предложениях французского языка, позволяет сделать вывод об их особом семантическом потенциале. Обособленные причастные обороты, оформленные обособленными определениями, обособленными обстоятельственными определениями или сказуемыми, осложняют семантико-синтаксическую структуру простого предложения и репрезенти-

руют отдельную ситуацию действительности (процессуальную или признаковую). Простое предложение при этом становится полипропозитивным. Использование в простом предложении необособленного причастного оборота осложняет синтаксическую структуру простого предложения, но его семантическая структура остается простой: признак, выраженный необособленным определением, не является значимым для представления ситуации действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка : учебник / В. Г. Гак. – М. : Добросвет, 2020. – 832 с.
2. Riegel, M. Grammaire méthodique du français / M. Riegel, J.-Ch. Pellat. – Paris : Presses universitaires de France, Quadrige, 1994. – 646 p.
3. Levy, M. La prochaine fois / M. Levy. – Paris : Robert Laffont, 2004. – 259 p.
4. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 569 с.
5. Скепская, Г. И. К проблеме обособленных членов в современном французском языке (обособленные конструкции, выраженные прилагательным или его функциональным вариантом) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 664 / Г. И. Скепская ; 1-й Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1968. – 16 с.
6. Levy, M. Une autre idée du bonheur / M. Levy. – Paris : Robert Laffont, 2014. – 349 p.

Поступила в редакцию 31.08.2022

Овсейчик Юлия Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Yuliya Auseichyk
PhD in Philology, Associate Professor,
Post-PhD Researcher of the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
ovsei77@rambler.ru

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ФРАНЦУЗСКИХ ЛЕКСЕМ
PUIS 'ПОТОМ'/*ENSUITE* 'ЗАТЕМ'

POLYFUNCTIONALITY OF FRENCH LEXEMES
PUIS 'THEN'/*ENSUITE* 'THEN'

Статья посвящена дифференциации дистрибутивных и функциональных свойств семантически близких темпоральных французских лексем *puis/ensuite* 'потом/затем' в ходе развития французского языка (XVII–н/в). Представлена «шкала переходности» двух полифункциональных единиц. Делается вывод о сокращении доли наречного способа употребления единиц *puis/ensuite* и об увеличении доли их использования как периферийных единиц сочинения в современном французском языке.

К л ю ч е в ы е с л о в а: полифункциональность; переходность; темпоральное наречие; связующее наречие; единица сочинения; диахрония.

The article is devoted to the differentiation of distributive and functional properties of semantically close temporal French lexemes *puis/ensuite* 'then/then' during the development of the French language (17th century to the present). A «scale of transition» of two polyfunctional items is presented. The conclusion is made about the reduction in the share of the adverbial way of using *puis/ensuite* and the increase in the share of their use as peripheral coordination units in contemporary French.

Key words: polyfunctionality; transitivity; temporal adverb; linking adverb; coordination unit; diachrony.

Идея о том, что для удовлетворения коммуникативных потребностей и экономии «усилий» говорящих существуют полифункциональные и транс-категориальные слова, высказывалась неоднократно ранее¹. Лингвисты сходятся во мнении, что полифункциональность и транскатегориальность являются языковой универсалией. Это «средство оптимизации лингвистических систем» [1, p. 18] позволяет минимуму форм иметь максимум функций и «to maximise meaning and minimise effort» [2, p. 38]. Традиционно полифункциональность рассматривается в соотношении с явлениями омонимии, многозначности (полисемии), переходности и гибридности.

---

¹ См. «принцип наименьшего усилия» Г. К. Ципфа (1949) или понятие «экономия» А. Мартине (1960).

В ходе языковой эволюции наличествуют переходные явления, которые согласно «шкале переходности» включают следующие элементы: А > Аб > АБ > аБ > Б (см. [3]). В фокусе нашего внимания находится переход по схеме: *темпоральное наречие* > *связующее наречие* > *единица сочинения*. Предполагаем, что в широкой диахронической перспективе некоторые единицы изначально обладают полифункциональностью, и доли их употреблений в функциях темпорального наречия, связующего наречия, единицы сочинения соотносятся по-разному на каждом синхронном срезе.

Объектом нашего исследования являются полифункциональные единицы *puis/ensuite* ‘потом/затем’, которые указывают на расположение временного интервала относительно точки отсчета. Семантическая близость единиц заключается в их основном значении следования во времени, а точкой отсчета выступает время какой-то другой описываемой ситуации, т.е. ‘Р₂ следует во времени за Р₁’.

В лексикографических источниках единицы *puis/ensuite* толкуются схожим образом. Ср.: *ensuite*, adv. «fait la liaison entre le passé et le futur d’un événement particulier, qu’il concerne le temps ou l’espace» ‘связывает события в прошлом и в будущем во времени или в пространстве’; *puis*, adv. «introduit un élément qui vient s’ajouter à un élément précédent, dans le temps ou l’espace» ‘вводит элемент, который добавляется к предыдущему элементу во времени или пространстве’¹ [4].

В академических грамматиках их классифицируют как связующие наречия. Отмечается, что единица *puis* оформляет сочинительную связь, как, например: *Les pas se rapprochent, puis s’éloignent* ‘Шаги приближаются, потом удаляются’ [5, §1005, p. 1261]. В ряде контекстов лексемы взаимозаменяемы: *Tu vas dîner avec moi; ensuite [=puis] j’irai te conduire chez toi* ‘Ты пообедаешь со мной; потом я отвезу тебя домой’. Другими словами, единицы *puis/ensuite* используются в роли сочинительного союза *et* ‘и’ для обозначения последовательности действий, темпоральной конъюнкции «и потом». Мы причисляем лексемы *puis/ensuite* к периферийным единицам сочинения [6].

Работа выполнена на основе данных Национального корпуса французского языка Frantext [7], который включает 5 555 разножанровых текстов XI–XXI вв. общим объемом более 264 млн словоупотреблений.

Цель исследования заключается в выявлении закономерности функционирования единиц *puis/ensuite* в диахронии.

В статье представлены результаты сопоставления количественных и качественных характеристик единиц *puis/ensuite* в ходе развития французского языка.

---

¹ Здесь и далее перевод наш. – Ю. О.

Анализ частотности позволил установить траекторию употребительности единиц *puis/ensuite* на один миллион словоупотреблений в диахронии от момента их первой письменной фиксации¹ до настоящего времени (рис. 1).

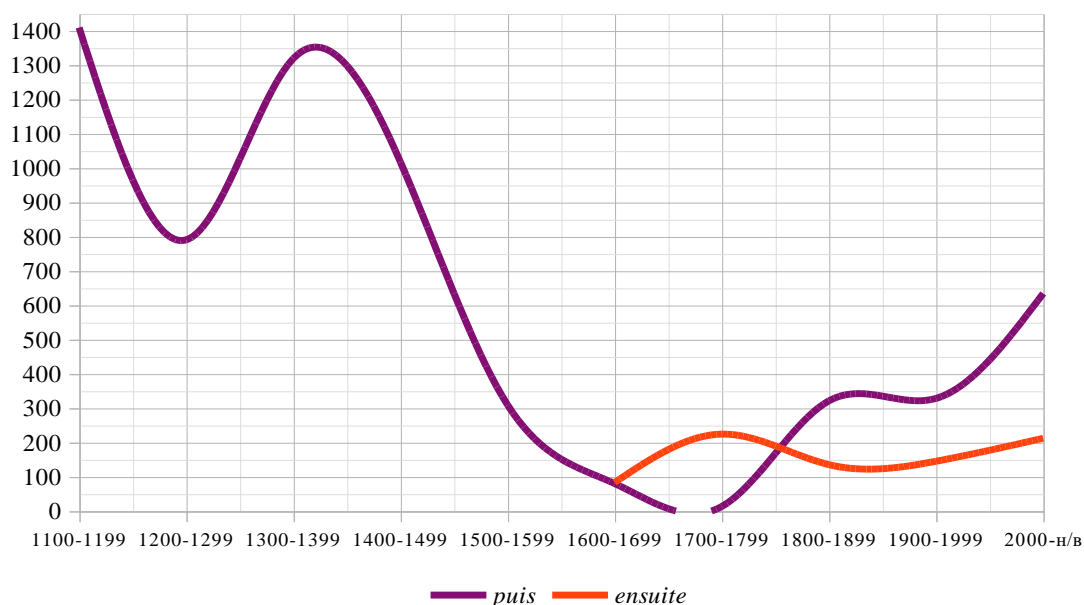

Рис.1. Относительная частотность единиц *puis/ensuite* в диахронии

Частотность лексемы *ensuite* значительно уступает частотности лексемы *puis*, для которой характерны несколько скачков употребительности на временной оси. Причем резкое уменьшение употребительности лексемы *puis* в XVI–XVII вв. по времени совпадает с появлением и ростом употребительности лексемы *ensuite*. Последнее столетие обе единицы демонстрируют рост употребительности с разной интенсивностью, что отражается в формах кривых на рис. 1: *puis* – резкий подъем, *ensuite* – плавный подъем. Полагаем, что значительная разница в употребительности двух единиц и темпах изменения их частотности следует из изменений их дистрибутивных и функциональных свойств.

Для дифференциации дистрибутивных и функциональных свойств семантически близких темпоральных французских лексем *puis/ensuite* рассмотрим сначала контексты, в которых маркируются временные интервалы по типу *d'abord* ‘сначала’ X + *puis/ensuite* ‘потом/затем’ Y + (*enfin* ‘наконец’) Z.

Контексты с конструкциями указанного типа фиксируются в корпусе, начиная с XVII в. Количественное распределение контекстов представлено в табл. 1.

¹ Первая письменная фиксация *puis* относится к 1050 г. в значении *par la suite, plus tard* ‘после, позже’. Первая письменная фиксация лексемы *ensuite*, представляющей результат слияния существительного *suite* и префикса *en*, относится к 1532 г. [8].

Употребительность конструкции *d'abord X puis/ensuite Y* в диахронии

Конструкции	Всего		Из них по периодам				
	ед.	% от общего количества вхождений	1600–1699	1700–1799	1800–1899	1900–1999	2000–н/в
<i>d'abord P₁ ensuite P₂</i>	3 490	7,91 %	–	551	1 071	1 699	169
<i>d'abord P₁ puis P₂</i>	7 106	7,11 %	40	120	4 776	1 815	355

Количество выявленных контекстов с единицей *puis* и с единицей *ensuite* коррелирует в относительных показателях. Ср.: 7,91 % и 7,11 % от общего количества вхождений единиц соответственно. Обобщенно различается три типа ситуаций: упорядочивание темпоральное, упорядочивание пространственное и упорядочивание логическое.

В большинстве контекстов единицы *puis/ensuite* используются в сложных предложениях для упорядочивания внеязыковых ситуаций согласно их развертыванию на временной оси и указывают на временной интервал между действиями, событиями, состояниями (примеры 1, 2). После единиц *puis/ensuite* допустимо опущение общего элемента (местоимения и личной глагольной формы). Сокращенные структуры характерны больше для лексемы *puis* (пример 3), которая сохраняет препозицию ко второму компоненту в отличие от синтаксически мобильной лексемы *ensuite* (примеры 4, 5).

(1) *...songeant encore une fois à Lermontov: comme tous les poètes, d'abord ils le tuent, ensuite ils le vénèrent* '...возвращаясь еще раз в мыслях к Лермонтову: как и всех поэтов, сначала они его убивают, потом они его почитают' (J. Littell. *Les Bienveillantes*, 2006)¹.

(2) *D'abord je me suis moquée de moi <...> puis je me suis sentie mal à l'aise* 'Сначала я смеялась над собой <...>, потом мне стало не по себе' (S. de Beauvoir. *Lettres à Nelson Algren*, 1947).

(3) *Il se mit à rire d'abord discrètement, puis à pleine gorge* 'Он засмеялся, сначала тихо, потом во весь голос' (M. Aymé. *Nouvelles complètes*, 2002).

(4) *J'ai d'abord travaillé sur des bouts de papier tout petits, ensuite sur des grandes feuilles de bloc* 'Сначала я работал на очень маленьких листах бумаги, затем на больших блочных листах' (G. Peres. *Entretiens et conférences*, 2003).

(5) *Elle aménagea les pièces une à une <...> la cuisine d'abord, la salle de bains ensuite* 'Она меблировала комнаты одну за другой <...> сначала кухню, потом ванную' (O. d'Oultremont. *Les déraisons*, 2018).

¹ Здесь и далее используются примеры из Frantext [7].

Контексты с пространственным значением единиц *puis/ensuite* встречаются редко. В нашей выборке единицы указывают на перемещение в некотором пространстве:

(6) *Vous buvez ce cocktail. Vous avez d'abord sur la langue, puis dans le gosier, puis dans l'oesophage, puis dans l'estomac et tout de suite dans la tête, une tornade* 'Вы пьете этот коктейль. У вас сначала на языке, далее в горле, далее в пищеводе, потом в желудке и тут же в голове происходит настоящее торнадо' (J.-L. Vory. *Un prix d'excellence*, 1979);

(7) *Ah! <...> Une lettre d'amour, lorsque l'on a quinze ans! Quelle charmante place elle occupe longtemps! D'abord auprès du coeur, ensuite à la ceinture* 'Ах! <...> Любовное письмо, когда тебе пятнадцать! Какое очаровательное место оно надолго занимает! Сначала у сердца, затем за поясом' (A. de Musset. *À quoi rêvent les jeunes filles*, 1832).

В единичных контекстах лексемы *puis/ensuite* обозначают присоединение дополнительной информации и имеют значения *en outre* 'кроме того', *de plus* 'в добавление к сказанному'. Для иллюстрации приведем пример, в котором обе единицы связывают причинные придаточные, содержащие дополнительные пояснения:

(8) *Elle n'aurait pas dit un mot de tout cela à Dora, d'abord parce qu'elle ne le formulait qu'obscurément pour elle-même, ensuite parce que les larmes l'étouffaient, et puis parce qu'elle voulait être seule* 'Она бы ни слова обо всем этом не сказала Доре, сперва потому, что только смутно сформулировала это для себя, затем потому, что ее душили слезы, а потом потому, что ей хотелось побыть одной' (A.-M. Garat. *Dans la main du diable*, 2006).

В ряде контекстов исследуемые единицы утрачивают темпоральное значение и приобретают значение логического следования, например:

(9) *On ne lui gardait sa fille que par bonté gratuite au lieu de la mettre à l'orphelinat, c'étaient tous de braves personnes, bien brutes et bêtes. Ils ne savaient ni lire ni écrire, seulement compter chèvres, cochons et canards. Ensuite, à dix ans, elle en était toujours à sa niaiserie d'illettrée* 'Ему оставили дочь из безвозмездной доброты вместо того, чтобы отдать ее в приют, все они были хорошие люди, очень простые и необразованные. Они не умели ни читать, ни писать, только считать коз, свиней и уток. Соответственно, в свои десять лет она все еще была неграмотна' (A.-M. Garat. *Les mal famées*, 2000).

Особо отметим, что в корпусе фиксируются сочетания *(et) puis après* '(и) потом после', *(et) puis ensuite* 'и затем после', в которых в постпозиции к единице *puis* используются лексемы с темпоральным значением *après* и *ensuite*, ее конкретизирующие. Ср.: 894 и 249 соответственно. Такого рода сочетаний с единицей *ensuite*, т.е. *(et) ensuite puis* или *(et) ensuite après*, в корпусе не зафиксировано. Ср.:

(10) *Je vais te confier un secret, et puis après on revient à nos histoires* 'Я доверю тебе секрет, а потом вернемся к нашим разговорам' (J.-Cl. Izzo. *Chourmo*, 1996);

(11) *C'était la fatigue que je sentais. C'était d'abord la pré-fatigue, une impression désagréable de quelque chose qui va fondre sur vous, puis ensuite la fatigue* 'Я чувствовал усталость. Сначала была предусталость, неприятное ощущение чего-то, что на тебя наваливается, потом усталость' (J.-P. Sartre. *Entretiens avec Jean-Paul Sartre*, 1981).

Плеонастичные сочетания такого рода, на наш взгляд, свидетельствуют о частичной утрате темпоральной семы единицы *puis*.

Для выявления дистрибутивных свойств единиц *puis/ensuite* сопоставлены контексты, в которых они используются i) во фронтальной дистрибуции, т.е. следуют сразу после пунктуационной маркированности (P_1 ponct CO P_2 , где CO – исследуемые единицы в роли связующей единицы), ii) как конкретизаторы союза *et* 'и', iii) как наречия в постпозиции к глаголу ($V + puis/ensuite$), iv) иное, в частности в постпозиции к другим знаменательным частям речи¹. Количественное соотношение выявленных контекстов в динамике представлено в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Дистрибутивные свойства единиц *puis/ensuite* в диахронии

Конструкции	Всего		Периоды									
	ед.	%	1100– 1199	1200– 1299	1300– 1399	1400– 1499	1500– 1599	1600– 1699	1700– 1799	1800– 1899	1900– 1999	2000– н/в
$V + puis$	665	0,7	207	122	168	115	35	18	–	–	–	–
<i>et puis</i>	39 801	39,8	79	205	1 505	1 200	1 306	2 403	1 623	7 474	19 507	4 499
$P_1 puis P_2$	57 144	57,1	765	556	581	438	1536	1 374	145	9 860	28 601	389
иное	2 390	2,4										
$V + ensuite$	15 320	34,78	–	–	–	–	–	859	3 344	3 562	6 150	1 405
<i>et ensuite</i>	3 028	6,87	–	–	–	–	–	257	550	785	1 098	338
$P_1 ensuite$ P_2	14 142	32,11	–	–	–	–	–	375	2 237	2 953	6 566	2 011
иное	11 556	26,24										

Примечание: % указывается от общего количества вхождений единицы во всем корпусе.

Из полученных количественных данных следует, что анализируемые единицы изначально обладают полифункциональной природой, т.е. употребляются в роли темпорального наречия, связующего наречия, конкретизатора сочинительного союза с разной интенсивностью в разные периоды развития языка.

¹ Дискурсивный способ употребления единиц здесь не рассматривается.

Поствербальное использование лексемы *puis* в темпоральном значении исчезает к концу XVI в. в отличие от единицы *ensuite*, для которой такой способ употребления сохраняется как основной до конца XIX в. В этой связи показателен следующий пример из современного французского языка, в котором функционируют две единицы: *puis* выступает в роли связующей единицы, *ensuite* – темпорального наречия:

(12) ...*les pages de bavures jusqu'à ce qu'on reconnût dans ces scribouillements incertains malhabiles et tordus <...> les signes compréhensibles et triomphants de la connaissance. Puis elle leur enseignait ensuite à l'assemblage de ces étonnantes marques magiques qui pouvaient donc former des mots* '...страницы клякс, пока эти неуверенные, корявые и скрученные каракули не превратятся <...> в понятные и торжествующие знаки знания. И она учила их потом, как собирать эти удивительные волшебные знаки, которые, таким образом, могли образовывать слова' (P. Pelot. *C'est ainsi que les hommes vivent*, 2003).

Для различения темпоральной конъюнкции «и затем» и «и одновременно», обозначаемой высокочастотным союзом *et* 'и', единица *puis* в конкретизирующей функции используется значительно чаще по сравнению с единицей *ensuite*. Ср.: 39,8 % vs. 6,87 % соответственно. Считаем, что количественное различие в частотности сочетаний *et puis* 'и потом' и *et ensuite* 'и затем' предопределяет развитие конъюнктивного потенциала исследуемых единиц в ходе развития французского языка.

Для выявления соотношения конъюнктивного и неконъюнктивного употреблений единиц *puis/ensuite* сопоставлены контексты, в которых исследуемые единицы используются i) для оформления копулятивной связи (конструкции X_1 *puis/ensuite* X_2), ii) для оформления коннективной связи (P_1 *puis/ensuite* P_2), iii) для характеристики знаменательных частей речи (глагол, прилагательное, наречие).

Процедура отбора контекстов следующая: методом сплошной выборки мы отобрали из Frantext по 900 контекстов для каждой единицы. Все контексты взяты из франкоязычной литературы трех подкорпусов – классического языка (1600–1799 гг.), современного (*фр. moderne*) языка (1800–1879 гг.) и современного (*фр. contemporain*) (1980–н/в) – по 300 контекстов из каждого подкорпуса соответственно¹. Для обеспечения репрезентативности мы использовали функцию смешивания, чтобы избежать следования контекстов из произведений одного автора. Результаты количественного анализа представлены в табл. 3.

---

¹ О репрезентативности выбранного сегмента для частотных единиц см. [9; 10].

Соотношение конъюнктивного и неконъюнктивного употреблений единиц *puis/ensuite* на 300 контекстов по подкорпусам

Единицы	<i>puis</i>						<i>ensuite</i>					
	$X_1 \text{ puis } X_2$		$P_1 \text{ puis } P_2$		<i>puis</i> _{adv}		$X_1 \text{ ensuite } X_2$		$P_1 \text{ ensuite } P_2$		<i>ensuite</i> _{adv}	
подкорпуса	количественный показатель						количественный показатель					
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
1600–1799	80	26,67	195	65,0	25	8,33	16	5,33	123	41,0	161	53,67
1800–1979	95	31,67	181	60,33	24	8,0	39	13,0	197	65,67	64	21,33
1980–н/в	139	46,33	143	47,67	18	6,0	36	12,0	215	71,67	49	16,33

Доля употреблений лексемы *puis* для характеристики знаменательных частей речи незначительна. Ср.: 8,33 %, 8,0 %, 6 %. При этом дополнительно вводятся разнообразные лексические и синтаксические темпоральные показатели, которые обозначают временной интервал, разделяющий два события, действия, состояния. Например: *puis au bout d'un quart d'heure* 'потом через четверть часа', *puis vers 5 heures* 'потом ближе к 5 часам', *puis d'un coup* 'потом сразу' и т.п. Для лексемы *ensuite* наречный способ употребления изначально является основным, что подтверждает ранее полученные данные (см. табл. 2). Последнее столетие доля употреблений лексемы *ensuite* в постпозиции к знаменательным частям речи сокращается значительно. Ср.: 52,67 % vs. 16,33 %.

Анализ доли конъюнктивного употребления единиц *puis/ensuite* выявил, что они проявляют свои конъюнктивные свойства отличным образом: в современном языке лексема *puis* обнаруживает свои копулятивные и коннективные свойства в равной степени в отличие от лексемы *ensuite*, которая преимущественно используется для коннективной связи. Ср.: 46,33 % и 47,67 % vs. 12,0 % и 71,67 % соответственно.

Далее мы продемонстрируем сходства и различия копулятивных и коннективных свойств периферийных единиц сочинения *puis/ensuite*.

Большой копулятивный потенциал единицы *puis* объясняется обозначенной выше тенденцией к сокращению общего элемента в синтаксических построениях с лексемой *puis*, что приводит к появлению сочиненных рядов, в которых соединенными оказываются разнообразные внеязыковые сущности. Ср.:

(13) *Il passe en Albion, puis en France, en Espagne* 'Он отправляется на Альбион, потом во Францию, в Испанию' (A. N. de La Motte. Fables, 1719);

(14) *Elle a poussé un profond soupir, puis un autre* 'Она глубоко вздохнула, потом еще раз' (G. Bernanos. Nouvelle histoire de Mouchette, 1937);

(15) *D'où il suit qu'ils s'enlèvent tout moyen <...> de ne pas tomber dans le panthéisme, puis dans l'athéisme* 'Из чего следует, что они избегают <...> впадать то в пантеизм, то в атеизм' (A. Vacant, E. Mangenot. Dictionnaire de théologie catholique, 1920).

Лексема *puis* проявляет схожие с союзом *et* свойства i) при соединении однородных сказуемых и ii) при образовании сочиненных рядов.

В трети контекстов нашей выборки в каждом из подкорпусов лексема *puis* используется при опущении подлежащего во второй части¹. При этом следует различать использование единицы для установления связи между двумя глагольными компонентами (пример 16) и несколькими (пример 17). При соединении более двух глагольных компонентов единица указывает на то, что предшествует последнему действию, состоянию или событию на временной оси. Ср.:

(16) *Une voiture ralentit puis [=et] freine devant elle* 'Автомобиль замедляется и тормозит перед ним' (F. Anouk. Dans la rue de l'école, 2020);

(17) *Moïra se balançait encore quelques minutes, puis se leva et fit le tour de la chambre* 'Мойра еще несколько минут качалась, потом встала и прошла по комнате' (J. Green. Moïra, 1950).

Особо отметим структурное разнообразие сочиненных рядов с лексемой *puis*, которая оформляет как бисиндетон *puis X₁ puis X₂* (пример 18), так и полисиндетон *puis X₁ puis X₂ puis X_n* (пример 19), особенно при перечислении одушевленных существностей. Максимальное количество сочиненных компонентов в нашей выборке достигает пятнадцати.

(18) *Ils avaient commencé par partager un café à la pause de dix heures, puis le plateau-repas à la cantine, puis le déjeuner à l'extérieur* 'Они начали с того, что вместе взяли кофе в десятичасовой перерыв, потом комплексный обед в столовой, потом обед на улице' (P. Théobald. Boys, 2019);

(19) *Alors il mimait le chêne, puis les loups, puis les tigres, puis les renards, puis les ours, puis tous les animaux du monde* 'Тогда он изобразил дуб, потом волков, потом тигров, потом лис, потом медведей, потом всех зверей на свете' (S. Chalandon. Une promesse, 2006).

При оформлении коннективной связи (*P₁ puis P₂*) между соединенными компонентами устанавливается отношение темпоральное (пример 20), каузальное (пример 21) или присоединительное (пример 22). Отметим, что в трети выборки подлежащие кореферентны.

(20) *On me servit une copieuse fricassée de pieds de mouton que je mangeai presque tout entière. Je bus à proportion. Puis je me couchai* 'Мне подали

---

¹ Считается, что в современном французском языке сочинительные союзы *et*, *ou*, *ni*, *mais* противопоставлены союзам *car*, *or* и *donc* на основании их свойства соединять однородные члены предложения и части сложносочиненного предложения, вторая из которых не содержит формально выраженного субъекта действия. Ср.: *il lit et écrit*, но *il dort, car il est malade* (см. [11]).

сытное фрикасе из овечьих ножек, которое я съел почти целиком. Я запил достаточно. Потом я лег спать’ (A.-R. Lesage. Histoire de Gil Blas de Santillane, 1732);

(21) *L’Ahmed a actionné la minuterie. Les quelques néons <...> ont clignoté, puis une faible lumière blanche a éclairé un étroit et long couloir* ‘Ахмед нажал на выключатель. Несколько неоновых лампочек <...> мигнули, и тусклый белый свет залил длинный и узкий коридор’ (M. Jung. Le Triomphe de Thomas Zins, 2018);

(22) *Elle aimait ça, la Grande Dora, fumer sa pipe les pieds dans l’eau. Ça la liait mieux aux choses qu’elle disait. Puis ça devait lui permettre de soulager ses chevilles du poids d’un corps épaissi* ‘Ей, Большой Доре, нравилось курить трубку, опустив ноги в воду. Это лучше связывало ее с тем, что она говорила. Тем более это позволяло ей снять с лодыжек вес грузного тела’ (C. Laurens. Là où la caravane passe, 2021).

Повтор единицы *puis* сигнализирует о чередовании некоторых действий или состояний в обозначенной последовательности. Ср.:

(23) *Un jour tu te sépares, un jour tu es amoureuse d’un autre monsieur, puis tu te re-sépares puis tu es encore amoureuse* ‘То ты расстаешься, то ты влюбляешься в другого мужчину, потом ты снова расстаешься, потом ты все опять влюбляешься’ (E. Fourniret. Comme une grande, 2017).

Перейдем к рассмотрению функционирования лексемы *ensuite* как периферийной единицы сочинения

Анализ контекстов из корпуса показал, что единица *ensuite* не обнаруживает схожих с союзом *et* свойств: она не соединяет однородные сказуемые и не образует би- и полисендентон при перечислении. В отличие от единицы *puis* при оформлении копулятивной связи лексема *ensuite* (X_1 *ensuite* X_2) используется редко, преимущественно как конкретизатор сочинительного союза *et* (пример 24, 25) либо в конструкции с темпоральными лексемами (*d’abord*, *puis* и т.п.) (пример 26, 27) для упорядочивания разнообразных сущностей во времени и пространстве.

(24) *Le soir, salut aux couleurs place Bellecour à 19 h 30 et ensuite feu de camp au théâtre antique de Fourvière* ‘Вечером красочный салют на площади Белькур в 19.30, а затем костер в старинном театре Фурвьер’ (D. Domenach-Lallich. Demain il fera beau: journal d’une adolescente, 2001);

(25) *Papa est en effet allé rue de Greffulhe, et ensuite avenue Foch* ‘Папа действительно пошел на улицу де Греффуль, а затем на авеню Фош’ (H. Berg. Journal 1942–1944, 2008);

(26) *Il s’est adressé alors à chacun: d’abord à moi, ensuite à ma grand’mère* ‘Он обратился тогда к каждому: сначала ко мне, затем к моей бабушке’ (l’Abbé Prévost. Nouvelles lettres angloises ou Histoire du chevalier Grandisson, 1755);

(27) *L’après-midi, après avoir téléphoné à Wormser, je vais chez Leclerc... puis à la Banque.... Ensuite chez Denavit, puis aux Finances* ‘Во второй половине дня, позвонив Вормсеру, я еду к Леклерку... потом в Банк.... Затем к Денавиту, потом в финансовый комитет’ (Ch. Lazard. Journal: 1928, 2012).

Контексты, в которых единица *ensuite* оформляет коннективную связь (P_1 *ensuite* P_2), представляют разнообразные ситуации, где наблюдается переплетение хронологических и логических связей. При этом в трети случаев от выборки содержание пропозиций соотносится с одним и тем же субъектом действия, которым преимущественно является первое лицо. Ср.:

(28) *Mon mari achète des hot-dogs un dollar pièce, deux pour lui et un pour moi, avec de la choucroute et de la moutarde sucrée. Ensuite on mange les GrannySmith que j'ai apportées dans le panier tordu de ma bicyclette* 'Мой муж покупает хот-доги по доллару, два ему и один мне, с квашеной капустой и сладкой горчицей. Затем мы едим зеленые яблоки, которые я привезла в корзине своего велосипеда' (С. Cusset. New York, journal d'un cycle, 2009);

(29) *J'ai craché dans le lavabo, me suis rincé la bouche plusieurs fois. Ensuite j'ai pris la tête dans les mains, à reprendre le contrôle de ma respiration* 'Я сплюнул в раковину, несколько раз прополоскал рот. Затем я обхватил голову руками, чтобы восстановить дыхание' (А. Guyard. La Zonzon, 2011).

Единичные контексты с повтором единицы (*ensuite* P_1 *ensuite* P_2) в инициальной позиции независимых предложений, репрезентирующих последовательность быстро происходящих действий, фиксируются до середины XX в.

(30) *Voici ces deux planches: on y mettra tes jambes, on les serrera avec une corde. Ensuite on mettra entre tes jambes les coins que tu vois ici, et on les enfoncera à coups de marteau. D'abord, tes pieds enfleront. Ensuite le sang jaillira de tes orteils, et les ongles des autres doigts tomberont tous. Ensuite la plante de tes pieds crèvera, et l'on en verra sortir une graisse mêlée de chairs écrasées* 'Вот эти две дощечки: на них положим ноги, обвяжем их веревкой. Затем мы вставим клинья, которые вы видите здесь, между вашими ногами и забьем их. Сначала у вас отекут ноги. Затем кровь брызнет из ваших пальцев на ногах, а ногти на остальных пальцах отвалятся полностью. Затем лопнут подошвы ног твоих, и увидишь, как из них вытекает жир, смешанный с раздавленным мясом' (J. Potocki. Manuscrit trouvé à Saragosse, 1815).

Проведенное исследование подтвердило высказанное ранее предположение о том, что для полифункциональных единиц *puis/ensuite* соотношение чистых случаев употребления (А: темпоральные наречия *puis/ensuite*; Б: периферийные единицы сочинения *puis/ensuite*) и гибридных контаминационных фактов, так называемых переходных явлений, которые занимают промежуточные звенья (Аб, АБ, аБ), на каждом синхронном срезе разное. Изначально преобладает наречное употребление лексем *puis/ensuite*, и постепенно формируется тенденция к активному использованию единиц для оформления копулятивной и коннективной связи.

В результате систематизации представленных разнообразных контекстов определена «шкала переходности», иллюстрирующая процесс перехода полнозначных темпоральных лексем *puis/ensuite* в периферийные единицы сочинения в современном французском языке (рис. 2).

		<i>puis</i>	<i>ensuite</i>
A	V+ <i>puis/ensuite</i>	-	+
Aб	<i>puis/ensuite</i> + темпоральный показатель <i>et puis/ensuite</i>	+	+
		+	+/-
АБ	<i>d'abord P₁ puis/ensuite P₂</i>	+	+
аБ	<i>P₁ puis/ensuite P₂</i>	+	+
	<i>puis/ensuite P₁ puis/ensuite P₂</i>	+	+/-
	<i>d'abord X₁ puis/ensuite X₂</i>	+	+
Б	<i>X₁ puis/ensuite X₂</i>	+	+/-
	<i>puis/ensuite X₁ puis/ensuite X₂</i>	+	+/-
	<i>X₁ puis/ensuite X₂ puis/ensuite X₃ puis/ensuite X_n</i>	+	-

Рис. 2. Шкала переходности полифункциональных единиц *puis/ensuite*

Представленная схема позволяет продемонстрировать сохраняющийся в современном французском языке градуальный характер перехода полноценной лексической единицы с темпоральным значением в связующую: *темпоральное наречие* (А, Аб) > *связующее наречие* (АБ, аБ) > *периферийная единица сочинения* (Б). При этом единица *puis* характеризуется большими копулятивными способностями в отличие от единицы *ensuite*, что является следствием более частого использования единицы в сочетании с союзом *et* и синтаксического сокращения глагольного элемента при кореферентных подлежащих.

Отсюда следует, что в широкой диахронической перспективе для двух изначально полифункциональных единиц *puis/ensuite*, проявляющих семантическую близость и синтагматическую схожесть, процесс их конъюнкционализации различается i) интенсивностью роста употребительности двух единиц в последние десятилетия, ii) изменениями дистрибутивных свойств (фиксированная синтаксическая позиция для единицы *puis* и сохраняющаяся синтаксическая мобильность для единицы *ensuite*), iii) изменениями функциональных свойств (разнообразие синтаксических построений с *puis*, единообразие – для единицы *ensuite*). Полученные результаты необходимы для последующих исследовательских процедур сопоставления и ранжирования периферийных единиц сочинения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Robert, S. Introduction: de la grammaticalisation à la transcatégorialité. Perspectives synchroniques sur la grammaticalisation / S. Robert // Polysémie, transcatégorialité et échelles syntaxiques. – Louvain; Paris : Peeters. – 2003. – № 5. – P. 9–18.
2. Anward, J. A dynamic model of part-of-speech differentiation / J. Anward // Approaches to the Typology of Word Classes / P. M. Vogel & B. Comrie (eds.). – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2000. – P. 3–45.

3. *Бабайцева, В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка. Раздел «Проблемы классификации частей речи» / В. В. Бабайцева. – М. : Дрофа, 2000. – С. 298–317.
4. Larousse [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.larousse.fr/>
Дата доступа : 15.09. 2022.
5. *Grevisse, M.* Le bon usage. Grammaire française / M. Grevisse. – Paris : Duculot, 2018. – 1762 p.
6. *Овсейчик, Ю. В.* Системная организация французских единиц сочинения / Ю. В. Овсейчик // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. Языкознание. – 2022. – № 2. – С. 63–76.
7. Национальный корпус французского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.frantexte.fr/>. – Дата доступа : 15.09.2022.
8. Centre National des ressources textuelles et lexicales [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.cnrtl.fr/>. – Дата доступа : 15.09. 2022.
9. *Баранов, А. Н.* Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 358 с.
10. *Тарасевич, Л. А.* Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением (на материале немецкого и русского языков) / Л. А. Тарасевич. – Минск : МГЛУ, 2014. – 272 с.
11. *Кудрявцева, Н. Б.* Дискурс и система сочинительных союзов современного французского языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.05 / Н. Б. Кудрявцева. – М. : МГЛУ, 2009. – 388 с.

Поступила в редакцию 12.10.2022

Савко Дарья Дмитриевна

магистр филологических наук,
преподаватель кафедры теории
и практики перевода № 1
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Darya Savko

MA in Philology, Lecturer of Translation
and Interpreting Theory and Practice
Department № 1
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
lady.savko@mail.ru

Карапетова Елена Геннадьевна

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой теории и практики
перевода № 1
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Yelena Karapetova

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Translation
and Interpreting Theory and Practice
Department № 1
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
a_karapetova@mail.ru

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ
ДОНАЛЬДА ТРАМПА И АСПЕКТЫ ЕЕ ПЕРЕВОДА

SPEECH STRATEGIES AND TACTICS IN DONALD TRUMP'S
INAUGURATION SPEECH AND ITS TRANSLATION SPECIFICITY

В данной статье рассматривается инаугурационная речь Дональда Трампа, произнесенная им в качестве президента США. Выявляются речевые стратегии и набор репрезентирующих их тактик, раскрываются переводческие трансформации в передаче языковых особенностей выявленных стратегий и тактик. Исследование показало, что в инаугурационной речи Дональда Трампа ведущими выступают стратегии, работающие на положительный имидж политика: стратегия самопрезентации и стратегия дискредитации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: президент США; политический дискурс; инаугурационная речь; речевые стратегии; речевые тактики; самопрезентация; дискредитация; удержание власти.

This article examines Donald Trump's inaugural speech as President of the United States, identifies speech strategies and the variety of tactics, representing these strategies, reveals the translation transformations while rendering the determined strategies and tactics with the help of linguistic means. The study showed that in Donald Trump's inaugural speech the leading strategies are those that help picture the politician's positive image: the strategy of self-presentation and the strategy of discrediting.

Key words: US president; political discourse; inaugural speech; speech strategies; speech tactics; self-presentation; discrediting; power retention.

В последние десятилетия не ослабевает интерес ученых, занимающихся проблемами теории дискурса и теории коммуникации, к языковым фактам, на основе анализа которых делаются выводы о том, какое коммуникативное задание решал говорящий (пишущий) и какое воздействие произвело то или иное речевое произведение на слушающего (читающего). Другими словами,

язык рассматривается как средство доступа к когнитивной информации. В данной статье описываются средства языка, репрезентирующие определенные речевые стратегии в политическом дискурсе, иначе называемом дискурсом власти. В соответствии с этим и язык часто называют «средством осуществления власти в современном обществе» [1, с. 3]. Исследование, проведенное на основе анализа текста инаугурационной речи президента США Д. Трампа, позволило выявить основные и вспомогательные речевые стратегии, а также репрезентирующие их средства языка, которые могут использоваться политическими деятелями для демонстрации и удержания власти. В данной работе внимание авторов уделено также способам перевода анализируемого материала.

Общеизвестно, что институт президенства возник в США и впоследствии распространился по миру. Однако в отличие от других стран, где должность президента является номинальной, американская Конституция 1787 года предоставила президенту огромные полномочия, которые до сих пор делают его одним из самых влиятельных должностных лиц в стране. Это было обусловлено историческими и политическими условиями создания нового государства, стремящегося воплотить в жизнь идеи гуманизма и социального равенства. Некоторые исследователи, в частности Н. М. Травкина, отмечают, что «в конце 20 века проявилось нарастание кризисных явлений в функционировании института президентской власти» и высказывает необходимость «переосмысления фундаментальных основ института президентской власти на предмет его соответствия реалиям и вызовам 21 века» [2, с. 263]. Традиционно, со дня введения должности и вплоть до XX века, президент занимался главным образом решением вопросов внутри страны, однако, имеющая все предпосылки стать мировой сверхдержавой к середине XX века, Америка «расширила» функции президента и «обязала» его защищать права человека во всем мире, продвигая тем самым принципы и идеи демократического устройства общества. Избрание на пост 45-го президента США, известного бизнесмена Дональда Трампа, стало «кульминацией акцента на внешнеполитической деятельности, приведшей к функциональной неадекватности института президентской власти в США, когда один человек выступил с претензией осуществлять почти полный духовный, моральный и психологический контроль над гражданским обществом...» [2, с. 280].

Несмотря на вышесказанное, инаугурационная речь бывшего американского президента представляет интерес для анализа, так как она содержит актуальные идеи и предложения различных путей решения имеющихся в Америке проблем, отличается широким медийным потенциалом, экспрессивна, содержит риторические приемы, лексико-грамматические, стилистические и композиционные средства репрезентации авторского замысла, а также выступает прекрасной иллюстрацией использования арсенала языковых средств для создания собственного политического имиджа. Многие считают, что Дональд Трамп был одним из самых ярких американских

политиков и не только из-за медийного прошлого. Его выступления производили большое впечатление на американцев, причем эффект был как положительным, так и отрицательным. Инаугурационная речь в Вашингтоне, которую он произнес 20 января 2017 года, являлась своего рода программой первых ста дней его президентства и длилась около 16 минут.

Как известно, любое выступление политических лидеров в общем и первая речь в должности как вид политического дискурса в частности, помимо особой прагматической составляющей и следования правилам культурно обусловленного речевого поведения, сопровождается модальностями, содержит эмоциональную составляющую. Знание или незнание данных особенностей не может не влиять на эффективность выступления, его восприятие и выполнение перевода. Слушая выступление оратора, представители различных языковых лингвокультур по-разному воспринимают, интерпретируют речевые стратегии и тактики в речи выступающего, что отражается на их переводе. Для успешного понимания и передачи информации переводчики или билингвальная аудитория должны владеть определенной речевой и переводческой компетенцией, включающей, к примеру, представление о доминирующих стратегиях и тактиках, воплощающих их языковых средствах, используемых в языковом коллективе речевого партнера. Ниже мы будем сопровождать лингвистический анализ переводом речи Д. Трампа на русский язык, указывая в скобках способ перевода, примененный в каждом конкретном случае. Выводы по использованию переводческих решений будут даны в конце статьи.

Одной из ведущих речевых стратегий в проанализированном материале выступила стратегия, которую, на наш взгляд, при рассмотрении коммуникативного намерения адресанта можно трактовать как **стратегию самопрезентации** (термин можно встретить, например, в классификации О. Н. Паршиной [3]). Данная стратегия является целеполагающей для всего выступления и представлена в речи Дональда Трампа прежде всего **тактикой отождествления**, которая перекликается с тактикой **солидаризации**. Последняя употребляется практически с первых слов речи, после приветствия и выражения благодарности находящимся на церемонии почетным гостям, бывшим президентам Картеру, Клинтону, Бушу, Обаме, судье Робертсу и простым американцам: избранный президент Трамп демонстрирует свою принадлежность к определенной социальной и статусной группе, тем самым воплощая **тактику солидаризации**, приближая себя к простым американцам, создавая впечатление общности взглядов и интересов с ними: *“We, the citizens of America, are now joined in a great national effort to rebuild our country and restore its promise for all of our people. Together, we will determine the course of America and the world for many, many years to come”* [4]. При переводе мы использовали следующие переводческие трансформации: «Нам, гражданам Америки, (опущение) предстоит большое общее усилие (контекстуальная замена) – восстановить нашу страну и то, что она значит (опущение, контекстуальная замена) для всех ее жителей

(контекстуальная замена). *Вместе нам предстоит* (грамматическая замена) *определить курс для Америки и для всего мира* (добавление) *на многие годы вперед*». Реализация данной тактики включает использование различных форм обращения, апеллирования к народу: “...*but we are transferring power from Washington, D.C. and giving it back to you, the people*” [4]. – «...но мы передаем власть от Вашингтона (опущение) *вам, народу*».

Вышеуказанные языковые средства В. Е. Чернявская называет персуазивными, так как с помощью создания семантического поля «свои», чему способствует употребление личных местоимений, оратор внушает аудитории мысль о единстве взглядов и действий, включает аудиторию в свой «позитивный круг» [1, с. 48]. Персуазивность характерна для многих жанров политического дискурса, и анализируемая речь не является исключением.

Еще одной тактикой, реализующей стратегию самопрезентации, выступает тактика дистанцирования. Так, Дональд Трамп с помощью данной тактики дистанцируется от политических конкурентов. Будучи сам политиком, он противопоставляет себя другим политикам, называя их: *a small group in our nation's capital, politicians, the establishment, they* (небольшая группа людей в столице, политики, истеблишмент, они). Трамп противопоставляет их и простым американцам, с которыми он выражает солидарность. С помощью метафоры, метонимии, антитезы он противопоставляет действия политиков и простых американцев, делая это очень экспрессивно: “*For too long, a small group in our nation's capital has reaped the rewards of government* (метафора) *while the people have borne the cost. Washington flourished* (метонимия), *but the people did not share in its wealth. Politicians prospered, but the jobs left* (метафора) *and the factories closed* (антитеза). *The establishment protected itself, but not the citizens of our country. Their victories have not been your victories* (антитеза). *Their triumphs have not been your triumphs* (антитеза). *And while they celebrated in our nation's capital, there was little to celebrate* (антитеза) *for struggling families all across our land*” [4]. – «Слишком долго *небольшая группа людей* (добавление) *в столице* (опущение) *наслаждалась лаврами власти* (контекстуальная замена), *а народ за это платил* (контекстуальная замена). *Вашингтон процветал, но людям не доставалось* (грамматическая замена) *его богатство. Политики жили припеваючи* (контекстуальная замена), *пока рабочие места уходили за рубеж* (контекстуальная замена), *а заводы* (контекстуальная замена) *закрывались. Истеблишмент* (калькирование) *защищал себя, но не граждан нашей страны. Их победы не были вашими победами. Их триумфы не были вашими триумфами. И пока они праздновали в Вашингтоне* (контекстуальная замена), *бедствующим семьям по всей стране праздновать было нечего* (перестановка, антонимический перевод)».

Создание собственного имиджа успешного политика может реализовываться с помощью стратегии дискредитации своих оппонентов. В проанализированном материале были выявлены немногочисленные примеры

применения **стратегии дискредитации**, или **стратегии на понижение**, которая актуализируется, в частности, при помощи **тактики обвинения**, навешивания ярлыков. В инаугурационной речи политик имплицитно критикует своих предшественников (соперников) и других политиков, но делает это очень профессионально, несколько завуалированно и искусно. Возможно, начинающий тогда свое президентство Трамп старался быть политкорректным, не вызвать недовольство электората и коллег прямой критикой предшественника и его кабинета: *“We will no longer accept politicians who are all talk and no action, constantly complaining, but never doing anything about it”* [4]. – «Мы больше не будем слушать политиков, которые только говорят и ничего не делают (грамматическая замена части речи), постоянно жалуются, но никогда ничего не решают (контекстуальная замена)».

На примере инаугурационной речи бывшего президента Д. Трампа был выявлен арсенал языковых средств, как положительно, так и негативно окрашенных, реализующих ключевые речевые стратегии и тактики. Ведущими мы признаем стратегию самопрезентации (в речи американского политика выражена тактикой отождествления, тактикой солидаризации и тактикой дистанцирования) и стратегию дискредитации (в речи представлена тактикой обвинения).

Интересно, что Д. Трамп в собственной речи в первую очередь стремился обозначить свои основные черты как политика, наметить политический имидж. Выделяемая же учеными стратегия удержания власти, охватывающая всю речь, так как направлена на достижение цели любого политического дискурса, представлена всего лишь двумя тактиками. Так, в его выступлении выделена тактика признания существования проблемы и тактика указания на путь решения данной проблемы, что, возможно не говорит о том, что Трамп не придавал большого значения удержанию власти, но, скорее, свидетельствует о том, что политик был уверен в себе.

В своем стремлении удержать только что полученную власть, показав владение политической и экономической ситуацией, Трамп прибегает к помощи **тактики признания существования проблемы**, которая реализуется через стилистические средства, помогающие критиковать президентство Обамы, который довел страну до подобной ситуации: *“But for too many of our citizens, a different reality exists: **mothers and children trapped in poverty** (метафора) **in our inner cities; rusted out factories scattered like tombstones** (сравнение) **across the landscape of our nation; an education system flush with cash, but which leaves our young and beautiful students deprived of all knowledge** (парадокс); **and the crime and the gangs and the drugs that have stolen too many lives and robbed our country of so much unrealized potential”** [4]. – «Но для слишком многих наших граждан существует иная реальность (перестановка): в наших городах матери и дети прозябают в бедности (контекстуальная замена, перестановка), проржавевшие заводы (контекстуальная замена) разбросаны*

там и сям по стране как надгробия (перестановка, контекстуальная замена); а система образования хоть и переполнена деньгами, не дает нашей молодежи знаний (опущение, грамматическая замена, контекстуальная замена); преступность, банды, наркотики испортили столько жизней (контекстуальная замена), украли у нашей страны так много нереализованного потенциала».

Следует отметить, что в ходе исследования возникали сложности, связанные не только с определением того, какую стратегию репрезентирует та или иная тактика, но и с идентификацией самих тактик. Так, нижеследующий пример, на наш взгляд, может представлять как **тактику обещания**, так и **тактику указания на путь решения данной проблемы**. Обещание (оно же и способ преодолеть проблему) выражено при помощи простого будущего времени, которое обозначает, что действие произойдет в какой-то момент в будущем. Трамп обещал вернуть рабочие места, границы, богатство и мечты. Он обещал построить улучшенную инфраструктуру, стать друзьями со всеми народами мира и т.д.: *“We will bring back our jobs. We will bring back our borders. We will bring back our wealth. And we will bring back our dreams. We will build new roads and highways and bridges and airports and tunnels and railways all across our wonderful nation. We will get our people off of welfare and back to work, rebuilding our country with American hands and American labor. We will follow two simple rules; buy American and hire American. We will seek friendship and goodwill with the nations of the world... We do not seek to impose our way of life on anyone, but rather to let it shine as an example. We will shine for everyone to follow”* [4]. – «Мы вернем рабочие места, вернем наши границы, наше богатство и наши мечты (опущение). Мы построим новые дороги, шоссе, мосты, аэропорты, тоннели и железные пути через всю нашу прекрасную страну. Мы снимем наших людей с пособий (грамматическая замена) и дадим им работу (добавление). Мы заново построим нашу страну руками американцев и американским трудом. Мы будем следовать двум простым правилам: покупать американские товары (добавление) и нанимать американцев. Мы будем стремиться к дружбе и доброй воле с народами мира... Мы никому не хотим навязывать свой образ жизни (перестановка), а хотим, чтобы он был примером для подражания (контекстуальная замена, перестановка). Мы воссияем, и пусть все за нами последуют (добавление)». Мы видим, что обещал он многое, но или поступал наоборот, или вообще обещания не были выполнены.

Стоит отметить, что всю речь Д. Трампа пронизывает стратегия театральности. В целом, оратор направил свои усилия не только на то, чтобы донести до слушателей определенное содержание, но и на формирование эмоционального настроения адресата (тактика обращения к эмоциям). Фактически Трамп использует потенциал своего медийного прошлого. Политик умеет апеллировать к чувствам американцев, он обещает американскому народу перемены, здесь и сейчас: *“That all changes starting right here and right*

now because this moment is your moment, it belongs to you. It belongs to everyone gathered here today and everyone watching all across America. This is your day. This is your celebration. And this, the United States of America, is your country” [4]. – «Все это изменится здесь и сейчас (опущение), потому что сегодня – ваш день (контекстуальная замена), он принадлежит вам. Всем, (опущение) кто пришел сегодня сюда, и всем, кто смотрит нас по всей Америке. Это ваш день. Это ваш праздник, а эта страна (добавление) – Соединённые Штаты Америки – ваша страна».

Речевое поведение главы государства вариативно, его основной задачей является планирование речевых действий, приближающих к основной цели – убеждению электората. Он мастер эмоциональной паузы, неудивительно, что за время произнесения речи ему аплодировали 35 раз (количество эмоциональных пауз).

Представленный выше список не претендует на завершенность, однако отражает наиболее ярко выраженные стратегии и тактики в первом выступлении американского политического лидера в должности президента США. Данные стратегии универсальны, культурно-специфичными являются частотность, наполнение стратегии тактиками, интенция выбора тактики, ситуативная уместность, ее языковое оформление, эмоциональная окраска и выбор соответствующих переводческих трансформаций при передаче данного текста на русский язык. Такая предпочтительность выбора, не всегда ярко выраженная, тем не менее, образует характерные особенности речи американского политика, коммуникативное поведение которого соответствует ценностным ориентациям и тенденциям индивидуалистического общества.

Необходимо отметить, что выделение речевых стратегий и тактик, а также репрезентирующих их языковых средств, сопряжено с определенными трудностями, так как, во-первых, все стратегии объединены единой коммуникативной целью и смысловая граница между ними очень условна; во-вторых, высказывания обычно содержат целый комплекс языковых средств, которые могут выступать в качестве средств реализации разных тактик.

Перевод речевых стратегий и тактик в инаугурационной речи Дональда Трампа выявил наличие семи видов переводческих трансформаций: добавления, опущения, антонимического перевода, грамматической замены, перестановки, контекстуальной замены, калькирования. Наибольшая частотность (38 %) всех переводческих трансформаций приходится на контекстуальную замену. Одинаковое количество (по 16 %) приходится на лексико-грамматическую трансформацию добавления, вызванную необходимостью полной передачи содержания подлинника, а также различиями в грамматической системе американского варианта английского и русского языков, и опущение. В 14 % случаев использовалась грамматическая замена (изменение частей речи, числа, залога). В 10 % примеров осуществлялась перестановка. В 3 % мы переводили устойчивые выражения путем калькирования и 3 %

пришлись на антонимический перевод. Нами не использовались приемы конкретизации, генерализации и транслитерации. При переводе речевых стратегий и тактик в изучаемой речи на русский язык мы наблюдали уже известные закономерности, такие как постоянная необходимость отступать от дословной точности и определять выбор отдельного элемента в переводе в зависимости от его функции в контексте, а не от степени прямого формального соответствия элементу оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чернявская, В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса : проблема речевого воздействия : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 136 с.
2. *Травкина, Н. М.* Институт президентской власти в США : нарастающая дисфункциональность / Н. М. Травкина // Полит. наука. – 2019. – № 4. – С. 262–283.
3. *Паршина, О. Н.* Российская политическая речь : Теория и практика / под ред. О. Б. Сиротининой. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 2-е изд., испр. и доп. – 232 с.
4. Trump inaugural speech on 20.01.2017 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://edition.cnn.com/2017/01/20/politics/trump-inaugural-address/>. – Date of access : 01.02.2020.

Поступила в редакцию 30.09.2022

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.161.3

Чайка Наталля Уладзіміраўна,
доктар філалагічных навук, прафесар,
прафесар кафедры мовазнаўства
і лінгвадыдактыкі
Беларускі дзяржаўны педагагічны
ўніверсітэт імя Максіма Танка
г. Мінск, Беларусь

Natalia Chaika
Habilitation Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of Linguistics
and Linguodidactics
Belarusian State Pedagogical University named
after Maxim Tank
Minsk, Belarus
natusia12@tut.by

КАНТЭКСТУАЛЬНАЯ ВАРЫЯТЫЎНАСЦЬ
СІНТАКСІЧНАЙ ДЭРЫВАЦЫІ Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕCONTEXTUAL VARIATION OF SYNTACTIC DERIVATION
IN THE BELARUSIAN LANGUAGE

Статья посвящена изучению ключевой тенденции в синтаксической системе современного белорусского языка – контекстуальной вариативности синтаксической деривации.

В современном мире необходимость информационного акцентирования и аналитизма продуцирует большое количество синтаксических дериватов – конструкций эллиптических, неполных, редуцированных, с имплицитной семантикой. В статье рассматривается синтаксическая репрезентация контекстуально обусловленных синтаксических дериватов – неполных предложений и дифференцированных конструкций с синтаксической редуцией. Представлены способы актуализации важной информации, которые способствуют динамическому развитию синтаксических единиц и их коммуникативному усовершенствованию.

Ключевые слова: *синтаксическая деривация; конструкции с синтаксической неполнотой и имплицитной семантикой; редуцированные и эллиптические конструкции.*

The article is devoted to the study of the key trend in the syntactic system of the modern Belarusian language – contextual variation of syntactic derivation. In the modern world, the need for information emphasis and analysis produces a large number of syntactic derivatives – elliptic, incomplete, reduced constructions and constructions with implicit semantics. The article deals with the syntactic representation of context-dependent syntactic derivatives – incomplete sentences and differentiated constructions with syntactic reduction. The ways of actualization of important information that contribute to the dynamic development of syntactic units and their communicative improvement are presented.

Key words: *syntactic derivation; constructions with syntactic incompleteness and implicit semantics; reduced and elliptic constructions.*

Сінтаксічная сістэма беларускай мовы пастаянна развіваецца, што абумоўлена агульнымі тэндэнцыямі сучаснасці – эканоміі моўных сродкаў, дыстынктнасцю выказвання, скіраванасцю да аналітызму і патрэбай інфармацыйнага акцэнтавання. Усё гэта дазваляе шырока функцыянаваць кантэк-

стуальна абумоўленым мадыфікацыям – няпоўным і рэдукаваным канструкцыям, што ўплывае на спосабы сінтаксічнай рэпрэзентацыі сэнсаў і іх структурнае «аблічча».

Пытанне пра сінтаксічную дэрывацыю і структурна-сінтаксічныя мадыфікацыі вывучалася ў межах камунікатыўнай лінгвістычнай школы (Дж. Арма, М. Вішнеўскі, А. В. Грудзева, А. М. Мухін, Т. Д. Шабанава [1; 2; 3; 4; 5]), дзе акцэнт рабіўся на заканамернасцях функцыянавання сінтаксічных адзінак з улікам тэндэнцыі да эканамічнасці выказвання. Асноўным прынцыпам упарадкавання аб'екта сінтаксісу ў працах К. Карлсан, П. А. Леканта, Г. А. Золатавай [6; 7; 8] служыла тыпалагічная характарыстыка аб'екта лінгвістыкі з улікам кваліфікацыйнай прыкметы, у якасці якой выступала дакладнасць і лагічнасць, а аб'ектам вывучэння – парцэляцыя і сегментацыя. Працы З. Выхадзілавай, Т. А. Коласавай, Я. У. Лісочанкі, С. С. Дзікаровай, Б. Хаўспергера, А. Унішэўска [9; 10; 11; 12; 13; 14] характарызуюцца акцэнтам на аналітызм, што праяўляецца ў паслабленні і адноснай «свабодзе» сінтаксічных сувязей паміж кампанентамі.

Нягледзячы на значную колькасць прац па актуальных працэсах у сінтаксічных сістэмах розных моў, на беларускамоўным матэрыяле падобныя даследаванні не праводзіліся. Актуальнасць такога аналізу абумоўлена неабходнасцю выявіць асноўныя фактары кантэкстуальнай варыятыўнасці сінтаксічных дэрыватаў у беларускай мове.

Мэта даследавання – выявіць дыяпазон кантэкстуальнай варыятыўнасці сінтаксічных дэрыватаў у беларускай мове.

Да кантэкстуальна абумоўленых сінтаксічных дэрыватаў адносяцца *няпоўныя канструкцыі* з пропускам аднаго ці больш структурных кампанентаў: *У душы, як Божы знак, // – Хата... Канюшына... Жыта... // Бульба... Бусел... Шпак... // Мроя... Хлопец закаханы... // Цемра... Шлях дамоў...* (Л. Дайнека). *Узнаўляюцца апушчаныя кампаненты з кантэксту: Б а б у л я. Усё хоча жыць, дзіцятка. І сонца ў небе, і дуб у полі, і казурка ў жыце. Асот – таксама... Хай бы і жыў, толькі нам не шкодзіў* (Г. Каржанеўская), з дапамогай моўнай сітуацыі: *В е р а* (паказваючы на Тулягу, які ўвайшоў). *А вось яшчэ адзін шаноўны далакоп. Што з вамі, Мікіта Сымонавіч? Чым вы так усхваляваны?* (К. Крапіва) або ў структуры дыялагічнага адзінства: *Г а н н а. Бубніш нешта сам сабе... Маліўся, ці што? В а с і л ь. Размаўляў... з Сонцам...* (А. Дудараў).

Няпоўныя сказы не ўтвараюць асобнага структурнага тыпу, а ўваходзяць у агульную парадыгму сказа разам з іншымі структурна-сінтаксічнымі мадыфікацыямі канструкцыі. Пропуск члена можа назірацца ў структуры простага двухсастаўнага сказа: *Кольшаў стаіць ззаду вежы, трымаючы ў руцэ аўтамат. Каля яго некалькі аўтаматчыкаў* (І. Мележ), адна-састаўнага: *Завушніцы, пэрлы на іх зіхацяць, такія, як болей ні ў кога, так у Полацку ўмеюць красу вырабляць майстры рамяства залатога* (Л. Геніюш) і складанага: *Было неба то сіняе, то ружовае, // А пад ім малая хатка рыбака. // І было, як неба, возера шырокае, // Шумела там заўсёды асака* (М. Танк).

Класіфікацыя кантэкстуальных няпоўных сказаў ажыццяўляецца на аснове апушчанага кампанента. Пропуск дзейніка назіраецца ў няпоўных сказах, дзе кампанент дубліруецца ў кантэксце і не нясе сэнсавай нагрукі: *Потым пачала расказваць, як жыла раней, вясёлыя, смяшлівыя гісторыі ... Яна, мусіць, хацела, каб Ніна, слухаючы гэтыя ўспаміны, забылася на свой боль* (І. Мележ). Такія сказы структурна і семантычна праецыруюцца на поўны сказ, што дазваляе ім выконваць камунікатыўную функцыю ў поўнай меры.

У няпоўных сказах можа апускацца выказнік, калі ён быў названы ў кантэксце: *Дзядзе л. Чаго толькі ні пішуць. Адна газета – адно, другая – другое... Партый адных колькі – тут табе і меншавікі, і большавікі, і эсэры, і гэтыя, як іх... сацыялісты-рэвалюцыянеры...* (І. Мележ). Пропуск выказніка можа ажыццяўляцца пры ўмове яго неактуальнасці і дубліраванні ў структуры кантэксту. Гэта абумоўлена граматычнай значнасцю выказніка ў сказе: ён з'яўляецца носьбітам прэдыкатыўнасці і ўказвае на значэнні тэмпаральнасці, мадальнасці і персанальнасці.

Даданыя члены апускаюцца ў няпоўных сказах значна радзей, што абумоўлена іх факультатыўным характарам у структуры сказа. Прапускацца ў няпоўных сказах можа толькі прамое дапаўненне, на адсутнасць якога ўказвае незамешчаная сінтаксічная пазіцыя ў сказе і дубліраванне апушчанага кампанента ў кантэксце: *Валя. Я не хацела хмарыць сустрэчу, але калі ты так хочаш ведаць... Дзядзьку майго арыштавалі. Антона* (І. Мележ).

Не выдзяляюцца ў асобны структурны тып канструкцыі з пропускам акалічнасці і азначэння, бо яны маюць факультатыўны характар і іх неўжыванне не ўтварае незамешчаных сінтаксічных пазіцый. Такія сказы з'яўляюцца структурна і семантычна поўнымі.

Няпоўнай можа быць частка складаных сказаў – складаназлучаных: *Было неба то сіняе, то ружовае, // А пад ім малая хатка рыбака. // І было, як неба, возера шырокае, // Шумела там заўсёды асака* (М. Танк), складаназалежных: *Аклян пірамідак, якіх раней было больш, чым крыжоў, і крыжоў, якіх з кожным годам усё больш ды больш...* (Я. Брыль), бяззлучнікавых: *Адзіноцё. Я, можа, лішне настойлівы: якая?* (І. Мележ), камбінаванай будовы: *Я на сухі пагорак узыду, // А позірк пільны – незнаёма пудкі, // Вунь дом у трох бярэзін на віду, // І тры акны, і ў кожным – незабудкі* (Р. Баравікова).

Пропуск кампанента ў падобных сказах назіраецца часцей у апошняй частцы, і прапускацца можа дзейнік: *Ратуй людзей з бяды ліхой, іх душы // На гвалт і на адчай не пакідай, // Ты радасць ім нясі, сабе – адчай, // Ім – волю, гвалт – сабе, // Ты духам дужы* (А. Куляшоў), выказнік: *Мы жывём у хаце, над намі жыве гарышча, над гарышчам – неба* (У. Арлоў), дапаўненне: *А можа быць, яна наўмысна // Зрабіла так?.. А для чаго? // Нашто – калі ёй ненавісна // Любая згадка пра яго?* (Н. Гілевіч).

Да кантэкстуальна абумоўленых семантыка-сінтаксічных дэрыватаў адносяцца канструкцыі з імпліцытнай семантыкай, якія ўключаюць сцвярдзальны і адмоўны тыпы. У якасці кампенсаторнага кампанента ў канструкцыях *сцвярдзальнага тыпу* выступаюць логіка-семантычныя адносіны паміж адзінкамі звышфразавога адзінства. Такім чынам адбываецца ўказанне на невербалізаваную інфармацыю: *З а л ы г і н. Для пачатку далі б семафор: вёрст на дзесяць у тыл. Д з я ц е л. Удаву! Нішто прыдумаў!.. Ч ы б у к. А што, балотны чалавек, дрэнна? Ты адмовіўся б? Д з я ц е л. Я, здаецца, людцы, наўколенцах, рачкі дамоў набраўся б.* (Сумна жартуючы.) *Каб сказаў паручнік: Дзяцел, магу адпусціць, але рачкі паўзці трэба. Я згадзіўся б з радасцю. І дапоўз бы!* (І. Мележ). Імпліцытны сэнс у дадзеным тэксце змяшчаюць лексемы *Я, здаецца, людцы, наўколенцах, рачкі дамоў набраўся б*, сэнс якіх роўны сэнсаваму нападзенню лексемы *адмовіўся б – дапоўз бы –* гэта вынікае на аснове лагічнага вываду да пасылкі.

Зрэдку імпліцытнае сцвярджэнне суправаджаецца *вылучальнымі* адносінамі паміж кампанентамі: *Б а л у е ў (Адзінцову). Вы... гм. Салдат суправаджалі ў горадзе вы? А д з і н ц о ў. Я іх тут выпадкова ўбачыў. Яны прайшлі па зале (кіўнуў на суседнюю залу), калі я там вячэраў... Я ўстаў, пацікавіўся, што яны тут робяць...* (І. Мележ). Невербальная інфармацыя ў такіх канструкцыях выяўляецца з дапамогай прыватна-аперцэпцыйнай базы, што абумоўлена лексіка-семантычнай валентнасцю кампанентаў *суправаджаеце – убачыў*. Аперацыя прадвызначае станоўчы адказ і разам вылучае нязначную частку інфармацыі, на якой базіруюцца логіка-семантычныя адносіны. У якасці кампенсаторнага кампанента часам выступаюць моўныя ўласцівасці вербальных кампанентаў – гэта значыць, кантэкст.

Шырока функцыянуюць у беларускай мове канструкцыі з імпліцытнай семантыкай, якія змяшчаюць *адказ з адценнем ацэнкі*. Інфармацыйная паўнаватасць часта забяспечваецца з дапамогай вобразных моўных сродкаў, якія ўтрымліваюць непрамое ўказанне на колькасць аб'ектаў: *К а л а т у х і н. Тры сустрэчы па пяць мінут, і ўсё іншае – гарачыя лісты? А д з і н ц о ў (устаючы). Я вельмі ўдзячны за гонар, але павінен прасіць дазволу пакінуць вас...* (І. Мележ). У падобных выпадках механізм узаемадзеяння вербальнай і невербальнай інфармацыі пераўтварае імпліцытнае ў экспліцытнае. Сцвярдзальная інфармацыя з адценнем ацэнкі фарміруецца ў выніку кампазіцыйна-зместавага пераразмеркавання, што прыводзіць да ўтварэння канструкцый з дэнататыўна неізаморфнай структурай. Сродкамі фарміравання семантычнага адцення азначнасці ў названых канструкцыях выступаюць вобразныя моўныя сродкі, семантычны дыяпазон прыватна-аперцэпцыйнай базы выказвання, сінтаксічная карэляцыя паміж кампанентамі тэксту, анафарычная адсылка.

Канструкцыі з імпліцытнай семантыкай могуць змяшчаць адценне *напроку*, якое часцей выяўляецца з асертыўнай часткі выказвання на аснове дэдуктыўнага заключэння: *Б а л у е ў. Што з вамі? А д'ю т а н т. Прачытайце. Б а л у е ў бярэ тэлеграму. Яна ўражвае генерала так, што,*

прачытаўшы яе, Балугеў глядзіць на стужку тэлеграмы неўразуменным позіркам. Чытае другі раз, раптам налівае каньяк. Рукі ў яго дрыжаць (І. Мележ). Фонавыя веды ў падобных канструкцыях разгортваюць інфармацыю, што дае магчымасць сфарміраваць адпаведны сэнс і змясціць яго ў адной рэпліцы. Семантычная ёмістасць канструкцый дазваляе ім быць зместавым цэнтрам выказвання.

Зрэдку канструкцыі з імпліцытнай семантыкай разам са сцвярджэннем змяшчаюць адценне ўхвалы. Фонавыя веды пры гэтым маюць адмоўную ацэнку, імпліцытная канструкцыя адмаўляе сказанае вышэй і фарміруе новы змест: *В а л я. У мяне заўтра ў пятым класе ўрок батанікі. Тэма – «Расліны і сонца»... Я ўжо думала, як пачну яго... Мільярды гадоў, скажу я, робіць зямля свой звычайны круг вакол сонца. Мільярды гадоў дзень змяняецца ноччу, а ноч – днём... (Задумліва.) Мільярды начэй!.. Няўжо і гэтая ноч толькі адна з мільярдаў іншых, такая ж звычайная? А д з і н ц о ў. Філософ ты!.. (І. Мележ).*

Назіраюцца канструкцыі з імпліцытнай семантыкай, што змяшчаюць адмоўны сэнс. Такія рэплікі характарызуюцца сэнсавай неадназначнасцю. Напрыклад, у канструкцыі *А д з і н ц о ў. Я думаю, што ў многіх былі свае, асаблівыя ночы. Сёння яна ў нас!.. (Дзелавіта, рашуча.) І таму будзем думаць пра яе! Спусцімся на зямлю!.. Валя, будзем разам... Зусім... (Паўза.) Ты згодна?.. В а л я. Валодзя... ты ведаеш... Я люблю цябе. Але ў той час, калі ён пакутуе за кратамі, мне спраўляць вяселле ???!.. (І. Мележ)* фарміруецца неадназначнасць, двухпланавасць, скрыты сэнс, а часам і ўскоснае ўказанне на змест выказвання. Указанне на магчымага выканаўцу дзеяння ўскосна сведчыць пра адмоўе.

Сустрэкаюцца выпадкі, калі канструкцыя з імпліцытнай семантыкай уключае ў свой змест прычыну адмоўя. У падобных сказах прычына і будзе змяшчаць імпліцытную семантыку: *К а л а т у х і н. Маё шанаванне, таварыш старшыня Савета! Я не перашкодзіў, спадзяюся? М я с н і к о ў. Калі я скажу, што перашкодзілі, вы далікатна выйдзеце? (Адзінцову.) А, паручнік!.. З'яўленне Адзінцова вельмі хвалюе Валю. Адзінцоў таксама адчувае сябе няёмка (І. Мележ).*

Асаблівай выразнасцю характарызуюцца адмоўныя канструкцыі ў форме пытання. Падобныя тэкставыя ўтварэнні выразна падзяляюцца на кампаненты моўнага сэнсу: *В а л я. Я не хацела хмарыць сустрэчу, але калі ты так хочаш ведаць... Дзядзьку майго арыштавалі. Антона. А д з і н ц о ў. За што? В а л я. За варожую дзейнасць. Гэта ў прыгаворы напісана, а сапраўды – за агітацыю сярод салдат... А д з і н ц о ў. Ён – бальшавік? В а л я (ківае галавой). У той час, калі ён пакутуе за кратамі, мне спраўляць вяселле ???!.. А д з і н ц о ў (пасля паўзы). Усё не, я думаю, гэта не прычына адкладваць (І. Мележ). У дадзеным тэксце назіраецца выразны падзел на моўны змест выказвання: *В а л я. Я не хацела хмарыць сустрэчу, але калі ты так хочаш ведаць... Дзядзьку майго арыштавалі. Антона. А д з і н ц о ў. За што? В а л я. За варожую дзейнасць. Гэта ў прыгаворы напісана, а сапраўды –**

за агітацыю сярод салдат... А д з і н ц о ў. Ён – бальшавік? В а л я (ківае галавой) і на структурна асіметрычную інфармацыю, у працэсе ўзаемадзеяння якіх фарміруецца імпліцытная семантыка. Пытанне тут суправаджаецца яркай эмацыйнай афарбоўкай. У якасці фонавых ведаў можа выкарыстоўвацца кантэкст, прычым як перадпазіцыйны, так і постпазіцыйны ў дачыненні да ядзернага сказа. Такія выпадкі дастаткова часта назіраюцца ў драматургічных творах, што тлумачыцца сэнсава-структурнай еднасцю тэксту незалежна ад сінтаксічнай пазіцыі канструкцыі.

У драматургічных творах сустракаюцца канструкцыі з імпліцытнай семантыкай, што змяшчаюць *вывад*. Функцыянаванне падобных сказаў заснавана на розных фактарах. Структурная абумоўленасць прадвызначаецца ўжываннем мадыфіцыраваных канструкцый, у прыватнасці эліптычных. Формальная іх арганізацыя патрабуе кантэкстуальнай маркіроўкі: *М я с н і к о ў. Вы цікавіліся замірэннем? Д з я ц е л. Замірэнне! Тут, здаецца, скула яму, вайна другая пачынаецца!..* (І. Мележ); *А д з і н ц о ў. З кім жа мне быць? З бальшавікамі? В а л я. Мы павінны быць разам, Валодзя!..* *А д з і н ц о ў. Хіба я не хачу гэтага? Ты ж... ты ва ўсім вінавата!* *В а л я. Ідзі сюды, Валодзя. Мы зноў будзем удавіх* (І. Мележ).

Да кантэкстуальна абумоўленых дэрыватаў адносяцца канструкцыі з *сінтаксічнай рэдукцыяй*. Такія сказы часткова або цалкам захоўваюць семантычную дыферэнцыяцыю; узнаўленне сэнсу канструкцый з сінтаксічнай рэдукцыяй ажыццяўляецца на аснове семантыка-сінтаксічных адносін паміж часткамі складанага сказа і складанага сінтаксічнага цэлага.

Дыферэнцыяцыя сэнсу рэдукаваных канструкцый адбываецца на аснове адносін *супастаўлення* ў структуры складанага сказа: *Тэмпература трыццаць дзевяць і шэсць, ведаю, што яму балюча, але ніводнага стогну. Затое маці... дапякла ўсім* (А. Дзялендзік) і складанага сінтаксічнага цэлага: *За варотамі, вядома, яе не дастаць, там бразгаў ланцугом звяглівы сабака. А вось ля веснічак...* (В. Быкаў); *На працу пара збірацца. А я... Быццам ісці нікуды не трэба, адпачынак у мяне...* (Б. Сачанка).

Кампенсаторным фактарам у падобных выпадках могуць выступаць адносіны *супрацьпастаўлення*: *Алачка да такога жыцця прывучана была, а вось ён, Андрэй... Адчуваў як бы дакор сумлення. Малады, дужы, а...* (Б. Сачанка); *У нас шмат агульнага. Ты адмаўляешся ад кахання па сваёй волі. А я... Я не магу кахаць. Ну што ж, бывай* (А. Дзялендзік). Прычынна-выніковыя адносіны таксама выступаюць у якасці рэпрэзентатараў сэнсу канструкцый з сінтаксічнай рэдукцыяй: *Ты абавязкова павінен сказаць пра гэта, бо я не так сабе...* (І. Чыгрынаў).

Кантэкстуальнымі сродкамі ўзнаўлення сэнсу рэдукаваных канструкцый выступаюць семантычная эксплікацыя рэдукаванай часткі выказвання, якая ўзнаўляецца звычайна пасля паўзы: *Калі выправілі на пенсію Арцёма Гаўрылавіча, то... Хто пакіне мяне ў спакоі?* (Б. Сачанка) або ўступае ў канвергенцыю з сегментацыяй: *Мы дапаможам Вам. Усё даставім своєчасова. Матэрыялы. Інструменты. Але калі будоўля спынецца, то...*

(А. Дзялендзік) і сінтаксічны паралелізм: *А то і з Алачкай пэўнасці няма, і з Ірай тое самае. Ды і з працай...* (Б. Сачанка); *Каня, калёсы адбяруць, а самога ці з сабой навядуць, ці...* (Г. Далідовіч).

Даследаванне паказала, што дыяпазон кантэкстуальнай варыятыўнасці сінтаксічных дэрыватаў дастаткова шырокі і ўключае канструкцыі няпоўныя, рэдукаваныя і з імпліцытнай семантыкай. Кантэкстуальная абумоўленасць канструкцый з сінтаксічнай непаўнотой вызначаецца характарам апушчанага члена і спосабам яго ўзнаўлення. Апускаюцца звычайна ў такіх канструкцыях дзейнік, выказнік і прамое дапаўненне; ажыццяўляецца падобная аперацыя ў структуры простага ўскладненага сказа ці складанага. Фактарамі кампенсацыі ў канструкцыях з імпліцытнай семантыкай выступаюць таксама кантэкстуальныя сродкі – рэплікі дыялогу, што з'яўляюцца іх функцыянальнай базай і дазваляюць выдзеліць сцвярдзальны і адмоўны тыпы канструкцый з адпаведнымі тыпамі – з вылучальнымі адносінамі, семантыкай ацэнкі, папроку, ухвалы, вываду, структуравання ў форме пытання. Кантэкстуальным фактарам функцыянавання канструкцый з сінтаксічнай рэдукцыяй з'яўляецца дэферынцыя іх зместу на аснове семантыка-сінтаксічных адносін паміж часткамі складанага сказа і складанага сінтаксічнага цэлага. Да кампенсаторных фактараў у падобных выпадках адносяцца супрацьпастаўленне і паратаксічная сінтаксічная сувязь.

ЛІТАРАТУРА

1. *Harma, J.* Sur l'omission du verbe et sa recuperabilité en français / J. Harma // Actes du 9e Congrès des romanistes scandinaves, Helsinki, 13–17 aout 1984. – Helsinki, 1986. – P. 135–146.
2. *Wiśniewski, M.* Przegląd równoważników zdania znamiennych dla współczesnej polszczyzny / M. Wiśniewski // Acta Univ. Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-społecz. Filologia Polska. – Toruń, 1995. – T. 46. – S. 115–150.
3. *Грудева, Е. В.* Избыточность и эллипсис в русском письменном тексте / Е. В. Грудева. – Череповец : Черепов. гос. ун-т, 2007. – 251 с.
4. *Мухин, А. М.* Структура предложений и их модели / А. М. Мухин. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. – 230 с.
5. *Шабанова, Т. Д.* Предложение и его лимитативные модели : учеб. пособие к спецкурсу / Т. Д. Шабанова. – М. : Моск. гос. пед. ин-т, 1985. – 82 с.
6. *Carlson, K.* Paralelism and prosody in the processing of ellipsis sentences / K. Carlson. – New York ; London : Routledge, 2002. – 227 p.
7. *Лекант, П. А.* К проблеме неполных предложений в русском языке / П. А. Лекант // Учен. зап. / Моск. обл. пед. ин-т. – М., 1963. – Т. 139, вып. 9 : Русский язык и литература. – С. 43–49
8. *Золотова, Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.

9. *Vychodilová, Z.* Elipsa jako jeden ze způsobu neexplicitního vyjadřování obsahových prvků v jazyce / *Z. Vychodilová, R. Zimek* ; Masarykova unv. – Olomouc : [s.n.], 1988. – 231 s.
10. *Колосова, Т. А.* Русские сложные предложения асимметричной структуры / *Т. А. Колосова.* – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 164 с.
11. *Лисоченко, Л. В.* Высказывания с имплицитной семантикой: логический, языковой и прагматический аспекты / *Л. В. Лисоченко* ; отв. ред. Г. Ф. Гаврилова ; Сев.-Кавказ. науч. центр. высш. шк. – Ростов н /Д : Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 152 с.
12. *Дикарева, С. С.* Координаты референции и явление глобального эллипсиса / *С. С. Дикарева* // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания : межвуз. сб. / Ленингр. гос. ун-т ; отв. ред. В. В. Богданов. – Л., 1988. – Вып. 3 : Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис. – С. 107–112.
13. *Hausperger, B.* Sprachökonomie in Grammatik und Pragmatik : die Ellipse / *B. Hausperger.* – München : Utz, 2003. – IX, 327 s.
14. *Uniszewska, A.* The nature of linguistic processes determining the applicability of nominalizations applied to strings NP-COP-AP / *A. Uniszewska* // *Glottodidactica.* – 2001. – Vol. 29. – P. 139–147.

Поступила в редакцию 30.08.2022

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-2.09(1-87)

Боричевская Татьяна Геннадьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики
немецкого языка,
Минский государственный
лингвистический университет,
г. Минск, Беларусь

Tatsiana Barycheuskaya

PhD in Philology, Associate Professor
at the Department of the Theory and Practice
of the German Language,
Minsk State Linguistic University,
Minsk, Belarus
tatsiana.syraezhka@gmail.com

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫ ХАРАКТАР ЭВАЛЮЦЫІ
ЕЎРАПЕЙСКОЙ ДРАМЫEXPERIMENTAL CHARACTER OF THE EUROPEAN
DRAMA EVOLUTION

У артыкуле даследуецца драматургічны эксперымент у яго лінейным і паралельным варыянтах як неад'емны фактар развіцця еўрапейскай драмы; прасочваецца эксперыментальнае відазмяненне і пераасэнсаванне тэатральнай традыцыі тэарэтыкамі драматургіі і аўтарамі п'ес самых розных кірункаў; аналізуецца цесная сувязь драматургічнага канону, прапанаванага Арыстоцелем, і эксперыментальнай канцэпцыі драмы.

Ключавыя словы: эксперымент; лінейны; паралельны; драма; тэатр; традыцыя; развіццё; творчасць; тэорыя; класіка.

The article examines the dramatic experiment in its linear and parallel versions as an integral factor in the evolution of European drama and traces an experimental modification and rethinking of the theatrical tradition by theorists of drama and authors of plays of various literary movements.

Key words: experiment; linear; parallel; drama; theatre; tradition; development; creativity; theory; classics

Драматургічны эксперымент выступае як неад'емны фактар мастацкай эвалюцыі драмы, творчая прылада, якую аўтар ужывае, каб даць новае жыццё тэатральнай традыцыі і атрымаць магчымасць больш эфектыўна ўздзейнічаць на ўспрыняцце глядачоў. Адным з найбольш важных элементаў эксперыментальнага падыходу можа лічыцца прынцып планамернага ўздзеяння на розныя аспекты тэатральнасці, паколькі мэтанакіраванае змяненне пэўных характарыстык драмы непазбежна прыводзіць да стварэння новага ўзору п'есы. Таму драматургічны эксперымент – гэта яшчэ і спосаб дзейнага аўтарскага пазнання сусвету, спроба па-іншаму асэнсаваць класічныя праявы тэатральнасці, доказ таго факта, што яны валодаюць нейкім дагэтуль невядомым патэнцыялам, які эксперымент і дапамагае выявіць.

На працягу тысяч гадоў адзнакі эксперыментальнага падыходу ў творчасці драматурга спрыялі ўзнікненню рэвалюцыйных канцэпцый і дапама-

галі рэалізоўваць маральны абавязак аўтара. Да іх належаць планамернае вар'іраванне і камбінаванне традыцыйных элементаў драмы, іх змяненне і выяўленне ў іх раней невядомых уласцівасцяў з мэтай атрымаць якасна новы «прадукт», наватарскае стаўленне аўтара і яго прага пазнання. Гэты падыход немагчымы без шматузроўнеvasці мыслення, крэатыўнага палілогу розных традыцый і транскультурнасці як увасаблення сукупнасці ўніверсальных для чалавецтва паняццяў.

З драматургічным эксперыментам непасрэдна звязаныя такія з'явы, як *эксперыментальны тэатр* і *эксперыментальная п'еса*. Мы лічым, што эксперыментальная п'еса – гэта від літаратурнага эксперымента, а эксперыментальны тэатр – набор канцэпцый, умоў, рэжысёрскіх і мастацкіх сродкаў, неабходных для яе непасрэднай сцэнічнай апрацоўкі. Пастаноўка такой п'есы заведама ёсць творчы выклік, і нават выкарыстанне традыцыйных прыёмаў парадаксальным чынам стаецца ў яе дачыненні наватарствам.

Своеасаблівай ілюстрацыяй для абгрунтавання такой трактоўкі эксперымента з'яўляецца творчасць драматургаў Антычнасці, практычны ўклад якіх у станаўленне і развіццё нацыянальнай тэатральнай практыкі несумненны – паводле беларускага тэатразнаўцы Р. Смольскага, «многія творы гэтых волатаў сусветнай культуры карыстаюцца попытам і напрыканцы XX стагоддзя, да іх п'ес звярталіся і беларускія майстры сцэнічнай творчасці» [1, с. 7].

Антычныя аўтары паслядоўна і планамерна ажыццяўлялі пераход ад прымітыўных, «зародкавых» формаў тэатральнасці да яе класічнага канона: Арыён, Феспіс і Фрыніх стварылі базіс для з'яўлення п'ес Эсхіла, Сафокла, Еўрыпіда і Арыстафана, а тыя, у сваю чаргу, ажыццявілі сапраўдную рэвалюцыю драмы, ператварыўшы «музыкальна-архестрычную кантату, араторыю, дзе спевы і танцы хора былі звязаныя з ямбаі акцёра» [2, с. 27] у паўнаватарскія цэльны творы, які стаў прыкладам для наступных пакаленняў.

Эксперымент антычных аўтараў быў скіраваны ў будучыню і распрацоўваў самыя розныя драматургічныя аспекты: Эсхіл уводзіць у дзеянне дэўтэраганіста, Сафокл удасканальвае дыялогі і паглыбляе псіхалагічны пафас дзеяння, Еўрыпід адыходзіць ад статычнай старой драмы, дзе «хор займае празмерна вялікае месца» [3, с. 10], Арыстафан сумяшчае міфалагічныя алузіі з канкрэтным аналізам творчых сістэм Эсхіла і Еўрыпіда. Гэтае апісанне паслядоўных крокаў на шляху творчага развіцця драмы падае нам драматургічны эксперымент у «лінейным» выглядзе – як працэс мэтанакіраванага ўдасканальвання і ўзбагачэння класікі – і з дадзенага пункту гледжання эксперымент уяўляе сабой элемент традыцыйнага падмурка, «гістарычнай асновы новай еўрапейскай тэатральнай культуры» [2, с. 39].

Але абмяжоўвацца дадзеным падыходам нельга, таму што заўсёды існавалі таксама і прыклады «паралельнага» эксперымента, калі аўтары – практыкі і тэарэтыкі – дапаўнялі, відазмянялі, парадзіравалі і адмаўлялі не толькі здабыткі мінулага, але і сучасныя ім канцэпцыі (і нават уласныя погляды). Дастаткова ўспомніць дыялектычную сувязь «сур'езных» і пара-

дзійных жанраў у антычныя часы, калі першыя рабіліся для другіх аб'ектам імітацыі ці нават «Парадыйна-травестыруючага “перадражнівання”» [4, с. 421]. Як падкрэслівае беларуская літаратуразнаўца І. Шаблоўская: «Калі асноўныя погляды і пачуцці пэўнай эпохі звычайна адбіваюцца ў адпаведным узвышаным і “вялікім” літаратурным стылі, то адлюстраванне канкрэтнай штодзённай сапраўднасці адбываецца з дапамогай трывіяльнага і ўвогуле камічнага стылю» [5].

На думку знакамітага расійскага культуролага М. М. Бахціна, у гісторыі «не было ніводнага строга прамога жанру, які б не атрымаў свайго парадыйна-травестыруючага двойніка, свайой коміка-іранічнай *contre-partie*» [4, с. 419], таму, па сцвярджэнні расійскай даследчыцы В. Фрэйдэнберг, «побач з трагедыяй стаіць драма смеху і высмейвання, побач з камедыяй – драма непрыстойнасці, п'янства і распусты» [6, с. 175], а антычныя аўтары, якіх зрабілі знакамітымі эпічныя творы і высокія ідэі, стварылі і сатыравыя драмы, паказаўшы шляхам паралельнага эксперымента «той жа міф у іншым аспекце» [6, с. 175].

Доўгі працэс узаемадзеяння лінейнага і паралельнага эксперыментаў прывёў да новай канцэпцыі літаратурнай традыцыі ў XX ст., дамінуючымі прыкметамі якой, па словах расійскай даследчыцы К. А. Сцяцэнка, з'яўляюцца «страта лінейнасці традыцыі, адначасовая прысутнасць розначасовых традыцый, іх плюралістычнасць і эклектычнасць» [7, с. 80]. Так, напрыклад, беларускі літаратуразнаўца В. В. Халіпаў пры аналізе эпохальнага твору мінарытарнага тэатра Т. Стопарда (нар. у. 1937) «Разэнкранц і Гільдэнстэрн мёртвыя» (1967) даводзіць: «Падзеі драмы Стопарда і трагедыі Шэкспіра знаходзяцца па адносінах адно да аднаго у пазіцыі “дапаўнення/працягу”» [8, с. 5]; «Гамлет з галоўнага героя ператвараецца ў трэцяраднага, а Разэнкранц і Гільдэнстэрн – з трэцярадных у галоўных, гэта значыць, што па сутнасці адбываецца замена галоўнага героя, і яшчэ шырэй – гульнёвая замена “верха” на “ніз”, што бярэ свой пачатак у карнавалізацыі» [8, с. 7].

Пры гэтым «паднаўленнем» канона ці гульнёй з ім тэатральны эксперымент не абмяжоўваецца. Драматургам-наватарам непазбежна прыпісваецца жаданне разбурыць старую форму, аднак дэструкцыя рэдка з'яўляецца для іх самамэтай, яны імкнуцца стварыць нешта якасна новае: як сцвярджае вядомы даследчык тэатра абсурду М. Эслін, «вытокі грэчаскай трагедыі дагэтуль канчаткова не высветленыя <...>, але вытокі нейкай эстэтыкі могуць быць колькі заўгодна адвольнымі – пасля таго, як зроблены першы адвольны крок, на яго аснове ўзнікае ўжо самастойнае збудаванне з зусім не адвольных правілаў, якія залежаць ад базіса адпаведнага эксперымента, апасродкаванага псіхалогіяй і спецыфікай успрымання» [9, с. 15].

У выніку грэчаская драма ператварылася ў канон, дзе «форма раўназначна зместу, а змест раўназначны форме <...>, але зрабіць з “Рамэа і Джульеты” мюзікл – не значыць разбурыць форму, гаворка, хутчэй, ідзе пра натхнёнасць старым мастацкім творам, пра традыцыйную методыку» [10, с. 13]. І таму, па сведчанні стваральніка канцэпцыі «постдраматычнага

тэатра» Х.-Т. Лемана, намаганні авангардыстаў, экзістэнцыялістаў, і, часткова, абсурдыстаў былі скіраваныя, хутчэй, на «ўратаванне тэатральнага тэксту і яго ісціны ад знішчэння праз тэатральную практыку, што зрабілася занадта канвенцыянальнай» [10, с. 22].

Такім чынам, сэнс эксперыменту не ў разбурэнні канона, а ў пошуку іншага спосабу ўздзеяння на гледача, у магчымасці адчыніць традыцыі шлях у будучыню праз альтэрнатыўнае ўспрыманне рэчаіснасці. Але каб высветліць, як адбываецца гэты пошук, якія фактары абумовілі сучасную драматургічную паліфанію, і якія палажэнні стваральнікаў кананічнай тэарэтычнай канцэпцыі драмы сталіся потым глебай для драматургічных эксперыментаў, патрабуецца экскурс у гісторыю класічных вучэнняў аб драме – на іх прыкладзе бачна, наколькі значным быў эксперыментальны падыход для плённага развіцця і ўдасканалення феномена драматургіі ў яе тэарэтычным і практычным увасабленні.

На жаль, як канстатуе і вядомы савецкі літаратуразнаўца А. А. Анікст, да нашага часу не дайшлі выказванні антычных драматургаў па тэарэтычных пытаннях: «Сачыненне аб хоры» Сафокла, дзе той, як мяркуецца, абгрунтаваў свой погляд адносна правілаў стварэння трагедыі, толькі згадваецца ў творах іншых аўтараў. Таму мы, як і большасць даследчыкаў, звяртаемся па звесткі да працы Арыстоцеля Стагірыта (384 г. да н. э. – 322 г. да н. э.) «Аб мастацтве паэзіі», што падагульняе ўсе дасягненні антычнай думкі ў гэтай галіне.

Менавіта замацаваныя Арыстоцелем пастулаты сталіся пазней аб'ектам крытыкі для авангардыстаў, не здолеўшых, аднак, адмовіцца ад іх цалкам: аўтары-наватары заўсёды захоўваюць сувязь з класічнай канцэпцыяй, і пры гэтым магчымасць эксперыменту застаецца нават у тэкстах драматургаў, якія найбольш змагаліся за канон. Напрыклад, Арыстоцель сам быў супраць некаторых традыцыйных для яго эпохі драматургічных элементаў: так, грэчаскі філосаф лічыў, што «верагодна толькі магчымае» [3, с. 23], і абвясціў улюбёны тэатральны прыём антычных аўтараў «Deus ex machina» непатрэбным як выключна знешняю прыладу неверагоднай развязкі (гэты падыход выклікаў пазнейшыя іранічныя адносіны крытыкаў да згаданага сцэнічнага сродку).

Канцэпцыя Бога-з-машыны таму настолькі чужая арыстоцелеўскай тэорыі драмы, што гэтая тэорыя пабудавана на ідэі мімесіса, імітацыі. І вядома, што вышэйшым відам паэзіі, «імітацыяй дзеяння завершанага і цэлага, што мае вядомы аб'ём, <...> пачатак, сярэдзіну і канец» [11, с. 480], філосаф лічыў трагедыю. Камедыя ў першай частцы «Паэтыкі» закранута толькі фрагментарна, аднак менавіта ў жанры камедыі Арыстоцель дапускаў наяўнасць фантастычных элементаў. Такім чынам, якраз камедыёграфу філосаф дазваляў больш варыятыўны – ці эксперыментальны – падыход да рэчаіснасці.

У адрозненне ад камедыі, канцэпцыя трагедыйнага была распрацавана вельмі дэталёва, ад агульнай кампазіцыі да аксіялагічнага значэння дзеяння.

І ў выніку філосаф прыходзіць да тых прынцыпаў класічнай драмы, якія потым стануць аб'ектам пакланення класіцыстаў і крыніцай эксперыментальных пародый XX стагоддзя. Нельга забываць аднак, што, па сведчанні М. Эсліна, магчымасці старажытнагрэчаскай трагедыі абумовіла спецыфіка яе формы, і хоць форма гэтая цалкам адпавядала зместу – «але толькі менавіта таму зместу» [9, с. 15], і тым умовам, якіх мусіў прытрымлівацца кожны антычны драматург.

Пазнейшыя прыхільнікі класіцыстычнай тэорыі трох адзінстваў (да арыстоцэлеўскага адзінства дзеяння былі дададзены адзінствы месца і часу) Ж. Скалігер (1484–1558), Н. Буало (1636–1711) і Фр. Д'Абіньяк (1604–1676) ігнаравалі гэты просты факт, і «прынцыпы, якія былі выведзены а posteriori з існуючых мастацкіх твораў, былі ўзнятыя да апрыйёрных законаў» [9, с. 15]. Фармалісцкі падыход класіцыстаў прывёў да своеасаблівага «застою» і патрабаваў тэрміновага абнаўлення, магчымага толькі праз эксперымент, які суправаджаў развіццё арыстоцэлеўскай тэорыі драмы на працягу ўсяго яе існавання ў выглядзе шматлікіх лінейных і паралельных тэндэнцый.

Ужо старажытнарымскі паэт Квінт Гарацый Флак (65 г. до н. э. – 8 г. да н.э.), чый твор «Пасланне да Пізонаў» («Epistola ad Pisones», пазней «Ars poëtica») стаў потым «узорам для творцаў нарматыўных паэтык у духу класіцызму» [3, с. 72], у пэўных момантах адыходзіць ад прынцыпаў арыстоцэлеўскай тэорыі: ён звяртае значна больш увагі на форму, яго паэтыка нарматыўная і дагматычная. З большага, аднак, Гарацый працягвае тую лінію развіцця тэорыі драмы, якую пачаў Платон і падхапіў Арыстоцель – гэта значыць, ідзе шляхам лінейнага ўдасканалвання класікі.

Потым, у часы Сярэднявечча, у згоднасці з амбівалентнай і сацыяльна-культурнай прыродай эксперымента, на фоне адмаўлення язычніцкай антычнасці даследчыкі абвяргаюць арыстоцэлеўскія пастулаты і разважаюць аб трагічным і камічным незалежна ад іх драматургічных вытокаў. Сярэднявечны тэатр паралельна стварае ўласныя жанры (напрыклад, алегарычныя маралітэ) і замацоўвае за камедыяй яе «дантаўскае» разуменне – «пачатак змрочны, а канец шчаслівы» [3, с. 94], што адпавядае тагачаснай ідэалогіі царквы і феадалізму.

Тэарэтыкі эпохі Адраджэння прагнуць звароту да Антычнасці, але абапіраюцца пры гэтым ужо на два каноны – арыстоцэлеўскі і канон Гарацыя. Як гэта потым будзе адбывацца не раз, абодва каноны зліваюцца і ствараюць аснову для новай канцэпцыі, адным з базавых элементаў якой стаецца тэорыя трох адзінстваў, што «паступова выкрышталізоўвалася ў Італіі на працягу XVI стагоддзя» [3, с. 121].

Пры гэтым у тэатральным свеце назіраецца і паралельнае развіццё – узнікае «складаны і дваісты» [3, с. 130] стыль ман'ерызм, у межах якога «адбываецца ўнутраная барацьба паміж традыцыйнымі і наватарскімі элементамі» [3, с. 130]. Нават адзін са значных тэарэтыкаў рэнесанснага класіцызму італьянец Дж. Чынціа (1504–1573) не пазбягае ў сваёй крывавай трагедыі «Арбека» (1541) тыпова ман'ерысцкіх перыпетый і адсутнасці

гармоніі. Ман’ерызм – адначасова антаганістычны класіцыстычнай тэорыі і непарыўна з ёй звязаны, глыбока эксперыментальны па сваёй сутнасці стыль – здолеў аказаць вялікае ўздзеянне на развіццё такіх змешаных жанраў, як трагікамедыя і іраікамічная паэма, у ім даследчыкі шукаюць вытокі нават некаторых феноменаў сучаснай постмадэрнісцкай культуры.

Такім чынам, па сведчанні А. А. Анікста, «трыумф ідэі класіцызму не быў ні паўсюдным, ні ўсеабдымным» [3, с. 211]: у Францыі XVII ст. ішла няспынная барацьба паміж рознымі напрамкамі і тэндэнцыямі. І ў творах трох славурых драматургаў тых часоў – П. Карнэля (1606–1684), Ж. Расіна (1639–1699) і Мальера (Жан Батыст Паклен, 1622–1673) назіраюцца шматлікія эксперыментальныя адхіленні ад строгіх акадэмічных рамак. Менавіта здольнасць нестандартна паглядзець на тэатральны працэс і патрабаванні канона зрабіла іх п’есы настолькі выбітнымі.

Працэс развіцця тэатральнасці няспынны, і ўжо ў наступным стагоддзі, у часы Асветніцтва, нараджаецца новая тэорыя драмы, «па сваім значэнні роўная таму перыяду класічнай старажытнасці, што адметны дзейнасцю Арыстоцеля» [3, с. 280]. Тэатральная сцэна з’яўлялася ў той час сапраўднай ідэалагічнай платформай, з якой аўтар п’есы дэманстраваў натоўпу сваё бачанне маралі і ўзорных паводзінаў. Практыка патрабавала новай тэорыі, і створаная Готхальдам Эфраімам Лесінгам (1729–1781) асветніцкая тэорыя драмы – гэта сапраўдны філасофскі эксперымент, смелы і рашучы ў сваім наватарстве і крытычным настроі. У працах «Лаакаон ці Аб межах жывапісу і паэзіі» (1766) і «Гамбургская драматургія» (1769) класіцыстычная драматургічная канцэпцыя і некаторыя пазіцыі базавай для яе арыстоцелеўскай тэорыі былі аспрэчаныя, перагледжаныя і дапоўненыя.

Паколькі ў працэсе эксперымента важна падтрымліваць сувязь з ранейшымі «напрацоўкамі», Г. Э. Лесінг таксама звяртаецца да ідэі аб перайманні (але выступае супраць аднабаковасці і механістычнасці). Як і Арыстоцелю, Г. Э. Лесінгу ўласцівы рацыяналістычны падыход, ён лічыць, што характар героя павінен быць тыповым і раскрывацца ў дзеянні. Класічным тэзісам Лесінга аб тым, што «тыпізацыя і адлюстраванне нораваў з’яўляюцца законам для ўсіх відаў драмы» [3, с. 357], кіравалася не адно пакаленне прадстаўнікоў рэалістычнага метаду ў мастацтве, а пастулат «драматург павінен зыходзіць не з характараў, якімі яны здаюцца тады, калі няма канфлікту, а менавіта з таго, як яны праяўляюць сябе ў працэсе жыццёвай барацьбы» [3, с. 353] у XX ст. дэталёва распрацуюць экзистэнцыялісты Ж.- П. Сартр (1905–1980) і А. Камю (1913–1960). Але асветнікам таксама «трэба было вырашаць задачы, не прадугледжаныя Арыстоцелем» [3, с. 281], і ў выніку лінейнай эксперыментальнай «апрацоўкі» класічнай тэорыі Г. Э. Лесінг удасканаліў арыстоцелеўскую этычную канцэпцыю катарсісу і рашуча раскрытыкаваў краевугольны камень тэорыі класіцыстаў – правіла трох адзінстваў.

Уплыў працы «Гамбургская драматургія» на развіццё нямецкай літаратурнай думкі ў цэлым і тэорыі драматургіі ў прыватнасці несумненны.

Асабліва ярка гэта праявілася ў эстэтычных поглядах Г. В. Ф. Гегеля (1770–1831): у яго ўяўленні арыстоцэлеўскі канон драмы зноў відазмяняецца і набывае нязвыклія характарыстыкі. Пры гэтым Гегель таксама ідзе шляхам лінейнага развіцця антычнай тэорыі драмы – у працы «Тэорыя драмы ад Гегеля да Маркса» (1983) А. А. Анікст сцвярджае, што вучэнне аб драме Гегеля завяршае вялікую паласу, пачатую Арыстоцелем, а Х.-Т. Леман называе эстэтыку Гегеля «вяршыняй развіцця арыстоцэлеўскай традыцыі» [10, с. 63]. І, як любое развіццё, такі значны крок быў немагчымы без эксперыментальнага падыходу да класічных палажэнняў, іх пераасэнсавання і свядомага вар’іравання.

Як і антычны філосаф, Гегель быў тэарэтыкам, а не практыкам, што дазволіла яму ў выніку «надаць сваёй тэорыі ўніверсальны характар» [10, с. 28]. Супадае і іх ідэалістычнае разуменне драмы і прынцыпа яе ўнутранага адзінства. Гегель часткова падзяляе погляды Арыстоцеля і Лесінга на мімесіс, але ўжо ў дачыненні арыстоцэлеўскага пастулата аб другаснасці характараў па адносінах да дзеяння Гегель ідзе далей і набліжаецца да экзистэнцыялісцкага светаўспрымання: «Аснову драмы складае тое, што герой змагаецца і супрацьпастаўляе сябе іншым людзям» [3, с. 82]. Асветніцкаму гуманістычнаму пункту гледжання Гегель супрацьпастаўляе ідэю аб камічным, якое «разыгрываецца, хутчэй, сярод ніжэйшых саслоўяў» [12, с. 114], і падкрэслівае: «Ужо ў антычнай камедыі камізм сітуацыі ўсведамляецца не толькі гледачамі, але і самімі персанажамі» [12, с. 115]. Такі падыход у XX ст. знойдзе сваё развіццё ў спробе аўтараў-авангардыстаў з’яднаць акцёраў і глядзельную залу.

Лесінг і Гегель правялі антычную тэорыю драмы праз шэраг эксперыментальных метамарфоз, і іх працы мелі для эвалюцыі драматургічнага канона – ад асветніцкага класіцызму праз асветніцкі рэалізм да класіцызму новага тыпу – выключнае значэнне: кожны аўтар дадаў сваё бачанне драмы, якое сучаснікі лічылі безумоўным наватарствам. Так, у працэсе эксперыментальнага дапаўнення і мадэрнізацыі першаснай арыстоцэлеўскай тэорыі была створана новая тэорыя – фундаментальны філасофскі і эстэтычны базіс для далейшага развіцця драматургіі і тэатразнаўства ў XIX стагоддзі.

Вытокі рэвалюцыйнай у сваім абнаўленчым пафасе творчасці драматургаў-рамантыкаў ляжаць не толькі ў сентыменталізме і плыні «Sturm und Drang». Само існаванне славаў антытэзы «класіцызм–рамантызм» парадасальным чынам даказвае: адзін не мог узнікнуць без другога. Традыцыя – база для наватарства, спачатку трэба акумуляваць неабходную колькасць ідэй і перакананняў, каб тыя здолелі ператварыцца ў якасна новую фармацыю.

Рамантызм з яго глыбока эксперыментальным сінкрэтычным падыходам да жанраў, гратэскавасцю, зваротам да фальклору, гераічным пафасам, а пазней і фаталізмам, з яго візуалізацыяй глыбокіх пачуццяў імкнуўся ажывіць тэатр і супрацьпаставіць новую тэарэтычную плынь філасофіі Асветніцтва, якая з часам зрабілася не менш дагматычнай, чым класіцызм.

Рамантызм падараваў гісторыі драматургіі шмат узораў неадназначных наватарскіх п'ес, здольных выклікаць сапраўдны катарсіс, аб якім пісалі Арыстоцель, Лесінг і Гегель.

Напрыклад, псіхалагізм распрацоўкі характараў у драме нямецкага драматурга Г. Бюхнера (1813–1837) «Войцэк» (1837) дагэтуль выклікае спрэчкі даследчыкаў: твор лічыцца адначасова ўзорам рамантычнай п'есы і адной з першых рэалістычных драм, а даследчыкі XX ст. называюць яго першым прамадэрнісцкім творам. Яшчэ адзін нямецкамоўны аўтар, Л. Іаган Цік (1773–1853), выкарыстоўвае ў сваёй п'есе-казцы «Кот у ботах» (1797) шэкспіраўскі прыём «тэатр у тэатры»: ён дазваляе акцёрам на сцэне абмяркоўваць уласныя ролі і іранізуе тым самым над класікай тэатральнасці.

У межах эксперыменту з класікай тэатральнасці рамантыкі звяртаюцца да глыбока архаічных формаў сярэднявечнай містэрыі і ствараюць п'есы, якія немагчыма ўявіць на сцэне. Менавіта тады набывае папулярнасць так званая «драма для чытання», чый феномен знойдзе потым сваё паўтарэнне ў XX ст. Яскравы прыклад такой драмы – апошняя рэдакцыя «Фаўста» (1832) І. В. Гётэ (1749–1832), адлюстраванне эвалюцыі поглядаў вялікага нямецкага аўтара, яго шляху ад шцюрмерства і веймарскага класіцызму да тыпова рамантычнага твору, адзін з узораў паралельнага эксперыменту ў яго шматграннай творчасці.

Рамантыкі стварылі ўласны канон, але, як і папярэднія, той зусім не быў самадастатковым. Заўсёды прыходзіць момант, калі межы рэвалюцыйных для пэўнага часу тэарэтычных пастулатаў драмы робяцца занадта вузкімі для тэатральнай практыкі. Напрыклад, п'есы французскага драматурга А. Э. Скрыба (1791–1861) – вадэвільныя па сваёй сутнасці, а з рамантызмам звязаны толькі сюжэтам, у чым праяўляецца мэтанакіраваны жанравы эксперымент. Менавіта А. Э. Скрыб і яго паслядоўнікі, «майстры “добра зробленай драмы”, авалодалі рэпертуарам усіх стран Еўропы» [13, с. 6], а такія творы Скрыба, як «Шлянка вады» (1840) і «Адрыяна Лекуврэр» (1849) паўплывалі на творчасць заснавальніка еўрапейскай «новай драмы» Г. Ібсена (1828–1906). У другой палове XIX ст. зноў назіраецца мэтанакіраваная эксперыментальная ломка драматургічнага канона: рамантызм разбураў догмы класіцызму і «праклаў новыя шляхі, але не стварыў рэпертуару» [13, с. 6], досыць цікавага для буржуазнай публікі, і быў выціснуты рэалізмам. Той, у сваю чаргу адштурхоўваючыся ад класікі, эксперыментальна пераасэнсаваў мастацкія дасягненні рамантыкаў у галіне жанравай і моўнай разнастайнасці драмы, узбагачэння сцэнічных сродкаў і дэмакратызацыі герояў, дзякуючы чаму і здолеў прывабіць шырокага глядача.

Эксперыментальны рух заўсёды паліфанічны і шматвектарны. Побач з рэалізмам ішоў – і нават час ад часу зліваўся з ім – натуралізм (напрыклад, псіхалагічны натуралізм А. Стрындберга (1849–1912) ці натуралістычная драма Э. Залы (1840–1902)), а напрыканцы XX ст. адбываецца перараджэнне рамантычнага канона ў творчасці неарамантыкаў-імпрэсіяністаў, адным з самых значных прадстаўнікоў якіх быў аўстрыйскі драматург і пісьменнік Г. фон Гофмансталь (1874–1929).

Такім чынам, класічны драматургічны канон, упершыню замацаваны Арыстоцелем, з самага пачатку праходзіць бесперапынны працэс перасэнсавання, дапаўнення і эксперыментальнай трансфармацыі, але ўсё ж доўгі час захоўвае асноўныя элементы сцэнічнай архітэктонікі антычнай драмы – дзеянне, тыпізацыю характараў, дыялог, мізансцэну. І толькі ў XX ст. гэтыя элементы былі рэвалюцыйным чынам перагледжаныя і перапрацаваныя ў якасна новы падыход да паняцця *драматургія*.

ЛІТАРАТУРА

1. *Смольскі, Р.* Тэатр у прасторы часу : Мастацтвазнаўчыя артыкулы, рэцэнзій, творчыя партрэты / Р. Смольскі. – Мінск : Маст. літ., 1998. – 255 с.
2. Греческая трагедия. Учебное пособие для педагогических институтов / А. Ф. Лосев [и др.]. – М. : Гос. учеб.- пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1958. – 203 с.
3. *Аникст, А. А.* Теория драмы от Аристотеля до Лессинга : История учений о драме / А. А. Аникст. – Москва : Наука, 1967. – 455 с.
4. *Бахтин, М. М.* Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1979. – 424 с. – (Из истории сов. эстетики и теории искусства).
5. *Шаблоўская, І. В.* Драма абсурду ў славянскіх літаратурах і еўрапейскі вопыт. Тыпалогія. Тыпалогія. / І. В. Шаблоўская. – Мінск : Бел. дзярж. ун-т. 1998. – 20 с.
6. *Фрейдэнберг, О. М.* Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейдэнберг. – М. : Лабиринт, 1997. – 448 с.
7. *Стеценко, Е. А.* Концепция традиции в литературе XX века / Е. А. Стеценко // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. – ИМЛИ РАН, 2002. – С. 47–82.
8. *Халипов, В. В.* Постмодернистские деконструкции «Гамлета» Шекспира в драматургии Тома Стоппарда : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05 / В. В. Халипов. – Минск : Бел. гос. ун-т., 1997. – 18 с.
9. *Esslin, M.* Jenseits des Absurden: Aufsätze zum modernen Drama / M. Esslin. – Wien : Europaverlag, 1972. – 293 S.
10. *Lehmann, H.-Th.* Postdramatisches Theater / H.-Th. Lehmann. – Frankfurt am Main : Verlag der Autoren, 2008. – 507 S.
11. Хрестоматия по античной литературе. / сост. Н. Ф. Дератани, С. П. Кондратьев, Н. А. Тимофеева. – М. : Просвещение, 1965. – Т. 1. Греческая литература. – 680 с.
12. *Гегель, Г. В. Ф.* Эстетика : В 2 т. / Г. В. Ф. Гегель. – 2-е изд., стер. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – Т. II. – 604 с.
13. *Аникст, А. А.* Теория драмы от Гегеля до Маркса / А. А. Аникст. – М. : Наука, 1983. – 288 с.

Поступила в редакцию 30.09.2022

Рогачевская Марина Станиславовна

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры зарубежной литературы
Минский государственный
лингвистический университет,
г. Минск, Беларусь

Marina Ragachewskaya

Habilitated Doctor of Philology,
Professor at the Department
of World Literature,
Minsk State Linguistic University,
Minsk, Belarus
marinaragachewskaya@gmail.com

«ВЛЮБЛЕННЫЕ ЖЕНЩИНЫ» В ЛОНДОНЕ
(исследование лондонской богемы в романе Д. Г. Лоуренса)

WOMEN IN LOVE AND IN LONDON
(a Study of London Bohemia in D. H. Lawrence's Novel)

В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с прототипами и топосом романа Д. Г. Лоуренса «Влюбленные женщины»: связь биографии писателя и сюжетных сцен романа, образ лондонской богемы начала XX в., сопоставительный анализ реальных людей и их художественных двойников, образ Лондона и кафе «Роял». Делается вывод о том, что лондонская богема является катализатором социальной эмансипации главной героини и разрушения моральных границ. Однако автор сумел имплицитно утвердить моральные ценности личности на фоне послевоенного хаоса.

Ключевые слова: Д. Г. Лоуренс; «Влюбленные женщины»; лондонская богема; кафе «Роял»; биографический; послевоенный.

The article deals with a number of issues related to the prototypes and topos of D. H. Lawrence's novel *Women in Love*: the connection between the writer's biography and scenes of the novel, the image of the London bohemia of the early twentieth century, a comparative analysis of real people and their fictional counterparts, the image of London and the Café Royal. It is concluded that the London bohemia serves as a catalyst for the social emancipation of the main character and the destruction of moral boundaries. However, the author managed to implicitly affirm the moral values of the individual against the backdrop of post-war chaos.

Key words: D. H. Lawrence; *Women in Love*; *London bohemia*; *Café Royal*; *biographical*; *post-war*.

Given the factual biographical connections that hold together D. H. Lawrence's mental and emotional perception of London and his literary evocation of this city, one tends to read London-based scenes and London-related characters as this unmistakable direct link. London, with its complex and tangled life that puzzled and disconcerted Lawrence so much, is undoubtedly at the core of the metropolis-related scenes in *Women in Love* (1920).

I will offer my reading of a group of characters in *Women in Love* who make up a sort of sub-cultural cluster, an artistic bohemia. Besides identifying the objective correlatives that link these characters with their flesh-and-blood prototypes, I also pay attention to the typicality of the collective image of the London bohemia during and immediately after the war years – the aspect that

historicizes the way London, with its Café Royal, shaped Lawrence's novel *Women in Love*. Finally, I focus on Lawrence's purely subjective brush strokes in the characters' portrayal, which can throw light on the distortions, modifications and personal grudges he might have held against the more posh and less restrained members of fashionable circles.

Renowned Lawrence critics (David Ellis, Neil Roberts, Harold Bloom and others) have offered a number of references to the parallels between Lawrence's life experience, his involvement in London's bohemian parties and the scenes in *Women in Love*. In particular, David Ellis mentions Lady Ottoline's country house in Garsington as "a meeting place for numerous artists and thinkers, united for the most part in their opposition to the war" [1, p. 56]. Lawrence often congregated among the famous Bloomsbury group, however, as Paul Delaney explains, the reasons for Lawrence's breaking up with this artistic group include his vehement criticism of Duncan Grant's paintings, "but worse yet was its admixture with the homosexuality that linked many members of the Bloomsbury set" [2, p. 50].

Hence the tone that underlies the London bohemian scenes in *Women in Love* is saturated with bitter sarcasm. Neil Roberts pointed at the distinct opposition between Birkin and the London artists' group: "It is very important that Birkin stands out as an individual, not as a member of a group, so he labels the characters we are to meet in London as 'pettifogging' and 'calculating'" [3], thus highlighting the main pivot in the novel's imagery.

The issue of prototypes for the novel's heroes has been addressed by a number of scholars. John Worthen claims that at least twelve people might have found recognizable versions of themselves or their family members in the book: Heseltine, Minnie Lucy Channing, Ottoline and Philip Morrell, Louie Burrows and the Burrows family, Thomas Philip Barber and members of the Barber family, John Middleton Murry, Maxim Litvinov, Bertrand Russell, William Henry Hocking, Anne Estelle Rice, Gordon Campbell, and Eleonora Duse [4]. The Café Pompadour corresponds to the Café Royal, and, as Philip M. Weinstein observes, "'Creme de Menthe' is one of the chapters in *Women in Love* that best display[s] the era's belly" [5, p. 116], alluding here to Lawrence's expression in "The Crown" – "We roam in the belly of our era" [6, p. 255].

The Café Royal was a far too famous place to miss, and hosted at certain times Oscar Wilde, Virginia Woolf, D. H. Lawrence, Winston Churchill, George Bernard Shaw and other literary, political and artistic celebrities. In 1907, Arthur Ransome in his book on London Bohemia, pointed out: "Of course, in London too, there are people who are Bohemians for fun, but not so many, because the fun in London is not an organized merriment that anyone may enjoy who can pay for it. Visitors to London do not find, as they do in Paris, men waiting about the principal streets, offering themselves as guides to Bohemia. The fun is in the life itself, and not to be had less cheaply than by living it" [7, p. 5].

Max Beerbohm, on first entering the Café Royal, had exclaimed "This indeed is life!" [8, p. 102]. Verlaine adored the Café, too. Deghy and Waterhouse remark that "Shaw sometimes dined there but avoided bohemian society. D. H. Lawrence

detested and satirized it viciously” [9, p. 152–155]. The war years had a certain embittering effect on this milieu: “the social and artistic tone of London life changed significantly” [10, p. 113]. These changes, especially affecting the inner controversies and competitiveness are visible in Lawrence’s treatment of the Bohemian life.

The London bohemian group in Lawrence’s novel are *painters, musicians, writers – hangers-on, models, advanced young people, anybody who is openly at outs with the conventions, and belongs to nowhere particularly. They are often young fellows down from the University, and girls who are living their own lives, as they say* [11, p. 60]. Individually, they are Halliday, the Pussum and Maxim, the young Russian man, and Loerke, a bohemian German artist, all of whom reflect a certain circle of Lawrence’s friends and associates, hence, historical and biographical references come in handy. The above-mentioned artistic personae may roughly be related to the prototypical real-life characters. Thus, Philip Heseltine (also, Peter Warlock) threatened to take legal action against M. Secker for Lawrence’s libelous – as he believed – portrait of him as Julius Halliday.

Loerke, as M. Squires and K. Talbot state, “borrows surface features from the painter Mark Gertler (1892–1939) – as others have noted – but ... underneath, surprisingly recreates [Otto] Gross” [12, p. 169], Frieda’s German lover, her experience Lawrence had never forgotten. As the biographers note, Loerke is “a strangely perverse version of Gross” [ibid.]. The actual prototype was in a troublesome relationship with his own father, embodied recklessness and instability, had a homosexual experience and was treated by S. Freud and C. G. Jung. In the novel, Loerke’s sense of a new life fascinates Gudrun. However, his rather cruel and meandering nature leads Birkin to the conclusion: *almost like a criminal* [11, p. 196]. Neil Roberts writes about Loerke: “When [he] asserts that ‘machinery and the acts of labour are extremely, maddeningly beautiful’ <...>, he is speaking with the voice of Italian Futurism whose most prominent spokesman, Filippo Marinetti, Lawrence had cited when trying to explain his new approach to the novel in 1914 <...>. When Loerke contemptuously insists to Ursula that the horse in his sculpture is ‘a piece of form’ that has ‘no relation to anything outside that work of art’ <...>, he reflects the views of the critic Clive Bell, who was instrumental in introducing Post-Impressionist art <...> to Britain in the years immediately before the war” [3]. Besides, as John Bullen hints, “the similarity between [the portrait] of Loerke and the portrait of Moest painted in 1912 by his friend Robert Seuffert is very strong” [13, p. 7].

Minnie Lucy Channing (Halliday’s wife), called “Puma” among her friends, appears as the artist Halliday’s model, the Pussum, and Maxim Litvinov¹, the

---

¹ Maxim Litvinov was a leading Bolshevik revolutionary from the opening decade of the century, when, like so many, he was exiled from his Russian homeland. He came to London in 1908 and was adopted by the Fabians of the Bloomsbury set (which is likely where he first met Ivy) (J. D. Bernal: *The Sage of Science*. Contributors: Andrew Brown – Author. Publisher: Oxford University Press. Place of publication: Oxford, England. Publication year: 2006. Page number: 117).

revolutionary exile and future Russian diplomat whom Ivy Low married in 1916 – as the young Russian Maxim Libidnikov. Little is known why this character hangs around with the bohemian group. However, as a future Soviet representative in the League of Nations, Maxim M. Litvinov was an ardent advocate of peace and disarmament, of which he often spoke at various political conferences, proclaiming amid the general Soviet propagandistic stuff: “What is required is to find a way for putting an end to war” [14, p. 82]. So, objectively, this stance resonates with Lawrence’s loathing of war.

Stating the novel’s characters’ resemblance with the actual individuals is only the first step in the recreation of the broader image of the London bohemia. The second perspective from which to study these characters is to locate them both in the novel’s chronotope and the historical time of intense artistic competition and opposition of the urban to the rural minds, reenacted on the venue of the Café Pompadour (Royal). Typification of the artistic circles in Lawrence’s novel takes place easily and predictably. In the fundamental study of this subject, Peter Brooker reports many typical features of the Bohemia in London, among which – the view of bohemian cafes as the “disreputable domain of artists and artist types” [10, p. 103]. Brooker also points out that “cafes were places to parade, be seen and hold court, to plot and plan, to write and edit in, and places to paint” [10, p. 115]. Weinstein, commenting on such a typical place as one of the novel’s settings, expounds: “London Bohemia, with its ‘very thorough rejectors of the world,’ frequents the Café Pompadour; and though these avantgardists seek to be free of convention; they remain, as Birkin tells Gerald, ‘for all their shockingness, all on one note.’ Their repudiation of respectability has not brought freedom but merely exchanged one social code for another; Lawrence finely conveys the fixed, foreclosed quality of their motions” [5, p. 116].

The café in Piccadilly Circus in the novel appears as a place, perhaps, like many others, but the writer’s personal resentment of the urbanistic milieu is projected onto this assembly that plays its transformative role, however, in the life of the major female characters. Lawrence’s subjectivity in perceiving the Café’s atmosphere lies in its description through Gerald’s unsophisticated mind: *Gerald went through the push doors into the large, lofty room where the faces and heads of the drinkers showed dimly through the haze of smoke, reflected more dimly, and repeated ad infinitum in the great mirrors on the walls, so that one seemed to enter a vague, dim world of shadowy drinkers humming within an atmosphere of blue tobacco smoke. There was, however, the red plush of the seats to give substance within the bubble of pleasure* [11, p. 62].

Unlike those who saw “indeed life” in Café Royal, Gudrun’s and Birkin’s (and Lawrence’s as well) reactions were the opposite. *I feel I could NEVER see this foul town again – I couldn’t BEAR to come back to it* [11, p. 386], exclaims Gudrun following one of those meetings, thus summing up her vehement judgment of the London bohemia with whom she had been congregating for a while. Birkin also declares: *“I’m tired of the people I am bound to find there...London*

Bohemia – the most pettifogging calculating Bohemia that ever reckoned its pennies. But there are a few decent people, decent in some respects. They are really very thorough rejecters of the world – perhaps they live only in the gesture of rejection and negation – but negatively something, at any rate” [11, p. 60].

Gudrun, however, is as if under the Freudian repetition compulsion, when a person repeats a traumatic event or its circumstances over and over again: *Gudrun hated the Café, yet she always went back to it, as did most of the artists of her acquaintance. She loathed its atmosphere of petty vice and petty jealousy and petty art. Yet she always called in again, when she was in town. It was as if she HAD to return to this small, slow, central whirlpool of disintegration and dissolution: just give it a look* [11, p. 380].

There is an objective reason to be cited: in 1916, in September, Lawrence learned from Koteliansky “that some Café Royal habitués had sat mocking his *Amores* poems until Catherine Mansfield boldly intervened” [12, p. 57]. On another occasion, celebrating his return to London in the said café, Lawrence started to “recruit” friends to his Rananim project, felt unwell and fainted right at the table. Being carried in a taxi to a flat and put to bed was the moment of unheard of embarrassment, especially for someone as sensitive as Lawrence.

Lawrence’s irony and antipathy towards the place and the group, however, are not univocal: a complex discursive variety of verbal means features in the descriptions of people and the reproduction of their dialogues. The first prominent scene that highlights Lawrence’s revisionary reconsideration of gender relations catches into focus the awkward meeting of the Pussum and Halliday, after he got his fill of her as a model and lover and forbade her from leaving the countryside. Lawrence’s unsympathetic attitude to the patriarchal patronizing treatment of women is felt even from the description of Halliday, with his *high, hysterical voice*, changing into a squeal, with Birkin playing the girl’s advocate (*She comes as she likes*) [11, p. 66]. This definitely reflects what Brooker describes: “Unattended women at the Café Royal were either, with some ambiguity, dancers, artists, models, or prostitutes” [10, p. 103].

For all this, Lawrence expresses his warm sympathy towards Pussum, frankly stating the natural beauty and simplicity which appeal to Gerald so strongly: *At Birkin’s table was a girl with dark, soft, fluffy hair cut short in the artist fashion, hanging level and full almost like the Egyptian princess’s. She was small and delicately made, with warm colouring and large, dark hostile eyes. There was a delicacy, almost a beauty in all her form, and at the same time a certain attractive grossness of spirit, that made a little spark leap instantly alight in Gerald’s eyes* [11, p. 62]. *Her appearance was simple and complete, really beautiful, because of her regularity and form, her soft dark hair falling full and level on either side of her head, her straight, small, softened features, Egyptian in the slight fulness of their curves, her slender neck and the simple, rich-coloured smock hanging on her slender shoulders* [11, p. 65].

The evident indecency in Halliday's behaviour, his meanness and crudeness sets off the fact of Pussum's reputation, occupation or social demise. However much Pussum strives to ascertain her own independence, her power and emancipation, she still embodies the type, which Lawrence scorns so adamantly, with relentless sneering in "Give Her a Pattern". The bohemian milieu remains the "men's world", and the artist Halliday with his own *soft, rather degenerate face, with a warm corrupt nature* [11, p. 65] is able to produce this very type: an "eternal secret ideal of men – the prostitute" [15, p. 163]. An ironic combination of Pussum's *babyish pronunciation, her smallness, delicacy and childish immediacy and something curiously indecent, obscene* [11, p. 382], for Gerald, turns out to be *sickening beyond words* [11, p. 382].

Halliday is a curious creation, possessing almost in equal degrees the arrogance of a bohemian artist and the naiveté and childish simplicity. He can be spiritually cruel, yet sociable and kind – for taking a destitute Hindu man into his service and for putting up people in his London flat. At a certain point, he even voices Lawrence's own worldview when posing naked in the company of his male companions: "*Oh – one would FEEL things instead of merely looking at them. I should feel the air move against me, and feel the things I touched, instead of having only to look at them. I'm sure life is all wrong because it has become much too visual—we can neither hear nor feel nor understand, we can only see. I'm sure that is entirely wrong*" [11, p. 78].

A combination of violence and sexual titillation hovers around the actions and the place where the artists get together. The Pussum stabs a young man in the café, and the men go around naked in each other's company, the girl is almost openly there for "sale", and Gerald nearly gets involved in an ugly fight. This only reinforces the novel's underlying struggle: between the power of love and love of power. *He knew the Pussum was merely glad to be rid of him. She had got her Halliday whom she wanted. She wanted him completely in her power. Then she would marry him. <...> Gerald was what she called a man, and these others, Halliday, Libidnikov, Birkin, the whole Bohemian set, they were only half men. But it was half men she could deal with. She felt sure of herself with them. The real men, like Gerald, put her in her place too much* [11, p. 81].

The scene of Pussum's stabbing a young man serves as a sort of exposure, climactic epiphany whence Lawrence's own nature transpires. As Bloom comments, "The calculated sex-play and the accumulating brutality are not alternative activities; they are versions of an identical dynamic: the programmatic itching of raw nerves, sensual gratification through self-abuse and the abuse – verbal, physical – of others. Within well-ordered confines the Bohemians at the Pompadour avert the ennui that stalks their life by teasing at, toying in public with, the constitutive elements of their passionnal life. They know they are alive by the lacerating, self-delighting sensations thus produced" [5, p. 116].

Maxim Libidnikov plays a minor role, almost a decorative one, with his *quick, hushed, elegant manner* [11, p. 70], *suave, discreet and precise,*

the voice *small and perfect* that sounded in the blood rather than in the air, correct and *COMME IL FAUT* in appearance and manner [11, p. 80]. He is almost imperceptible, only the background decency. This is, perhaps, as far as Lawrence's imagination can picture a diplomat.

Loerke, of all, is probably the most conspicuous expression of the bohemian standards, albeit, not exactly London-related, but still very much in the same vein. *Herr Loerke was the little man with the boyish figure, and the round, full, sensitive-looking head, and the quick, full eyes, like a mouse's. He glanced swiftly from one to the other of the strangers, and held himself aloof* [11, p. 405]. *His body was slight and unformed, like a boy's, but his voice was mature, sardonic, its movement had the flexibility of essential energy, and of a mocking penetrating understanding. Gudrun could not understand a word of his monologue, but she was spell-bound, watching him. He must be an artist, nobody else could have such fine adjustment and singleness* [11, p. 406].

Jack Stewart associates him with decadence which, in turn, is associated with "a cult of primitivism" [16, p. 113], which the critic – in the form it is practiced by Loerke – judges to be "fantasy and escapism": "Amid this 'flux of dissolution' the creative individual must resist inertia, struggle for awareness, make existential choices that determine his being. That is why Birkin has to go through a phase of conscious primitivizing, sharply distinguished from Halliday's self-indulgent playing at 'the primitive' or Loerke's exploitation of it for mental thrills. He must resist the tide of his culture, which seems set for destruction, and draw from other cultures whatever helps to restore inner balance" [16, p. 113].

Simultaneously, Lawrence as a shrewd observer, a chronicler of the subtlest changes in the outward and the inward, he plays with the artistic detail in the psychological portrayal, body language depiction and creation of the mood and atmosphere. He uses these skills at his very best in the chapter "Gudrun in the Pompadour": *She sat with Gerald drinking some sweetish liqueur, and staring with black, sullen looks at the various groups of people at the tables. She would greet nobody, but young men nodded to her frequently, with a kind of sneering familiarity. She cut them all. And it gave her pleasure to sit there, cheeks flushed, eyes black and sullen, seeing them all objectively, as put away from her, like creatures in some menagerie of apish degraded souls. God, what a foul crew they were! Her blood beat black and thick in her veins with rage and loathing. Yet she must sit and watch, watch. One or two people came to speak to her. From every side of the Cafe, eyes turned half furtively, half jeeringly at her, men looking over their shoulders, women under their hats* [11, p. 380].

If, for a moment, we apply the formalist perspective, the paradox of the tension – between the pleasure to sit there and the apish degraded souls, between rage and loathing and the compulsion to watch – reveals Gudrun's own dark fascination with what her mind proclaims evil. Jill Franks treats this as Kristevian expression of the abject [17, p. 39].

The scene in which Halliday ridicules Birkin's meditative letter, with hiccups *in the sing-song, slow, distinct voice of a clergyman reading the Scriptures* [11, p. 383] is of electric transformative power for Gudrun: *Surely there will come an end in us to this desire – for the constant going apart, – this passion for putting asunder – everything – ourselves, reducing ourselves part from part – reacting in intimacy only for destruction, – using sex as a great reducing agent, reducing the two great elements of male and female from their highly complex unity – reducing the old ideas, going back to the savages for our sensations, – always seeking to LOSE ourselves in some ultimate black sensation, mindless and infinite – burning only with destructive fires, raging on with the hope of being burnt out utterly* [11, p. 384].

On the one hand, we can easily read Lawrence into this letter projecting in the narrative his own plight of exposure to the hypocritical and vicious minds. His unmistakable preaching philosophy sounds amid giggles, drunken hiccups, derision and humiliation. The gap between the near-religious quality of the letter and the smoke, drink and boozing, the cruel exposure of one's intimate soul is all what Gudrun needs to become a heroine, to rise – with her country origins and yet, a splendid fashionable dress – above the crowd, who are, ironically, proclaiming themselves to be above old-fashioned crowds. In spite of himself, perhaps, Lawrence underscored the female “coming of age” through Gudrun's London exploits, with this one being exceptionally remarkable. Carola M. Kaplan makes an observation that is particularly relevant for the study of the London Bohemia: “class differences; the emergence of the New Woman” [18, p. 186].

When we take a piece of psychoanalytic methodology into this scene, it may well pass for a wish fulfilment, a fantasy that compensates for the bad feeling the author had about London Bohemia. It is worth noticing that it is not Birkin who avenges his humiliation, but a female protagonist. Could it be Lawrence's trust in, reliance on and clinging to the power of woman? On the other hand, there is Gudrun to observe: with flushing eyes, flushed cheeks, fashionably dressed – all green, grey and silver – she performs this courageous deed which reestablishes her self-pride and esteem, her naturalness reaffirms her stance favourably against Pussum's “diablerie”.

The verbal dramatization of the scenes involving the bohemian group of London artists and their associates, bespeaks authorial anxiety, deep-rooted fear of self-exposure, and an almost electric tension filling the gap between more provincial people like the main heroes and those occupying London's rented furnished rooms, *common and ugly*.

Resulting from a host of contradictory experiences, Gudrun faces her own introspection: *Young as she was, Gudrun had touched the whole pulse of social England. She had no ideas of rising in the world. She knew, with the perfect cynicism of cruel youth, that to rise in the world meant to have one outside show instead of another... Everything was intrinsically a piece of irony to her* [11, p. 418].

Through a combination of borrowed features from real-life prototypes, generalized imagery of the Café Royal and other bohemian parties, and using his subjective attitudes, Lawrence created a dynamic image of the London Bohemia and made it function as a catalyst for Gudrun's further becoming, as a trial agent that crystalizes heroic stance, but leaves her meandering and cynical. Lawrence also shows his acquiescence of women's changing social roles, personal independent choices, of collapsing moral boundaries. However, the sense of the moral as something deeply human, never leaves the reader's mind, without actually being imposed by the narrative.

REFERENCES

1. *Ellis, D.* Love and Sex in D. H. Lawrence / D. Ellis. – Clemson : Clemson University Press, 2016. – 220 p.
2. *Delany, P. D.* H. Lawrence's Nightmare: The Writer and His Circle in the Years of the Great War / P. D. Delany. – New York : Basic Books, 1978. – 420 p.
3. *Roberts, N. D.* H. Lawrence: 'Women in Love' (Literature Insights) [Electronic Resource] / N. D. Roberts // Humanities-Ebooks.co.uk. – Mode of access : <https://humanities-ebooks.co.uk/shop/p/d-h-lawrence-women-in-love?rq=Neil%20Roberts>. – Date of access : 10.10.2022.
4. *Worthen, J.* Introduction / J. Worthen // D. H. Lawrence. *First Women in Love*. – Cambridge University Press, 1998. – P. xvii–xlviii.
5. *Weinstein, Ph. M.* "The Trembling Instability" of *Women in Love* / Ph. M. Weinstein // D. H. Lawrence's *Women in Love* / ed. by Harold Bloom. – New York : Chelsea House, 1988. – P. 115–132.
6. *Lawrence, D. H.* *The Crown* / D. H. Lawrence. *Reflections on the Death of a Porcupine and Other Essays*. – Cambridge : CUP, 1988. – P. 251–306.
7. *Ransome, A.* *Bohemia in London* / A. Ransome. – New York : Dodd, Mead and Company, 1907. – 294 p.
8. *David, H.* *The Fitzrovians. A Portrait of Bohemian Society 1900–55* / H. David. – London : Michael Joseph, 1988. – 275 p.
9. *Deghy, G.* *Café Royal: Ninety Years of Bohemia* / G. Deghy, K. Waterhouse. – London : Hutchinson, 1955. – 211 p.
10. *Brooker, P.* *Bohemia in London: The Social Scene of Early Modernism* / P. Brooker. – London : Palgrave Macmillan, 2004. – 223 p.
11. *Lawrence, D. H.* *Women in Love* / D. H. Lawrence. – London : Penguin Classics, 2007. – 560 p.
12. *Squires, M.* *Living at the Edge: A Biography of D. H. Lawrence and Frieda von Richthofen* / M. Squires, L. K. Talbot. – Madison : Univ. of Wisconsin Press, 2002. – 520 p.
13. *Bullen, J. B.* D. H. Lawrence's Loerke in *Women in Love* [Electronic Resource] / J. B. Bullen // Academia.org. – Mode of access : https://www.academia.edu/es/9319728/D_H_Lawrences_Loerke_in_Women_in_Love. – Date of access : 10.10.2022.

14. *Litvinov, M. M.* Speech, 1932. The Soviet Union in the Struggle for Peace / M. M. Litvinov // Lenin, Stalin, Molotov, Voroshilov, Tukhachevsky, Litvinov. – Moscow: Coop. Publ. Soc. of Foreign Workers in the USSR, 1936. – P. 82–156.
15. *Lawrence, D. H.* Give Her a Pattern / D. H. Lawrence. Late Essays and Articles / ed. by James T. Boulton. – Cambridge : CUP, 2004. – P. 162–165.
16. *Stewart, J.* The Vital Art of D. H. Lawrence: Vision and Expression / J. Stewart. – Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 1999. – 280 p.
17. *Franks, J.* “Every civilized body is bound to have its vermin”: The Abject in Women in Love / J. Franks // DHL Studies. – #12:2. – 2004. – P. 39–57.
18. *Kaplan, C. M.* Totem, Taboo and Blubrüderschaft / C. M. Caplan // D. H. Lawrence’s Women in Love / ed. by David Ellis. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – P. 183–204.

Поступила в редакцию 12.10.2022

Чернецов Алексей Дмитриевич
аспирант отдела теории и истории
литературы Центра исследований
белорусской культуры, языка и литературы
Национальная академия наук Беларуси
г. Минск, Беларусь

Alexei Chernetsov
PhD Student of the Department
of Theory and History of Literature
Centre for Studies of Belarusian Culture,
Language and Literature
National Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus
Alexchernetsoff@gmail.com

ХРОНОТОП В КОНЦЕПЦИИ М. М. БАХТИНА: АКТУАЛИЗАЦИЯ И РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ

CHRONOTOPE IN THE CONCEPT OF M. M. BAKHTIN: ACTUALIZATION AND RESTRUCTURING

В статье анализируется значимая для литературоведения работа культуролога и литературоведа М. М. Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе». Основной акцент в исследовании делается на пересмотр и актуализацию выводов ученого. В частности, рассматриваются критерии выделения типов хронотопа, соотношение понятий «хронотоп» и «хронотопичность», концепция множественности хронотопов в одном произведении.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *хронотоп; М. М. Бахтин; пространство; время.*

The article analyzes the work of the culturologist and literary critic M. M. Bakhtin, “Forms of Time and Chronotope in the Novel”, which is significant for literary criticism. Our paper focuses on the review and reconsideration of the scholar’s conclusions. In particular, the article discusses the criteria for singling out types of chronotope, the relationship between the concepts of “chronotope” and “chronotopicity”, the concept of multiple chronotopes in one work of art.

К e y w o r d s: *chronotope; M. Bakhtin; space; time.*

Под *хронотопом* в теории литературы подразумевается существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе [1, с. 237]. Из дефиниции термина видно, насколько вариативен и велик объем понятия, складывающийся из сложных категорий «художественное время» и «художественное пространство» при обязательной взаимосвязи между ними. Например, художественное пространство может включать в себя:

- пространство как некий объем (страна, поле, комната);
- пространство как совокупность предметов (лес, город, выставка);
- пространство как единый объект (гора, мост, порог);
- внутреннее пространство (сознание персонажа);
- пространство как образ (образ дома, образ дороги);
- другие, менее частые, но существующие варианты.

Соответственно, литературный хронотоп должен охватывать художественное пространство и художественное время во всем их многообразии, при этом они должны выступать как единое целое – что делает данную категорию сложной для восприятия и анализа.

Основу и существенный вектор в изучении художественного хронотопа заложил М. М. Бахтин, в 1937–1938 годах написавший работу «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике». В ней впервые используется термин *хронотоп* в литературоведческом ключе. Анализируется генезис форм хронотопа, начиная от античного романа и заканчивая романами XIX века.

Заслуга Бахтина состоит в расширении представлений о сущности и функциях художественных пространства и времени, синтезе их в комплексное понятие (впрочем, и до него учеными предпринимались шаги в этом направлении, но не настолько результативные), анализе исторических видоизменений этого единого хронотопа, постулировании связи пространства-времени и жанра.

Однако при всей структурности объекта исследования, то есть хронологической последовательности в приведении романских жанров и соответствующей композиции, предмет исследования – хронотоп/формы времени – отличается некоторой деструктурностью. Нет единого критерия выделения и классификации хронотопов, их упоминание носит недостаточно системный характер – при том, что количество выделенных хронотопов составляет около трех десятков.

Это объясняется рядом причин. Первая – объем и неточность термина. На это обращали внимание некоторые ученые: «В своих научных сочинениях М. М. Бахтин не дает системного определения понятию хронотопа. Мыслитель, отталкиваясь от первоначальных замечаний, переходит к чередованию иллюстративных примеров и последующих обобщений. В результате объект исследования каждый раз приобретает новое содержание» [2, с. 52]. Вторая причина – естественное обновление научного знания, появление новых исследований на данную тему и подходов. Третья причина – неразделение хронотопа и «хронотопичности».

Учитывая вышесказанное, цель нашей статьи – уточнить структуру хронотопа в контексте теории М. М. Бахтина, актуализировать теорию в соответствии с современными подходами.

Для дальнейшего анализа следует реструктуризировать объект исследования, то есть сформулировать критерии выделения хронотопов согласно Бахтину.

1. Жанровый критерий:

- хронотоп античного романа – сюда входят родственные хронотопы греческого романа, античной биографии и автобиографии, Апулея и Петрония;

- хронотоп рыцарского романа, некоторые особенности которого обнаруживаются в более поздних произведениях, в том числе «вертикальном хронотопе Данте» [1, с. 310];

- раблезианский хронотоп, основанием которого во многом была «народная смеховая культура средних веков и Возрождения» [1, с. 328].

2. Критерий по типу времени (во многом соответствует, но не равен жанровому критерию):

- авантурный хронотоп – то есть хронотоп с доминирующим авантурным временем;
- авантурно-бытовой хронотоп – хронотоп, в котором синтезируется авантурное и бытовое время;
- хронотоп мистерийного и карнавального времени;
- хронотоп биографического времени.

3. Критерий по типу картины мира:

- хронотоп – «чужой мир в авантурном времени» [1, с. 252], преимущественно соответствующий греческому роману;
- хронотоп – «жизненный путь ищущего истинного познания», свойственный преимущественно для «автобиографических и биографических форм» [1, с. 275];
- хронотоп – «чудесный мир в авантурном времени» [1, с. 301], соответствующий преимущественно рыцарскому роману.

4. Критерий отношения к реальному миру:

- внутренний хронотоп – время-пространство изображаемой жизни, то есть собственно художественный хронотоп, условный;
- внешний реальный хронотоп – время-пространство, в котором совершается изображение этой жизни, в котором эта жизнь «опубликовывается» [1, с. 269]. Фактически речь идет об изначальной ориентации произведения на собственное воспроизведение, публичность. К внешнему хронотопу относятся «реальный хронотоп площади» [1, с. 270], «реальный хронотоп семьи» [1, с. 271].

5. Критерий модальности, модуса художественности (у Бахтина фактически разновидности идиллического модуса):

- семейно-идиллический хронотоп;
- хронотоп трудовой идиллии;
- пастушеско-идиллический хронотоп;
- любовно-идиллический хронотоп.

6. Критерий на основании мотива (ученый говорит в принципе о хронотопичности всех мотивов, поэтому ряд можно продолжать дальше, но в работе упоминаются только два):

- хронотоп встречи;
- хронотоп кризиса и жизненного перелома.

7. Критерий на основании субъекта художественного текста:

- хронотоп автора-творца;
- хронотоп слушателя-читателя.

8. Пространственный критерий:

- открытые хронотопы: дороги, природы;
- замкнутые хронотопы: замка, провинциального городка, улицы и площади; хронотоп порога, хронотопы лестницы, передней и коридора; театральные хронотопы (хронотоп театральных подмостков, хронотоп кукольного театра).

9. Персонажные хронотопы – приводятся только объединенные хронотопы плута, шута, дурака.

Таковы основные критерии выделения типов хронотопа согласно М. М. Бахтину. Еще более усложняют классификацию заключительные замечания ученого: «Искусство и литература пронизаны хронотопическими ценностями разных степеней и объемов. Каждый мотив, каждый выделяемый момент художественного произведения является такой ценностью» [1, с. 391], «хронотопичен всякий художественно-литературный образ. Существенно хронотопичен язык как сокровищница образов. Хронотопична внутренняя форма слова, то есть тот опосредствующий признак, с помощью которого первоначальные пространственные значения переносятся на временные отношения (в самом широком смысле)» [1, с. 360], «каждый мотив может иметь свой особый хронотоп, о чем мы уже говорили» [1, с. 392].

Отличительная особенность работы М. М. Бахтина в том, что значимые теоретические моменты зачастую излагаются не сугубо научным стилем, а с добавлением средств экспрессивности. Следовательно, для установления смысла, заложенного автором, в некоторых случаях приходится анализировать несколько высказываний из разных мест труда. В указанном выше контексте выстраивается ряд «каждый мотив, каждый выделяемый момент», члены которого приравниваются к «хронотопическим ценностям». Потом указывается, что «каждый мотив может иметь свой особый хронотоп», то есть концептуально «каждый мотив – это хронотопическая ценность». При этом, раз «каждый мотив – это особый хронотоп», то, следовательно, «хронотопическая ценность – это особый хронотоп». И, наконец, если «каждый выделяемый момент» является «хронотопической ценностью», «хронотопом», то в утверждении «хронотопичен всякий художественный образ» «хронотопичность» приравнивается к «хронотопической ценности» и к «хронотопу», так как в множество «всякий выделяемый момент художественного произведения» очевидно входит «художественный образ». Таким образом, «хронотопичность», «хронотопическая ценность» и «хронотоп» в данном контексте синонимичны.

Эта параллель прослеживается неоднократно: «Он (этот диалог) входит в мир автора, исполнителя и в мир слушателей и читателей. И эти миры также хронотопичны. Как же даны нам хронотопы автора и слушателя-читателя?» [1, с. 394]. Концептуально «мир автора», «мир слушателей и читателей» равны «хронотопу автора» и «хронотопу слушателя-читателя» соответственно, при этом «эти миры хронотопичны» – значит «хронотоп» в этом контексте равен «хронотопичности».

Таким образом М. М. Бахтин размывает границу между «хронотопичностью» и «хронотопом», то есть, согласно его мысли, каждый образ в литературном произведении, «каждый выделяемый момент художественного произведения» в такой системе может трактоваться как отдельный хронотоп.

Однако равны ли понятия «хронотоп» и «хронотопичность»? Хронотоп понимается как существенная «взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1, с. 237]. Так как термин «хронотопичность» – авторский, не словарный, то для определения его точного значения необходимо обратиться к словообразованию. Лексема *хронотопичность* по своей модели относится к группе слов с суффиксом *-ость*, в которой отношение мотивирующего слова и суффикса характеризуется как «признак, проявляющийся в различной степени и поддающийся измерению» [3]. Следовательно, хронотопичность элемента – это степень проявления в нем признака ‘хронотоп’, и только *максимальная* степень проявления этого признака приравнивает элемент к самому хронотопу.

Таким образом мы получаем шкалу «хронотопичности», в которой верхнее значение – это хронотоп, а нижнее – наименьшее проявление пространственно-временных отношений. Что же будет между крайними положениями шкалы?

Для многих элементов – в частности, пунктов 6–9 вышеуказанной классификации – в полной мере применимы термины *топос* и *локус*. Топосы дороги, встречи, площади, локусы дома, театра и др. – это уже устоявшиеся в литературоведении (как и в языкознании) понятия, введенные в него, конечно же, гораздо позже написания работы «Формы времени и хронотопа в романе» М. М. Бахтина. Они не равны хронотопу, но в значительной степени проявляют признак пространства, являются частью общего пространства произведения, следовательно, характеризуются хронотопичностью.

Таким образом, мы предлагаем разграничивать понятия «хронотопичность», «топос/локус» и «хронотоп» в отношении работы М. М. Бахтина.

Отдельно остановимся на следующем высказывании ученого: «Хронотопы могут включаться друг в друга, сосуществовать, переплетаться, сменяться, сопоставляться, противопоставляться или находиться в более сложных взаимоотношениях» [1, с. 391]. Поддерживая тезис о «неразрывности пространства и времени» [1, с. 238] в литературно-художественном произведении, логично сделать вывод, что смена хронотопа – это полная смена времени и пространства. То есть, чтобы актуализировать новый хронотоп, нужно полностью покинуть пределы предыдущего. Следовательно, говоря о множественности хронотопов в произведении, мы подразумеваем сосуществование различных *независимых* пространство-времен в рамках одного художественного текста. Так, условный «хронотоп порога» сосуществует с «хронотопом плута», они одновременно объединены хронотопом конкретного жанра; вместе с этим присутствует «хронотоп автора». Ряд можно продолжать долго, и, если следовать данной логике, для всех его элементов существуют отдельные единства пространства и времени. И подобный тезис о множественности хронотопов вызывает вопросы:

1. Как возможно одновременное сосуществование множества независимых хронотопов в рамках одного произведения? Элементом текста

свойственно единство, они взаимосвязаны; одно событие следует за другим, один локус перетекает в другой, они объединены общими чертами; персонажи, образы укрепляют эту связь. Если подобную множественность принять как данность и использовать выделенные М. М. Бахтиным хронотопы (не учитывая уже рассмотренной идеи о том, что все в произведении – отдельные хронотопы), то получится, что суть произведения – это взаимодействие хронотопов. Хронотоп одного персонажа взаимодействует с хронотопом другого, они вместе взаимодействуют с пространственными хронотопами, мотивными, жанровыми, хронотопами субъектов (и авторским, и читательским одновременно) и т.д. И при этом они не пересекаются, то есть границы хронотопов не нарушаются, так как пространство и время неразрывны.

2. Какова иерархия подобного множества хронотопов? Ведь, по мысли М. М. Бахтина, один хронотоп может включать в себя другие, входя, в свою очередь, в другой хронотоп, но при этом вновь нарушается концепция неразрывности пространства и времени. Кроме того, каким образом настолько разные величины остаются, тем не менее, полноценными хронотопами? Характеризуя хронотоп произведения, какой из них необходимо описывать?

Для решения этих проблем рациональным видится ориентироваться не на множественность хронотопов, а на их составляющие, кванты – то есть уже упомянутые локусы/топосы. В произведении действительно может присутствовать множество конкретных локусов, вступающих в отношения между собой, но всё равно остающихся частью целого – хронотопа, который, в свою очередь, может быть, например, хронотопом греческого романа с авантюрным временем, реализующим такую картину мира, как «чужой мир в авантюрном времени». Такой подход и решит упомянутые вопросы, и упростит классификацию хронотопов, и избавит от смешения терминов.

В результате анализа работы М. М. Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе» с целью актуализации и реструктуризации теории хронотопа были сделаны следующие выводы:

- критерии выделения типов хронотопов в исследовании носят недостаточно системный характер;
- в отношении исследования М. М. Бахтина следует разграничивать понятия «хронотоп», «топос/локус» и «хронотопичность»;
- мысль ученого о множественности хронотопов в рамках одного произведения представляется противоречивой, так как нарушает принцип единства пространства и времени. Более уместным решением выглядит ориентация на кванты, более мелкие единицы хронотопа – локусы/топосы.

Однако отметим, что работа М. М. Бахтина стала фундаментальной как для «хронотоповедения», так и для теории литературы в целом, расширив возможности литературоведческого анализа. Важность ее и актуальность сохраняются и сейчас.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит, 1975. – С. 234–407.
2. *Фаликова, Н. Э.* Хронотоп как категория исторической поэтики / Н. Э. Фаликова // Проблемы исторической поэтики. – Петрозаводск : ПетрГУ, 1992. – С. 45–55. – 194 с.
3. Русская грамматика : [в 2 т] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1980. – 783 с.

Поступила в редакцию 28.09.2022

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 5 (120), 2022

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *В. М. Василевская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 26.10.2022. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,32. Тираж 100 экз. Заказ 47.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172